

Нина Бахтина

ТРИ СЕНТЯБРЯ

Психологический опус

Вологда, 2002

«...Все мы выставлены на общее обозрение,
все друг на друге паразитируем,
все мы ряженные и стесняемся своего
маскарада».
Уильям Голдинг. «Пирамида»

Сентябрей в моей журналистской практике больше, но три последних были наотличку. Пришла пора писать роман.

РЕДАКТОР ДЕ-ФАКТО

Машинистка:

– Н. опять принес «роман», и я сказала редактору: «Корреспонденты обижаются: по двадцать материалов лежат у секретаря, работать неинтересно».

Редактор:

– Пусть материал Е. полежит у меня.

Е. самый плодовитый из внешкоров. Имеет два высших образования. Ему бы еще капельку развития или хоть скромности.

ДЕ-ЮРЕ РЕДАКТОР

На планерке: «Хотите получить премию (пятьдесят процентов ставки) – то в числе прочих должны готовить вести из сельских администраций».

Даем вести только мы с Мадам. Через месяц: «Все-таки, чтобы не лишаться двадцати пяти процентов премии, Мадам сориентировалась. Давала вести. И некоторые другие...»

Других, кроме меня, в списке «восточников» нет. Мадам в отпуске. Меня, значит, перед строем поблагодарили.

ПРОТИВ ЛОМА НЕТ ПРИЕМА

Секретарь, спившийся интеллектуал пятидесяти одного года, сказал: «Не могу поместить ваши вести, их слишком много». Мне стало весело: «Да вы разделите вести на пять частей!» Надо было, наверное, сказать: «Делите па столько частей, сколько вестей!» Ибо через неделю секретарь опять повторил про обилие этих вестей. Против лома нет приема, и я зло пошутила: «Да помогите же ему разделить-то!»

Зато моих материалов в следующем номере – пруд. Наш бедный секретарь невестке в отместку держал мои заметки в папке почти месяц, и теперь дает лавиной. Глуповато, но...

Как приятно быть гордой и независимой. Интересно, что лучше: иметь детей и всю жизнь гоняться за копейками? Или мое гордое одиночество?

СТИЛЬ, МАНЕРА И РАЗВИТИЕ

Вторая страничка у Оксаны ниже среднего. Жалко. Три-четыре года работы без приличной редактуры – и девчушка станет такой же «не сделанной» журналисткой, как Паша, Валера и мадам. Более других обидно за Пашу: все-таки питает стихи. Погибший в Москве, в октябре 1993, бывший местный поэт Мокин, по словам Паши, сказал, что они с Пашей талантливы. Мокин в Москве или в Минске успел создать издательство, где трудится его супруга.

В этом издательстве у Паши вышла книжечка стихов. И теперь в глазах у Паши постоянное отсутствие присутствия, которое чередуется с безудержной злобой или раскрытостью. Недавно Паша накричал на нас с Наташей.

Вчера Наташа подала Паше мой кипятыльник, я – бумагу, чтобы обернуть элемент. Бумагу Паша механически положил на стол, а с кипятыльником, пока мы разливали готовый чай, ходил по кабинету, дул на него и время от времени спрашивал: Это ваш кипятыльник? Я боюсь, чтобы он не перегорел». Мы с Наташей не преминули

переглянуться: вот так инженер!

НЕЛЬЗЯ КАЗНИТЬ РЕДАКТОРА

18 июня в моей родной деревне – праздник, посвященный открытию церкви, сожженной в конце войны, а в Каргополе в этот день третье или четвертое лето подряд проводится праздник мастеров декоративно–прикладного творчества.

Не побывать на таком празднике – будто и не жить в этот период. Валера, наш новый профлидер, «полякал» накануне: «Постараюсь организовать поездку для всех». Я радостно (когда и поумнею?) подалась ему навстречу, но Валера и не собирался ничего организовывать. Он – бывший и теперешний член КПСС – привык говорить, ничего не делая.

Редактор с дочерью и шофер с супругою молча укатили на редакционной «Ниве». Поплакалась Наташе, и мы поехали в Каргополь с отделом культуры.

Наташа предложила зайти в каргопольскую редакцию. Туда, по словам нашего редактора, должны прибыть гости из Вельска, из Коноши... Никаких редакторов, кроме каргопольского и нашей – не было. Наша всегда старается набить себе цену несуществующими друзьями. Увидев нас, редактор пыхнула заревом и замулюкала: «Правда–правда, я всех пригласила в редакцию после 14.00!»

Оля–ля! Это приглашение не смог бы услышать даже всемогущий Господь Бог. Присев за стол, мы с Наташей через минутку ушли, не выпив чашки чаю. Зачем заходили? Посадили редактора на горячую сковородку. За это теперь станем долгонько расплачиваться.

Правда, чай мне бы там всё равно не выпить. Напротив меня сидел краснее рака наш Валера, о котором редактор говорила целый год: «Л его уволю в августе, когда пройдет договорной срок!» Не уволишь, матушка, кого же в таком случае безнаказанно против шерстки гладить станешь?

На следующий день редактор не смогла при встрече выговорить мое имя– отчество, а через день будто бы уж и забыла о «горячей сковородке».

ИЗГОЙ

Мадам в редакции – изгой, но именно она предложила увеличить вторые дополнительные отпуска наравне с корреспондентами и техническими работниками за ... стаж. Да, за стаж. О качестве работы технических стажистов у нас говорить не принято. Выправленные после нашей машинистки печатные листы частенько напоминают сорочье гнездо на ветру. Возможно, – плоха машинка.

Если где–то будет проведен антиконкурс, то по корректорским ошибкам мы обязательно займем первое место. Возможно, – виноват постоянно пьяный секретарь.

Изгой полыхала заботой, а я видела вчерашний день. Захожу в свой кабинет, а Мадам договаривает Паше: «Посидишь с ней, узнаешь!» Увидев меня в раскрытых дверях, Мадам испарилась. Это один из редких случаев, когда бедная Мадам «засветилась». Наговорив на днях нашей машинистке каких–то гадостей, разволновав женщину до белого каления, Мадам сказала: «Вы ничего про меня не докажете, свидетелей у нас не было!»

Редактор посадила меня сначала в кабинет Мадам. Я кое–как вытерпела ее общество месяц, а потом попросилась к секретарю. Все–таки у секретаря не очень–то удобно корреспонденту, поэтому, считая, что закалилась, через год вернулась к Мадам. Она мое возвращение поняла именно так, как воспринимает жизнь сырое и неотесанное полено, летящее по прямой. При первой же возможности упрекнула меня: мол, я только и делала, что меняла работу. Я ответила Мадам на ближайшей планерке: «Да, я много увольнялась, но при первом желании устроиться в прежнюю редакцию меня брали туда заведовать отделом, хотя я увольнялась с должности корреспондента. Попробуйте вы уволиться из этой редакции – вас сюда не возьмут даже уборщицей...»

Мадам вскочила с места и театрально воскликнула: «Господи, дай мне силы вытерпеть, ничего не отвечая!»

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ПРОВИНЦИАЛ

Заходил в редакцию Саша, – он теперь в Ленинграде, в рекламном издании. У Саши вид человека, который способен пнуть. Мысль странна и страшна. Поделилась с Наташей – они работали вместе два года. Наташа подтвердила, не задумываясь. Среди «пнутых» оказывался и наш Паша.

Саша видит себя непревзойденным журналистом. Попросила показать материал, который он считает лучшим. Саша, как все провинциалы, улетевшие в большой город, закокетничал: «По одному материалу невозможно судить, как человек пишет!» Оля–ля, малыш! Можно с легкостью судить даже по одной фразе.

Саша махнул в Ленинград после окончания заочного отделения факультета журналистики. Редактор сказала вслед: «Я говорила, что ничего, кроме рекламы, ему не дано!»

Завидная самоуверенность. Не могу судить так о молодом мужике, полном сил и энергии, пусть речь у него по–прежнему на уровне захудалой провинции, – но писать он может. Ему просто не встречались отличный секретарь или редактор стоящий.

Отметала несколько «смешинок» в криминальном очерке: Саша претендует на звание классика, и секретарь не исправил орфографию в слове «скушно», взял в пояснение слово: «сленг», которое в районке тоже необходимо пояснять, поскольку наши основные читатели – пенсионеры...

Саша, проучившись пятилетку в Ленинграде, до сих пор «радует» нас примерными телефонными разговорами: «Он мне зво–о–нит». Звонил Саше по рекламным делам непременно какой-нибудь академик.

ОХ, МУДРЫ БЫЛИ ДРЕВНИЕ!

Зашел плодовитый: «Не слишком отнимаю хлеб у журналистов?» Стараюсь припомнить: кто первый из наших сказал о засилье материалов Е. Мадам, но не мне. Мне говорила машинистка. Значит, это она перевела свои «сплётные ветры» на мои паруса.

Ох, и мудры были древние, сказав, – что ни делается, всё к лучшему. Мы с Е. отлично поговорили. Разобрала по косточкам один из его небольших опусов. Посожалела, что наш секретарь не считает нужным работать с материалами: при правке Е. писал бы лучше день ото дня. Попросила, чтобы писал материалы покороче, – возможно, тогда о жизни ветеранов прочли бы и молодые. Предложила писать и на другие темы...

Е. доволен, бесконечно жал мне руку, отчего–то прижимая ее к своему тугому животу. Но я тоже собою довольна: не спросила, кто дал на меня эту подлую наводку.

САВРАС БЕЗ УЗДЫ

Паша весь день прибегал откуда–то, в глазах извечное присутствие отсутствия, и просил прощения. То ли за то, что душа моя от его отвернулась, то ли за то, что я даю строчки, а он бегаёт полупьяный, полусчастливый, полустыдящийся чего–то...

Возможно, всё на уровне пареной репы: поэт понял, что я «прочла» его неваляшкину суть, игру в дурачка, при которой можно просто получать приличную зарплату, когда другие «пашут».

Возможно, и совсем недостижимый для обычных смертных уровень: просил прощения за то, что я упорно «пашу» рядом с ним, хотя наша редактор, ласкающая Пашу, то и дело подкалывает меня. Хотелось бы видеть Пашу на такой духовно–нравственной высоте, иначе грош цена его бесконечным воробьиным трепыханиям. И менее всего, – хотя это более реально, – хочется верить Наташе, что Пашка опять наушничал редактору.

Один из подколов редактора: «Н. П., можно вас попросить написать о райпо?!»

В следующий раз наберусь наглости–смелости: «Попросите!»

РЕДАКТОР–МАШИНИСТКА

Наша машинистка из тех женщин, которые не стесняются словесно пройтись по анатомии человека в любой компании. Однажды, за праздничным столом, редактор игриво предложила: Быстро – каждому спеть куплет из песни или частушку о зиме!» Я по команде не умею ни быстро, ни медленно. Редактор спела о метелице, а я беспомощно повернулась к машинистке. Она тут же выдала:

Ой, снег–снежок,
Белая метелица!
Почему одна п...
На троих не делится?

Наташа с Оксаной вскоре же ушли из–за стола, а я дала себе слово садиться за общий праздничный стол только при великой нужде.

Машинистка всеми в редакции «помахивает»: шутя–любя–нарочно – Пашей, с юморной брезгливинкой – Валерой. Не знаю, как она хотела помахивать мной, но сделала эту попытку в первую же неделю. Сообщаю ей в коридоре: «Положила вам на стол свой шедевр». Машинистка – из–за плеча, на ходу и высокомерно: «Сегодня печатаю только программу!»

Я заплечных бесед не признаю, поэтому стояла в коридоре до тех пор, пока машинистка не вышла из типографии. Она, довольная, что не надо печатать нудную программу, опять же мне из–за плеча: «Не переживайте, напечатаю сейчас! С программой утрясла!»

Меж тем мы зашли в ее кабинет. Поскольку я до сих пор слова не уронила, то машинистка замолчала и уставилась на меня. Тут я ей выдала – до сих пор коленки ходуном ходят: «Мне абсолютно безразлично, когда вы напечатаете мой «шедевр», я просто сообщила вам: положила его на стол!»

За сим я удалилась на ватных ногах. Эти разговоры мне заказаны. Я бы не стала так подробно фиксировать обычный бытовой эпизод, но сама машинистка в свой адрес ни мельчайшего высокомерия не позволит.

Через несколько месяцев работы в редакции я опять сделала какую–то заявку не в тон, который был принят в этой стране вульгарис. Машинистка, вульгарис по натуре, по жизни, по тридцатилетней работе с алкоголиком–секретарем, с редактором о которых, кроме первого, не может сказать ни одного доброго слова, тут же подчеркнула: «Другому, не вам, Н. П., я бы знала, что ответить!»

Всё примерно так и есть. На вечере, посвященном шестидесятипятилетию районки, муж Наташи сказал о нашей машинистке: «Вон первый редактор!» – это была та шутка, в которой правды больше половины: машинистка неглупа, с людьми контактирует, отличная распорядительница, ни на язык, ни на дело у нее не заржавеет. Люди, которым она дала характеристику, при нашем первом разговоре, оказались именно таковы. Валеру назвала мешком или тюфяком. Мадам, от которой в редакции неоднократно были в злобе, в отчаянии, в растерянности или в расстройстве – странной женщиной. Даже завидки берут: почта чеховская дама с собачкой. На меня машинистка последнее время доглядывает непонятно: то ли что-то решает, то ли в чем–то крупно провинилась, зная, что всё равно шила в нашем мешке не утаить. Обидно, если эта умная женщина тоже «ходит» к редактору, как Паша.

СТРАННАЯ ЖЕНЩИНА

Наша Мадам – редчайший экземпляр. Получила образование в Каргопольском педучилище. Вспоминает годы учебы с благоговением, но умудрилась выйти из стен педучилища попросту малограмотной. В ее материалах обычно ни стилистики, ни логики.

Какие-то сплошные ужимки и прыжки с перебежками. Пиша о временном рынке, выдала заголовок: «Пора кончать «базарить», надо строить рынок!» В материале: «Мы с главврачом заглянули за ларьки...» Для чего туда было заглядывать, если сегодня мусор и кал посреди улиц валяется.

Редактор, по случаю и без, бьет ее за неграмотность, а надо бы бить себя и секретаря. Второй десяток лет в одном редакционном котле варятся. За это время можно бы и слона научить премудростям пахоты районного журналиста.

Председатель совета ветеранов, один из прежних редакторов, назвал на совещании в районной администрации нашу бедную замарашку «бульварным листком». Уверена, что большая часть ветеранов не поняли сути сказанного или недослышали, но я дала отпор бывшему. Он «бульварный листок» быстренько взял обратно, а всё остальное еще подчеркнул: не пишете о деревне («только одна вы, Н. П., и ездите в командировки»), много грязи, ошибок...

По сути он почти всё говорил верно, но стрелял-то по воробьям из пушки, создавая себе популярность у стариков: неделю был их председателем, стрелял тоже холостыми. Вопросы о газете в повестке дня не было.

В перерыв ко мне подскочил его зам, и размахивая руками у моего лица, кричал: «ходите, всё врете про тысячи, нет у нас денег!» Мои попытки утихомирить старца и выяснить суть взволновавшего его вопроса, успеха не имели...

Позднее выяснилось, что «дед» вел речь о давнем материале тоже с ветеранского заседания, где было сказано председателем ревкомиссии: «В совете ветеранов есть деньги для материальной помощи, но ветераны почему-то не обращаются...»

Пропустить такое заявление мимо газеты в наши дни – преступление. В заметке с первого совещания, процитировав председателя ревкомиссии, спросила: «Почему же до сих пор не сообщили ветеранам, – деньги сегодня дешевлеюют не по дням, а по секундам?»

Поскольку от злого зама толку добиться не смогла, то попросила редактора опубликовать и вторую «ситуацию». Ветераны промолчали. Но, если верить нашему постоянно пьяному секретарю, то позаглазно глава ветеранов, двоюродный браг нашей машинистки, обливал меня грязью: мол, где и откопали такую журналистку...

И вот наша Мадам при случае, в коридоре, без свидетелей, прошу извинить, прошипела: «С одним стариком расправились, – расправьтесь еще с одним!» Один старик известен – зам председателя совета ветеранов. Второй старик – великий краевед. Уважаю его без слов – дело им творится святое. Мою расправу с ним могла увидеть только наша странная Мадам.

В подборке вестей из районной библиотеки была и весточка о краеведческой выставке, материалы для которой десятки лет собирал этот старик. Методист библиотеки дала число посещений выставки: «четыреста», а в информации Мадам еще месяц тому назад было их более тысячи.

Мадам, привычно прочтя мою подборку раньше меня, подняла привычный для нее крик, требуя исправить мою цифру. Командуй нашей газетой кто-нибудь по-настоящему, можно бы спокойно договориться с редактором или секретарем, но таких у нас не было, и тут уж я закусила удила: «Или цифра остается моя, или снимаю информацию!»

Информацию сняли – вот так я «расправилась» со вторым стариком. Между краеведом и мной пролегал холодок, но виною тому не информация, как считает Мадам и, возможно, весь коллектив. Краевед – тоже бывший редактор нашей газеты. На том совещании, где его детище при всех смешивали с грязью, он промолчал. Неприлично требовать чего-то героического от человека на девятом десятке, но в том-то и соль, что пара слов, сказанных им, сделала бы очень много для сохранения чести газеты и журналистов.

Столь же, но в ином измерении, меня сразила наш теперешний редактор. Она не только проглотила эту прилюдную оплеуху, но на одной из планерок еще и промурлыкала: Он (председатель совета ветеранов) просится зайти ко мне. Если кто

увидит его в редакции – скажите, пусть зайдет в мой кабинет, мы с ним объяснимся!»

Она и не была ни в чьих глазах редактором, но теперь я стала смотреть на нее, как на прыщ. Мешает, но неделю придется пострадать. Мне страдать до пенсии чуть больше года.

МНОГОЭТАЖНАЯ ЛОЖЬ

Похоже, что ложь становится каким-то краеугольным камнем в основании нашего бытия. Брала отгул, а перед этим надо было срочно сдать информацию о поликлинике, отмечавшей юбилей. Редактор быстренько переорала всех и получилось, что, кроме меня, информацией заняться некому. Даже Паша занят «деревней», что особенно подчеркнула редактор.

Через пять минут забегаю к бухгалтеру, а редактор договаривает: «...перечислят деньги за материал, который сейчас делает Пашка...» Редактор, не закончив предложения, испарилась. Я сказала о сем Паше. Он «хорошо» удивился; «Значит, мне еще и денег заплатят за материал с коммерсантом!»

Паша все время играет на зрителя. Сегодня только новорожденный не знает, что все материалы с коммерсантами – штатные. Да ведь об этом у него был и предварительный разговор с редактором, прежде чем он пошел к коммерсанту.

ПО ДЕЛАМ ЕГО...

Вчера был день рождения Наташи. Забежал ленинградский Саша. По его словам, он берет себе денег в своей рекламной газете столько, сколько ему требуется. За столом ему долили остатки из бутылки, сказав: «Беги за добавкой!» Саша вывернул пустые карманы.

НАДЕЖДА УМИРАЕТ ПОСЛЕДНЕЙ

Пригласили на девятины по Катюше М. Писала два материальчика о сборе денег на лечение девчущки. Папа Катюши служил на Новой Земле. Облучился. Острый лимфобластный лейкоз у Катюши. Ей шел третий годик в день смерти. Родители Катюши хотели было все собранные деньги перевести в лейкозный центр для лечения ребятишек. Это, оказывается, не просто.

Наша российская дикость невообразима. Тельце девочки в архангельском морге бросили родителям, когда они сами захотели обмыть дитя. Возможно, измученной маме это просто показалось.

Мама Катюши держится достойным образом. Надеется на то, что следующий ребенок может быть вполне здоровым. Так сказали врачи.

Мне же дважды было стыдно за себя. Когда мама Катюши накладывала мне пирожки, чтобы я взяла с собою (я ушла: на поминках мне не высидеть и куска за поминальным столом не проглотить), то я подумала: хорошо бы она положила рыбник. Рыбника мне не досталось. Скорби на девятинах я не испытывала. Было только уж слишком трезвое рассуждение о превратностях жизни человеческой.

СЛОВОБЛУДИЕ

Машинистку постоянно что-нибудь «стучает». Частенько бывшая КПСС и партийные. Тогда она бежит по кабинетам, подсознательно надеясь на то, что кто-нибудь захочет с ней сразиться. Пустая надежда: женщины у нас не скандальные.

Однажды машинистка залетела в наш кабинет, разозленная, кажется, директором типографии. Конечно, бывшим – и теперешним – коммунистом. Паша, как всегда, валял ваньку. Мне отлично работалось под машинисткино словоблудие. Оporожнившись, машинистка спросила почти извинительным тоном: «Н. П., вы-то не были членом партии?!» Среди моих друзей и знакомых было достаточно отличных бывших партийцев, но не начинать же снова сказку про белого бычка, поэтому только кивнула: «Нет!»

КИЕВСКИЙ БУКВОВЕД

Планерка в администрации. Глава делает «пробежку», пребольно щипля руководителей служб. В ответ только начальник РОВД тактичнейшим образом отхлестал его.

Глава: Участковые не смотрят за порядком около винных ларьков...

Начальник РОВД: Этим должна заниматься патрульная служба...

Глава: Надо гнать бизнесменов, у которых нет права на торговлю в данном месте. Я прогнал нескольких, но это не мое дело. Где ваши участковые?

Начальник РОВД: Чтобы гнать, надо иметь соответствующее постановление, такого закона у нас нет...

Вообще этот киевский буквовед (закончил академию в Киеве) умеет класть на лопатки. Зимой он сразил меня: редактор лет десять тому назад была условно осуждена или как-то административно наказана за... спекуляцию водкой.

Сотрудники подтвердили эти дикие факты, и не преминули донести редактору о моем отвращении к бывшей коммунистке и спекулянтке. Редактор едва терпит мое присутствие, по-прежнему бойко трепыхая словесными крылышками. Начальник РОВД удивился не столько взрыву моего секундного неуправляемого отвращения, сколько тому, что сотрудники благородно забыли о пятне в биографии своей мучительницы. Поостыв, я развеселилась: жизнь – такой змеиный клубок, что ни в сказке сказать. Начальник РОВД брезгает нашим редактором. Паша – друг этого начальника, но Паша же и «бегаёт с докладами» к редактору.

ХВАСТУНЬЯ

Редактор первый день в отпуске. Секретарь пьянее вина. Валера и Паша дружно отсутствуют. Газета сделана. О качестве ее говорить глупо: зимой сплошь шли снимки бревен, сейчас – коров показываем. Снимки – многолетней давности. Коровы на фото хороши, люди даны на расстоянии. Возможно, все они давно ушли в мир иной вместе с коровами.

В библиотеке не без моей помощи – прости, господи, хвастунью, – узнали о двух моих публикациях в журнале «Север», и теперь ведут со мной наиприятнейшие разговоры о большой литературе, как то: все-таки настоящих писательниц в русской литературе нет. Мне стыдно, что я не вспомнила Лидию Сейфуллину. Зато в библиотеке тоже не знают Дины Рубиной, ее повести «Во вратах твоих». Эта повесть выше всех писательских обойм: я это только подумала, а Дмитрий Быков давно сказал в журнале «Знамя».

Во всяком случае, женщина-писательница Дина Рубина пишет не хуже Александра Мелихова. Его повесть «Изгнание из Эдема» – исповедь еврея: умна, глубока, интересна. Возможно, есть некоторая затянутость, но не длиннота. Александр Мелихов в числе тех редких у нас писателей, которые зовут мыслить, не просто бегать глазами по тексту. То ли ему повезло с генами, то ли он в детстве не слышал уничтожающее: «Гля, бля, – философ, а из одной миски со мной, дураком, жрет!»

БЕРЕМЕННАЯ ЖЕНЩИНА

Паша страшно зол. Я, из кабинета секретаря, приняла его за добрейшее существо, за святого. Встречались только на планерках – там Паша обычно молчал, да за праздничным столом, где он был заранее счастлив и весел в предвкушении выпивки. А тут забежал – глаза на лбу, рот перекошен: «Где бумага?» Мы с Наташей переглянулись. Она не хозяйка в кабинете, я не артистка, иначе можно было пошутить: «Черная – мыться ушла, белая – краситься!» Моей находчивости хватило только на то, чтобы кивнуть на чайный стол. Туда спрятала бумагу уборщица. Я и заметила-то ее испугавшись наивного вида.

У Паши дома трагедия: двум или трем братьям не дает житья следующий брат – совсем уж яблочко наливное, синюшное. Вчера опять кидались на колах и топорах.

Пишу про Пашу, а он прибегает в привычном ритме, позднехонько, – слава Богу, хоть

и жив и здоров. И сразу же, тоже привычно, начинает пересчитывать деньги, которые получает за рекламу на радио. Деньги эти лежат в столе, пока Пата не сдаст их по назначению.

С этими деньгами, с буйным братом Паша напоминает мне беременную женщину на сносях, которой не столь уж плохо, но она плачется – ведь жалеют. Жалеют – и можно получать зарплату. слегка покрутившись на радиорекламе за дополнительную плату, да набегом обработав какой-нибудь материальчик библиотекарши, которая заметно грамотнее Паши и, не в пример ему, развитее.

«Беременная женщина» весь год плакалась о трудностях ухода за парализованной матерью. Старушка ушла на покой. Паша по-прежнему кипит от злости, от перегруженности непонятно чем. Моя душа о нем уже давно не плачет, но постоянно видеть скрытую в нем злобу – тоже не праздник.

БЕСПОРЯДОК – стихия НАШЕЙ ЖИЗНИ

Сужу по строчкам из журнала «Аврора», № 7–95: –«Вскоре после вступления на престол Александра II, в присутствии нашего посланника в Копенгагене князя Долгорукого, кто-то выразил надежду, что новый император положит конец всем злоупотреблениям, процветавшим при его отце Николае I, и наведет в России дисциплину и порядок. «Боже его от этого упаси, – в ужасе воскликнул Долгорукий, – беспорядок и замешательство – это стихия, в которой мы живем!»

НЕ ЗАПОЛНИТЬ ПУСТОТЫ

В администрации теперь повесили знаки царской России: орел двуглавый, а в сердце его Георгий Победоносец, разящий копьём Змея Горыныча.

В моем сердце при виде этих знаков только пустота, пустота ожидания.

ШКАФЫ ИНОГДА РАЗГОВАРИВАЮТ

Заместитель главы районной администрации, который приходил на юбилей газеты «от имени и по поручению», рядом с такими же замами смотрится вполне приятным человеком. Здороваясь со мной в кабинете секретаря главы произносит что-то похожее на «тс» или «ст» Я не пью, а без поллитры – звуков, сказанных замом вместо «здравствуйте», – не расшифровать. Этот зам лет на десяток моложе меня. Во времена его страданий с «тс» или «ст» смотрю на зама, как на шкаф, который звучит давно, поэтому его никто всерьез не воспринимает.

А КТО У НАС КУРИЦА?

По дороге встретила машинистку. Недовольна ею издалека. Она в своем любимом зеленом костюме: юбка в пятнах, вместе с кофтой они облегают до неприличия передние и задние кадульки. Машинистка все еще видит себя тридцатилетней молодойкой, когда кадульки смотрелись кадуленочками.

Поговорили. Распрощались. Я, такая недовольная, мыслю: вот, курица... Ладно – приходится любоваться ее кадульками и пятнами в редакции, так и на улице же они белый свет застят...

В этот миг ощущаю, что на светлом чулке по-прежнему красуется обрезок синей штанины от рейтуз, который тайно натягиваю в редакции для сугрева замороженной еще в детстве ноженки...

ШИВОРОТ– НАВЫВОРОТ

В этой милой редакции, как в стихах классика: «... Всё идет наоборот!» Дав наказ готовить какую-нибудь страницу каждому, редактор тут же забрала мою страницу о женщинах: «Все зарисовки написаны отлично, но страницы нет – ну, нет!»

На следующей планерке редактор, опять глядя в стол, выдала: «Н. П., вам надо менять

стиль, – пишете одинаково. Возможно, не зарисовки, а беседы делать. Два–три вопроса – и нет проблем!»

Страницу все–таки выпустили, но сорок рублей дополнительного гонорара за страницу я получать не стала. Предупредила заранее, поэтому редактор запросто переведет эти «копейки» себе на материальную помощь.

Ларчик редакторского недовольства был крайне прост. Паша за год едва ли написал в каждую газету хоть тридцать собственных строк о деревне. Редактор решила вытянуть сельхозотдел с моей помощью, но я при всех ей ответствовала: «В шести колхозах Паше и самому делать нечего!»

ВАЛЕРА–ШЕДЕВРИСТ

Паша считает себя о–го–го по всем параметрам, поскольку секретарь бежит к Паше и сообщает ему о казусах в материалах Валеры и Мадам. Валера и в самом деле комичен. Если секретарь в очередной раз хватается за голову, пытаюсь как–то переварить для газеты шедевр Валеры, то Валера спокойно говорит: «Да–да, я тут все переделаю – поставлю конец в начало, а начало в конец!»

СЧАСТЛИВЫЙ ПАША

Паша весь в транс. В рекламной библиотечке поэзии вышли буклетики местного москвича Ушакова и каргопольца Логинова. Место Ушакова в мире поэзии где–то рядом с Пашей, но Логинов несомненно величина в поэтическом мире Архангельской области.

ОСОБЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Паша, завершая второй шедевр за неделю, которым занимается второй месяц, устало вздохнул: «Все, до отпуска ничего не делаю. И так весь изработался!»

– Ты–ы–ы – изработался?! Весь год дурака валяешь!

Паша, здоровый мужик на пятом десятке, гордо выпрямился:

– Я – человек особенный!

А КТО ЖЕ У НАС НЕ ОСОБЕННЫЙ?

Редактор? Чтобы сравнивать, надо посмотреть другие газеты. Редактор моей родной областной газеты «Красный Север» сначала дал мне пробную командировку.

Привезла три материала. Через несколько дней встречаю редактора: «Ваши «Неоплатные долги» оформил очерком. Очень хорошо написано, о тетушке Саше тоже, а вот о медработниках...»

О медработниках, как ни стараюсь, у меня всегда получается «а вот». Через день–два редактор куда с большими подробностями повторил всю похвальбу. Забыл. Или счел, что в моем возрасте добрые слова никого не испортят. Это восхваление повторялось при каждой встрече, пока очерк не был напечатан.

Помню, с какой приятностью и поспешностью, заметив, что мое лицо уплывает, сообщила, что на работу я принята.

Мой первый районный редактор брать меня в газету не хотел. Я настояла. Взял под нажимом райкома партии. Через год, когда увольнялась, просил остаться: «Отдела дать не могу, но создам для вас отдел информации со ставкой старшего корреспондента». В 1979 году получить любимую работу за 145 рублей и плюс гонорар было для меня пределом.

В моем первом редакторе была только одна ничем не объяснимая отвратная черта: он вскрывал личные письма. Однажды он дал мне задание сделать информацию, а потом и большой материал о межхозяйственном кормозаготовительном звене, которые только входили в оборот. Все узнав, поняла: в этом году звено едва ли сделает пробный выезд. Давать большой материал смысла не было. Выслушав, редактор улыбнулся: «Наше с вами дело – только хорошо прокукарекать, а там хоть трава не расти!»

Уволилась. Кукарекать не умею.

Шофер второй районки купил у редакции за копейки списанную машину. За счет редакции сделал из нее зверя. К моему приходу буквально смазывал колеса, собираясь дать лататы.

О подлости шофера в редакции говорили все. С редактором, бывшим учителем, мальчишкой ушедшим на войну, многожды раненым, – поговорила я. Вскоре редакция отмечала день печати. Обставлялось все отлично: сначала теплые слова и грамоты с подарками в присутствии всего райисполкома, потом вполне приличная пьянка в редакции с представителями райкома и райисполкома.

В райисполкоме, на первом ряду, – лучшие работники редакции. Где-то на камчатке, среди лодырей и пьяниц, мой завотделом Витька.

Редактор на трибуне. Мне тоже хвалебных слов не пожалел: «Инициативная... Душой болеет за село...»

Речи кончены. Редактор раздает грамоты и подарки. Сначала поднимались передовики справа от меня, потом слева. Потом я поняла, что редактор — учитель, фронтовик, уважающий себя человек, расплатился со мной, как подленький первоклассник, но – по-крупному, – в тот период моей жизни смотрелось это по-крупному.

Я, такая красивая: прическа до потолка, декольте до пояса, платье до пят, – думала теперь только о том, чтобы не зареветь в голос до конца собрания.

Потом все пошли в редакцию, а я летела по Череповцу, не разбирая дороги, то взвизгивая, то подвывая от безысходности момента.

Потом наша умная и добрая профсоюзница сказала: «Мы уговаривали редактора дать вам грамоту и подарок, но он уперся, как бык, и настоял на своем».

Какие-то пестрые нелестные мысленки ворохались в моей голове в тот миг, но подумалось четко только об одном: могла же она хоть как-то предупредить меня, чтобы я не садилась на первый ряд и не становилась такой-то красивой!

После первого клевка редактора-фронтовика я быстро оклемалась. Пришла весна, а с нею – полевые заботы районного сельхозника заполнили мою душу. Мой завотделом уволился, я стала пахать одна в двух лицах. Земля у меня под ногами крутилась с небывалой скоростью. Вот тут редактор и достал меня, приняв на заведование отделом через полгода другую женщину.

Каждая из нас – по-своему – годилась на эту суматошную должность, но одно знаю наверняка: не озаботься я тогда нравственностью бывшего фронтовика, той хорошей женщине пришлось бы искать работу в другой редакции.

Мой третий редактор, куда меня пригласили на заведование сельхозотделом, был болен туберкулезом в какой-то стадии, когда мужчина не понимает половой сытости.

В редакции и типографии он использовал всех женщин, которые не побрезговали его очередью. Подруга пошутила: «Вскоре к тебе приставать начнет!» Я заранее ощетибилась: очередей к постели не переносу.

В течение месяца мне удалось не остаться с редактором наедине. После малых банкетов шла ночевать к подруге. Редактор в отместку стал «править» мои материалы. Наша умнейшая машинистка смеялась до колик: «Н.П., он тут к «солومه» еще раз приписал «солому» – так и печатать!»

Однако творческие коллективы психологически самые неустойчивые. И вот уж за моей спиной неоднократно пробурчали примерное: «Если редактор так упорно правит – значит, не столь уж и хорошо Н. П. пишет!» Однажды я взбеленилась и «убила» редактора: «Да меня и в Череповце не правили, а тут, в этой проклятой дыре!?!» Мною овладела обида, потому что Тотьма – отличный провинциальный городок, имеющее свое особое лицо среди райцентров Вологодчины.

Я много раз увольнялась. Меня и просто так отпускали. И с ироничностью во взоре. И настойчиво уговаривали. Но еще ни разу не бывало, чтобы у руководителя чернело лицо и тряслись руки при подписании моего заявления.

БЕЛАЯ РОЗА ОСЕННЯЯ

Четвертый районный редактор оказался случайным. После тридцати пяти любовь необычайная вошла в мою жизнь, и я стала писать стихи, рассказы. Жили мы с мужем в маленьком поселке, при большом лагере. Образованных людей там было полно. Понимающих в литературе – ни одного. Показала свои шедевры директору восьмилетки. Женщина была предельно искренна: «Мне всё нравится, но я в этом ничего не смыслю. Поезжайте в редакцию газеты!»

Глянув по диагонали несколько моих шедевров, редактор Лебедев слегка присвистнул: «Если убрать лишние сопли, то получатся неплохие рассказы». Возможно, сказал – «хорошие», но я была в полуобморочном счастливейшем состоянии, мало что запомнила. Редактор, о чем-то трудном своем подумав, предложил: «Знаете что, – идите к нам на отдел писем!»

Я растерялась: как – я – работать в редакции? Разве тут трудятся люди не о семи головах?

Однако у райкома партии была на эту должность своя кандидатура. Лебедев (вот храбрец!) тоже не стал уступать: «Поезжайте в Архангельск, в обком печати, там – прикажут, тут – возьмут!»

Я, всё еще оглушенная небывалой значимостью в глазах реда-а-актора, кивнула – на большее была просто неспособна.

На крылечке стала понемногу соображать: зачем мне нужен чужой и холодный Архангельск, когда на белом свете есть милая сердцу Вологда?

Я всю жизнь гонялась за туманами. И вот уж до пенсии оставалось три года. Позади была давняя гибель мужа, недавнее – глупое – новое замужество, а впереди – одиночество и нищая пенсия, если я срочно не устроюсь в одну из северных газет на большую зарплату и льготный стаж. Вот тут и пришел на память когда-то преданный мною редактор Лебедев.

За столом редактора сидела женщина с телом и голосом удивительно сочными, белая роза осенняя. Она дала мне пробное задание и приняла на время летних отпусков. Через месяц обрадовала: «Вас приглашают на работу в несколько районок Архангельской области!» При такой перспективе я тотчас взяла перевод из «Красного Севера» в местную газету.

Белая роза осенняя платила мне копейки по сравнению с местными журналистами, но, как говорила моя мачеха: «кому бегать, кому обедать». С гонорарами белая роза осенняя тоже чудила. В кулуарах сообщает: «Очень вами довольна! Выписала повышенный гонорар!»

Я в математике – нуль, но припоминаю: самый большой гонорар за время летней пахоты получала у подлого фронтовика – тридцать два рубля. Значит, – ура, товарищи. Только одного гонорара мне здесь отвалит больше сорока!

Получила – девятнадцать, и абсолютно запуталась в математике. Но пахалось всё равно с удовольствием. Белая роза осенняя в кулуарах в очередной раз сообщает: «Очень вами довольна, скажу об этом на планерке!» Я сижу на планерке, раскрыв рот и уши для полнейшего восприятия, и слышу:

- Н. П., что у вас в следующий номер запланировано?
- Так ведь полно сдала материалов, пусть секретарь сам ставит.
- Ваши материалы из одного места!

В первую секунду я всегда теряюсь от наглости, вторая секунда не всегда бывает в запасе. Но, ученая редактором, в следующий примерный диалог начинаю метить географию заметок прямо на планерке. Оказывается: в секретарской папке лежат мои материалы все-таки из трех разных колхозов и еще из райцентра.

Редактор, недовольная, замолкает. Жду грозы. И тут же получаю нагоняй: не сделала беседу с директором молзавода. Я таких маленьких гадостей не переносу, потому что люблю свою работу и вообще работать люблю.

В планерке случилась заминка, и я тут же набираю телефон директора молзавода – мы с ним несколько раз беседовали на эту тему. Директор по–прежнему пока не соглашается на встречу: надо что-то еще утрясти в Архангельске...

Я:

– Прошу вас, уделите мне не больше двадцати минут, мне только что из–за вас попало от редактора – я звоню из кабинета, при нем!

Директор хохочет и соглашается. Редактор мило журит меня за разглашение редакционной кухни, но я знаю, что точку поставила слишком жирную – не по рангу. И придется отвечать вскоре же.

ПРИВЫЧНАЯ ПОДЛОСТЬ

Секретарь у нас несомненно особенный. Таких эрудитов в районках мало. Но такого пьянка ни в одной из названных районов держать не стали бы. Наш редактор вечно в разъездах. Это на руку секретарю: он постоянно пьян. Чтобы скрыть запах – мажется какой–то французской гадостью. В его кабинете постоянно витают запахи то ли протухшего вина, то ли взорванной парикмахерской.

Редактор подала мне информацию старосты из Б.: «Секретарь сказал, что она устарела уже в день сдачи!»

Машинально осматриваю поданную редактором страничку: на ней ни подписи моей, ни даты сдачи секретарю. И секретарь отчего–то отвернулся к окну. Втискиваюсь между ним и окном:

– Где моя информация с датой?

– Гм, гд, гк!

– Как это нетактично с вашей стороны, как нетактично!

Все это препротивно, но даже не эта перепечатка главное – сотрудники в один голос подтвердили: «Он еще не раз сделает подобную подлость!»

За вскрытие секретарской опухоли я наказана: прошлый месяц не досчиталась пятьдесят рублей гонорара. Материал лежит, но я тоже стала «боец с седой головой» – ни один из них больше не устареет, если только – тьфу– тьфу – останутся живы мои собеседники. В итоге набрала всего сто семьдесят строк в номер – такого позора в моей журналистской практике не бывало, но если бы я не склоняла секретарскую подлость во всем редакционным перекресткам, то секретарь давно бы всё позабыл.

Всё–таки хорошо быть гордой и независимой, хотя всё это до смешного относительно.

А ВСЕ–ТАКИ, КТО ЖЕ У НАС НЕ ОСОБЕННЫЕ?

Машинистка у нас особенно особенная. Корректор тоже. Валера – так уж облез: редактор целый год стирает его в порошок, на месте Валеры давно бы уехала к белым медведям на практику.

Впрочем, я сужу со своей колокольни. У Валеры совсем иные ступени жизни: семья, дети, возрождение коммунистической партии, – где он заместитель районного секретаря по идеологии.

НАТАША

Самый особенный человек в нашем коллективе – Наташа. Она была приглашена в редакцию из машинисток роно и выучена на оператора компьютерной установки. И более года смотрела в рот редактору. Редактор постоянно хвалила Наташу – в пику Мадам. Мадам в ответ подчеркивала неработность самого редактора. Бой шел по кругу:

– Сколько вы, Н. Н., делаете информации за день?

– Две–три!

– О–о–о! У меня Наташа свободно давала до десятка!

Любой здравомыслящий журналист районки понимает: можно сделать за день и более десяти информаций, если этот день выпадает два–три раза в месяц. Писать в каждый

номер больше двух сотен строк и две–три информации – отличная работа. Мадам именно так и трудится.

Наташа по молодости еще не осознавала, что служит для редактора орудием в битве с Мадам. Не могла понять, в таком случае, и животной ненависти Мадам по отношению к ней, Наташе. Она была профсоюзным лидером до Валеры, и перед Мадам должна была отвечать за все драки–бяки в нашем муравейнике: несуразность в начислении гонорара, которые пьюшка–секретарь временами брал с потолка; премии, которую получали все, хотя норму делали только мы с Мадам; за трудовые разряды – Мадам имела один разряд с машинисткой, и это было просто вопиющим оскорблением для опытного журналиста.

Редактор неоднократно говорила нашему секретарю: надо либо по– настоящему заниматься газетой, либо освободить место. Кому? Да опять же – той же Наташе, которая станет набирать газету на компьютере. Оказавшись в таком плотном кольце: редактор, секретарь, Мадам, – Наташа довела свою нервную систему до состояния балалайки с оборванными струнами.

Прошло около двух месяцев, как я стала работать в этой редакции. Успела уйти из кабинета Мадам, хорошо прижиться в кабинете секретаря. Наташа выпустила страницу, посвященную Дню милиции. Я слегка почеркала ее страничку. Наташа иногда забежала ко мне поболтать, что одинаково не нравилось ни секретарю, ни редактору, но до майских санкций было еще далеко. Показала Наташе свои почеркушки на ее материале. Отметила ее своеобразный летяще–бегущий стиль.

Еще несколько таких бесед–почеркушек, и Наташа повернулась ко мне душою. Тут ей здорово подкузьмила редактор: она и Мадам, словно соревнуясь в нагромождении баталий, старались передать чьи–то слова так, что говоривший, с их подачи, становился подлецом.

Редактор, слава Богу, давно не говорит мне: «Наташа сказала», «Секретарь сказал», «Мадам сказала». А тогда она привычно произнесла: «Наташа сказала...» Дальше шел такой мизер, что и не вспомню никогда, но резануло то, что сказал человек, о котором стала болеть моя душа.

Наташа привычно забежала излить на меня свою очередную обиду. В кабинете секретаря было привычное сборище, и я сказала ей негромко, но с нажимом: «Еще бы ты жила своим умом!» Чуткая Наташа насторожилась, на глазах набухли слезы. В обед подошла и, плача, попросила прощенья, не зная, за что. Я в точности передала ей слова редактора. Наташа вспыхнула: «Разговор был совсем не в том ключе!» Я отрезала: «Меня ключи не интересуют. Если я о тебе не говорила, то и мусолить моя имя не посмеют!»

Наташа задумалась, и я, психолог без диплома, решила рискнуть. Мы закрылись с ней в ее компьютерном кабинете, и я выложила ей всё: как можно скорее освободиться от лямки профсоюзника, как можно дальше обходить Мадам. Удачно взяла за образец ярчайшей шизофрении материал Мадам о детдоме – Наташа и сама не смогла его прочесть, хотя детдомовская фактология была наиболее благоприятная. Попросила Наташу не смаковать гадкости в газетах, на радио; меньше слушать секретаря – любителя поговорить про отрезания, отрубания, расчленения человеческого тела. Стараться находить что–нибудь светлое в нашей несветлой жизни.

Время от времени, держа Наташу за руки и глядя ей в лицо, я повторяла: «Ты веришь, что я не хочу тебе зла?» Наташа плакала. В дверь то и дело стучали, но мы не открыли ни редактору, ни секретарю.

Напоследок я сказала Наташе: «Дитя мое, если ты не возьмешь себя в руки, то дорога в палату (дом для сумасшедших) для тебя будет широкой. У тебя есть редчайший дар, которым по–настоящему никто у нас в редакции не владеет – ты умеешь шуткой и «убить» человека, и разрядить самую нервную обстановку. Пользуйся этим козырем напропалую».

Сегодня Наташу и не сравнить с тем, что была одиннадцать месяцев назад, но я анализировала только те события, что приносила мне Наташа первое время со слезами на

глазах, потом с удивлением, потом сообщала один только факт.

Слезных фактов было много, но удивление было первым. Наташа, пряча от меня взгляд – каково ей было порочить своего недавнего кумира! – сказала: «Редактор взяла из профсоюза материальную помощь сорок рублей!» Я: «Ох, Наташенька, на моем коротком журналистском веку она – шестой редактор. Честное слово, каждый из них тянул общее одеяло все–таки в своем направлении, пусть по–разному».

Наташа лишена десяти процентов майской премии. Это меньше десятки, во нравственная–то оплеуха какова? Я тоже ей слегка добавила: «Лишить премии вас с Пашей надо было давно: целый год ты не давала норму строкажа. Раз она сделала это только сейчас, значит, – посчиталась с тобой за нашу дружбу. Тем более, что у Паши были прогулы по пьянке».

Редактору тоже не позавидуешь: через неделю после пустопорожней денежной экзекуции ушла на больничный, а потом и в отпуск корректор. Заменить ее в нашем полуграмотном коллективе в состоянии только Наташа. Она, уже не смотря в рот редактору, спросила:

- Если я откажусь?
- Я не отпущу в отпуск корректора!

При Наташе–корректоре в редакции случилась маленькая революция. Спросила Наташу о какой–то странице, где был мой материал. Она:

- Читает секретарь.

Я неприлично расхохоталась: выражение «читает секретарь» слышала за год впервые. Обычно он только смотрел заголовок и подписывал. Дней десять секретарь выматывал Наташу, специально оставляя ошибки, чтобы потом упрекнуть в них Наташу, сообщив о ее профессиональной непригодности редактору. Та всю эту грязь – боюсь, что изрядно прибавленную, – передавала Наташе с точным подсчетом ошибок. Понятно, что секретарь во всем был выше Наташи, даже в состоянии той самой алкогольной стельки. Он же сидит «на газете» тридцать лет, но у Наташи есть чувство слова – это отличный багаж для газетчика.

Дней через десять Наташа перестала походить на воробушка из драчки, хоть секретарь вел себя с прежней подлостью. О подлости секретаря меня предупредила редактор еще в первый день, когда сватала в газету. Я пропустила эту новость мимо ушей, поскольку ни в одной известной мне районке редактор и секретарь даже прилику ради не дружили.

Вынужденная ради Наташи постоянно раскладывать по полочкам поведение секретаря с редактором, я первые дни секретарства Наташи страшно уставала. Секретарь, прошу извинить, настолько заколебал Наташу ошибками, а она по цепочке – меня, что я тоже стала задумываться над орфографией. Кое–как отбилась, и Наташа забегала ко мне за справками постановки запятых. И опять настолько преуспела, что я поставила запятую перед «да» совсем не в значении «но». Опять отбилась, плыву на автомате.

Уговаривая Наташу на корректорство, редактор коснулась премии, уплывшей от Наташи: «Чтобы все знали, что у меня нет любимчиков!» – это у бедного редактора ностальгия по прошлому. Наташу давно не считают ее любимчиком.

Наташа в пору корректорства давала информацию из ГАИ, а в конце ее поздравила ребят с юбилеем. И вот эту «юбилейку» секретарь, в пику Наташе, ставит в четвертом углу четвертой полосы, а рядом – соболезнования о похоронах.

Наташа мне, очень воинственно:

- Пойду к редактору!
- Иди, дитя мое, это подло со стороны секретаря.

Через секунды вбегает, счастливая:

- Редактор заставила перенести во второй угол!

Я съядовитила:

– Чтобы плюнуть в секретаря, она может перенести и на первую полосу! Не обольщайся!

ШОФЕРЫ

Настоящий шофер был только в Тотьме, все остальные на одно лицо: многократно уволенные за пьянку или еще за что похуже. Вот и здесь без малого за год – третий шофер. Четвертый, по словам Паши, был отличным парнем: фотограф, водитель, но он сказал: «Не буду возить Гальку по магазинам!»

Первый шофер на моем местном редакционном веку в чем-то сильно провинился, во что-то врезался машиной, что ли.

Второй моложе меня на год, по виду – старше на десять: отыл, огуз. Живот шофера из-за забора виден. Первостатейный алкоголик. Возил редактора только что не в туалет. Что-то вообразил на мой счет, позволил себе сзади положить свои лапы чуть ли не на грудь мне. Ох, как бы мне хотелось видеть свое лицо в тот момент, когда я задохнулась от брезгливости:

– Чтобы это было в последний раз!

От шофера чем-то ужасно несло. Первой это отметила машинистка: в ее кабинете шофер ожидал приказов редактора. Переживая мое молчаливое презрение, он в первой же командировке все порывался выяснить:

– Что я вам худого сделал? Сидите, набычившись, и не разговариваете.

Мне стало жаль его, поскольку в глазах отыла блеснули слезинки. Но скорей всего, то были пьяные поминки. Руки его после очередного перепоя буквально плясали на баранке. Такого мне видеть не доводилось, поэтому стало противно, и я, не имея права, крикнула:

– Отстаньте, только мне и забот, что с вами беседовать! И хватит ныть, как баба худая!

У нас новый шофер, молодой мужчина, который для начала слетал в Каргополь на праздник ремесел. Если Наташа ничего не фантазирует, то есть и продолжение – на днях она увидела в кабине нашей развалюшки какую-то необыкновенную музыкальную аппаратуру.

Вероятно, каждый человек видит и слышит то, на что его душа настроена. На дне рождения Наташи еще раз сказала ей спасибо за поездку в Каргополь, на праздник ремесел. Редактор меня удивила:

– Вот как, в Каргополь съездили?..

Оказывается, в речи редактора было и продолжение, но я его мимо ушей пропустила:

За что и благодарить, хвостом вильнула, да и все!

Не знаю, перед кем могла «вильнуть хвостом» Наташа, если мы ездили на машине «культурников», а культурой в районе руководит женщина.

МЫ ВСЕ СПЕШИМ ЗА ЧУДЕСАМИ

Прочла «Во вратах твоих» Дины Рубиной («Новый мир», №5–93). Хорошая исповедально-размышлительная проза о съедающей нашу жизнь и душу проклятой бытовке. По аналогии с названием Дины Рубиной вспомнились «Входите узкими вратами» Георгия Бакланова. У Бакланова есть только одна мешающая гординка-хвастливинка: «Всей правды о войне и я не скажу. Она уйдет вместе со мною». Бог с вами, Георгий Яковлевич, вся нравственная правда о войне вами отлично нарисована одним эпизодом: родимые советские солдаты, освободив юную россиянку из фашистской неволи, тут же устроили к ней очередь. «Девушка, отбитая разведчиками у пехоты, вышла на площадку второго этажа. Юбка сзади у нее была отвисшая, мокрая». По этой картине легко нарисовать нравственность вся и всех на войне.

У Дины Рубиной только окончание ослаблено. Нет уж в нем той упругости, струной натянутой звеневшей на протяжении всей исповеди-размышления. Зато у Рубиной есть два предложения, которые стоят всей ее отлично сделанной повести: «И вот я у своих (в Израиле). Ну и что?»

ПЛАНЕРКА В АДМИНИСТРАЦИИ

Все сидят, как снулые рыбы. Положение во всех сферах нулевое. Что-то затевают несчастные педагоги из третьей школы. Глава: «Есть у нас особо активные господа от образования. Заявлен протест. Поставлен вопрос о перерасчете и выплате средств за книгоиздательство, о задержке зарплаты за июнь. Книгоиздательство финансировалось не хуже других районов. Вопрос о зарплате решается. Счет в РОО арестован. Никаких платежей вестись не будет. Если мы будем решать проблемы узко-личностные, то к зиме не подготовимся. Учить станет некого».

И глава говорил отрывками, и зам РОО бубнил про себя – едва ли что слышал первый ряд. Хотя чем больше вникаешь в существо вопроса, тем окружающие хуже смотрятся. Много раз в нашей газете были материалы по теме: в поселке Ш. проживает около пяти тысяч человек, а там нет общественной бани.

На февральском сельском сходе, где эту злосчастную баню трясли больше всего, в кулуарах узнаю: денежки на строительство бани были отпущены. Их не смогли использовать своевременно. Они ушли туда и к тем, где люди более расторопны.

Говорила мне это без свидетелей заврайфо. Написать правду в газету. А дальше что: заврайфо вполне может отпереться, обвинив меня бог знает в чем. С трибуны сказав, отпирались.

Пришла с планерки разжиженная, а Паша весь в горячке трудовых буден. Как он только и умудряется быть в горячке, пища менее сотни строк, и то не в каждом номере?! – за это злобство бог меня чем-нибудь накажет. Нет хуже, если лишит меня умения пахать с удовольствием.

Хвалюсь, – а кто меня еще похвалит? Отправляя на прошлую планерку, редактор предупредила: «Мы там только статисты». Кто этого не понимает? Но та планерка хоть отличалась боевитостью. Сегодняшнюю областная газета вполне могла бы возглавить в духе: «Храпел сурово брянский лес». Нам подобные игры заказаны. Итак, наверное, редактору поставили на вид за строчку в моем материале со дня Победы: «... поздравления читались по бумажкам».

Заголовки у нас тоже старопрежние. Разбежалась было с первым материалом, но машинистка удивилась длинноте заголовка, и редактор поставила его вторую часть во первых строках. Он там оказался уместным. Мне вообще мой первый материал в этой газете очень понравился. Машинистка, глядя на меня как на что-то необыкновенное, сказала внушительно: «У нас такого материала еще не было!»

Более всего я удивилась тому, как пещерно, трудоемко, опасно, рискованно подгоняются линзы для очков. Каждая обводится по контуру мелочком, а потом о-щи-пы-ва-ет-ся как бы бабушкиными щипчиками для сахара.

С тех счастливых открытий в области оптики я так и удивляла нашу машинистку, повторявшую: «У нас в газете такого слова не встречалось!» Ах и увы! «У нас в газете» секретарь даже заспорил: «Я тридцать лет пишу «уполномоченная». С тех пор то секретарь меня побивал, то я его. Это первая такая странная газета из шести, где мне довелось на миг мелькнуть.

ПОЧЕРКУШКИ

Только вчера я раскудахталась о своих шедеврах, а сегодня глянула в материал Мадам о связистах: вполне прилично написано. Испугалась: вдруг я отстала от жизни. Мои молодые коллеги стали писать чисто, грамотно, состоятельно. Взяла материал Валеры: он по-прежнему мулюкает с пятого на десятое, используя сплошную агитку: «форсируя», «под ключ», «проблема тут в том, что». И, чтобы поставить точку, по диагонали проскочила зарисовку Паши о парне, вернувшемся из Чечни. Паша сегодня не ушел от Валеры. Но Мадам, проработавшая в газете больше каждого из мужиков, имеет и разряд на единицу меньше, чем мы с Пашей и Валерой.

Наташа уточнила: Мадам давали разряд, одинаковый с мужиками, но она потребовала выше на единицу. Похвалила материал о связистах Наташе. Она:

- Такой же, какие всегда пишет.
- Ну, что–о–о–о ты?
- Ну, как вы говорите – можно почеркать?
- Почеркай!

Наташа «начеркала» пять стилистинок. Отлично, но эти замечания на той высоте, до которой бедной Мадам не доплыть: ей скоро на льготную северную пенсию. Наташа работает всего три года, еще бы – научилась «почеркивать» собственные материалы.

Директор бывшего ГПТУ подчеркнул: «Мы сейчас ПУ». Ответсек исправил на ГПТУ. Обидно быть в глупых перед директором, но спорить с нашим ответсекком и плевать против ветра – равнозначно:

- Нет официального сообщения!

Наташа пригласила почитать очередной шедевр Валеры. Я: «Он не виноват, что неразвит, ему надо прощать!»

Наташа:

- Как же мне править такие материалы, когда я стану ответсекком?
- К тому времени мы с Валерой и Мадам уйдем на пенсию.

ОБИДЕЛИ ВЕТЕРАНА

Местный уроженец, участник войны, подполковник Т., живущий в Нижнем Новгороде, написал письмо–поздравление своим друзьям детства. Надеялся получить газету 9–го мая со своей заметушкой. Секретарь пробурчал: «Это обычно давали за плату!» Редактор: «Печатать!»

Секретарь тихой злобной сапой протянул заметушечку до июля. Бедный Т., если жив–здоров, давно уж и ждать перестал нашу газету, и приветы от бывших мальчишек тоже.

ПРОГОН

Ура! У нас новость! Секретарь завел вторую папку. В который уж раз спрашиваю о судьбе заметушки подполковника. Секретарь, порывшись в одной папке:

- Омельченко?

– Т.

Порывшись в другой:

- Омельченко, может быть?

– Т.

Вернувшись к первой:

- Прошел, наверное. Где живет?

- Не может быть – смотрю все материалы четвертый месяц!

Порывшись во второй папке:

- Что же вы не сказали, что...

Дальше ничего не последовало. Привычная манера подлых: напускать туман недоговоренности, умности и значительности, за которыми пустота. Так и хочется написать тому подполковнику: «Прости ты меня, Христа ради, хоть я ни в чем перед тобой не виновата. Наш запойный ответсек, где может, все кроит по–своему. Крой у него рваный получается».

В газете идут «с колес» материалы Паши и Валеры. Мне эта дискриминация безразлична, а Наташа переживает: у нее давно лежит вполне приличный коллаж из ученических сочинений. Пришлось повторить ребенку известную истину: «Худой мужик всегда лучше хорошей бабы. Радуйся, дитя мое, что пишешь лучше их».

Паша еще и чирикает:

- Мог бы хоть репортаж с сенокоса сделать, будь машина на ходу!

Паша всегда что–нибудь горячее предлагает, если нет возможности выехать. Машина

исправна – предлагают хоть кому–нибудь выехать хоть куда–нибудь, – у Паши всегда найдутся здесь дела неотложные.

Валера вещает с величайшей важностью самую мелочевку. Наташу бесит его важность на пустом месте. Мне весело: великий всегда прост.

Мадам выбивает себе место в газете просьбами и угрозами. Ответсек и Мадам – родня по духу. Возможно, поэтому на одном из банкетов он кинулся душить бедную Мадам (информация редактора, но она на каждом шагу исполняет художественный свист). Так или иначе, но ответсек мне жаловался: приходил муж Мадам и пригрозил: «если еще обидите мою жену, снесу вам голову с плеч!» Мадам ответсек определенно боится: иногда тащит на первую страницу такие ляпсусы Мадам, которым место только на «пятой». Редактор тоже отчего–то боится Мадам – тоже, что ли, черти в образе мужа примещерились...

Однажды на планерке мы с Наташей несказанно удивились: редактор и Мадам говорили голосами медовыми. Редактор дала Мадам обзор писем. Женщина воспарила. Сидела на планерке локти на стол. Всем, кроме меня, делала замечания. По любому пустяку вступала в оппозицию. Потом столь же шумно оставляла баррикады.

Наташа предложила подборку цифр в праздничный номер: ушли на фронт, вернулись... Мадам абсолютно против, но, когда все поддержали наташино предложение, Мадам тут же повернулась на сто восемьдесят градусов. Мы с Наташей веселились.

Обзора больше Мадам не поручали, тот был протоколом заурядсобрания, и, по мнению редактора, должен был завершить почту, посвященную пятидесятилетию Победы. Задумка сама по себе нелепа – год только начинался. Такова и большая часть задумок редактора. То ли она не умеет мыслить отвлеченно, то ли остывает, не додумав до конца.

До Мадам я делала обзоры. Отдавая мне письма, редактор помалкивала. Приехав из очередной командировки почти в семнадцать ноль–ноль, вспоминала: «Завтра утром сдайте обзор на машинку!» Сколь смешны потуги редактора «поймать» меня на неспособности мгновенно сопоставить пятерку или десяток простеньких читательских писем.

Трижды испытав меня на письмах, редактор переключилась на Мадам. С тех пор обзоры в газете не делаются. По–моему, – напрасно, но у нас так многое не делается... У нас сплошные ужимки и прыжки. Редактор предложила Валере вести «природу». Столь же помпезно поручала Наташе «спид». Наташа ограничилась одной информацией, Валера – фотоинформацией. На этом все и остановилось.

Мне дала «милосердие», наговорив, как всегда, без свидетелей и нежным голосом в ключе доверительности:

– Вы – самый добрый человек!

Зачем мне достоинства, которых нет?

– Стараюсь быть доброй.

Редактор давно уж остыла к «милосердию», но он в папке секретаря постоянно. В Архангельске, на каком–то совещании отметили постоянство «милосердия» по нашей газете или по другой. Или редактор прослушала, или «отмечальщики» были на ее уровне. Спрашивает: «Вы писали материал, не помню точно, как сказали в Архангельске?..»

Мне уж тем более не вспомнить – меня там не было!

Редактор отправила Наташу на планерку в администрацию, где решались чисто хозяйственные газетные дела: что–то о расчетах со связистами, – просила сказать там что–нибудь. Наташа в то время еще была профсоюзником, перед всей администрацией и представителями района Наташа подчеркнула: все вопросы надо решать с редактором. Передавая мне этот разговор, Наташа все удивлялась: «Неужели она считает меня круглой дурой?»

Вчера редактор приходила к Наташе, заставила выписать «потребность» на порошок для компьютера. Требуется громадные деньги, но нашли только три сотни, а редактор

наговаривает на междугородке ежемесячно заметно больше этой суммы, если же кто-то истратит на междугородку десятку, то платит в кассу редакции из своего кармана. Боюсь, что Паша тоже наговаривает, но не платит деньгами. Сегодня привел какое-то великовозрастное дитя, которому в каком-то районе требовалось купить несколько мешков семечек. Паша наорал, город ответил, и малограмотный советский недоросль стал общаться: «Ну, вот, знаешь...» Паша в это время трясся рядом, поскольку секретарь и Валера пришились к нашему кабинету: несколько раз заходили и выходили, ожидая конца разговора. И Паша привычно занервничал:

– Ладно, кончай, я потом сам поговорю...

Поездки редактора по стране забирают фантастические суммы из казны редакции. Редактор, когда Мадам в очередной раз прижала ее к стенке, отбилась: «Все командировочные расходы за счет управления по печати!» Лично я поверила, но Наташа усомнилась:

– Она и совет – не слишком дорого заплатит!

Наташе лучше знать. Они «вместях» три года.

САМЫЙ ОБРАЗОВАННЫЙ

Одолевает заботой Валера, новый профсоюзник. Наташа тоже пожаловалась:

– Вот уж нуда! Чего ему надо? Заходит и заходит в кабинет! Дела нет! Говорить не о чем! Да и работать мешает! Только раздражает...

– А что ты хочешь, голубушка? Он же проявляет заботу по профсоюзной линии. Мне он тоже надоел с одним только чаем: еще раз спросит, скажу: «Собери деньги, сбегай в магазин, как это делала Наташа, за припасами, – станем пить чай».

Наташу и другое раздражает: Валера ходит и говорит с умным видом. Глупая претензия, но к умным таким и не предъявляют. О таких, как наш Валера, раньше в деревне частушку пели: «Сидит милый на заборе с выраженьем на лице. Выражает на лице, что сидит он на крыльце».

Валера – самый образованный человек в нашей редакции: закончил горный техникум, совпартшколу и журфак в Ленинграде.

САМОЛЕТ С ЯЙЦАМИ

Наш ответсек сегодня ровно дитя малое. Зашел в кабинет и стал повторять о несуразностях в газетах многолетней давности: «Всех коммунистов в море» – из какой-то дальневосточки; «кремлевские головотяпы» – из соседней районки, там есть кремлевский сельсовет; «прилетел самолет с яйцами» – из газет северного края. Секретарь – начитанный человек, по крайней мере, среди остальных заметно выделяется. Мог бы рассказать что-нибудь интересное и приятное до вкусности. Так нет, лезет первобытная тупость из алкогольной зависимости.

ТАПОЧКОВ НЕТ

Была у хирургами, меняла повязку на своей «операции». Как хорошо приходит в больничку из редакции: хирург источает скрытое радушие, сестра рядом с ним не знает, куда деть свою приветливость, сестра в перевязочной мило щебечет.

Два дня тому назад, не зная, что я журналист, насмешливо повторила: «Тапочков?» Это я, входя в «малый операционный зал», остановленная окриком сестры: «Обувь снимайте у порога!» – привычно растерялась от хамства и, оглянувшись вокруг, растерянно пролепетала: «А тапочков-то нет?»

НА ФОНЕ ДРУГИХ

В мае заработная плата по району составила 529,2 рубля, что в 2,4 раза, выше, чем год назад. Самая низкая – у работников культуры и искусства – 237 рублей, самая высокая в области кредитования – 1068,3 рубля.

Аспект: среди тех, кто получает выше среднего по району, – работники органов профсоюзного управления. Большезарплатники – железная дорога, страхование, лесное хозяйство, заготовки, жилкомхоз...

Мы до средней не тянем, но сегодня как-то щекотно говорить о плохой жизни, если каждый день видишь на улицах приличных людей, у которых явно нет постоянного заработка.

БЕДА

Погибаю. Обежала весь городок: хозмыла в магазинах нет. Беда.

СЕКРЕТАРЯ НА МЫЛО, ЧТО ЛИ...

Начеркала в пашином материале тридцать закавык. Этим шедевром Паша занимался несколько недель. То есть записал свою беседу с коммерсантом на маг. Потом на него села редактор, и Паша списал беседу на листочки.

Это списывание смотрелось спектаклем. Вид у Паши был при этом наизятейнейший, наизадуманнейший, а в газете получилось то, что получилось.

Как секретарю работать с такими шедеврами? Возможно, потому он и не работает. Как хорошо, что мне мало до пенсии. Моя персона сначала смотрелась здесь в должности секретаря.

Меня секретарство интересовало. По телефону редактор сказала: «Н. П., у меня для вас несколько интересных предложений. Только скажу в личной беседе, приезжайте!»

Приехала.

– Вы работали секретарем?

–Нет.

– Тогда это очень трудно!

В кабинет заглянул «старичок», и я промолчала.

Редактор:

– Это наш ответсекретарь.

Я, после его ухода:

– Он пенсионер?

– Ему до пенсии пять лет.

Разговор о секретарстве в такой щекотливой ситуации я продолжать не стала, редактор тоже.

Это меня немного задело. А сегодня знаю, что в редакции подрастает и свой секретаренок – Наташа. Значит, ситуация с секретарством была щекотлива дважды.

ОТВЕТСЕК БЕЗ ГАЗЕТ

Наш ответсек опять в милой прострации. Забегал уточнить: согласна ли я на рубрику «актуально» в беседе с мастером из Т.

Боюсь, что ответсек приходил доказать: «еще не ходил за газетами».

ОДНА МУРА

Читала статью Юлии Латыниной «Дедал и Геркулес», или несколько рассуждений о пользе и бесполезности литературы», в «Новом мире» № 5–93. Бог мой, сколь скуден мир моих познаний: не все интересно, но все, слава богу, понятно хоть.

Как такая эрудированная женщина крутится в нашей бытовой «соковыжималке», если даже мне трудно высидеть праздничный вечер рядом с моими коллегами, журналистами районки.

Ни от одного человека пока не слышала: «Видимо, я не дорос до этого произведения, книги, кино, мысли...» Обычно говорят: «Вот уж мур!» Более интеллигентные: «Знаете, это все-таки не классика».

ОТВЕТСЕК УШЕЛ ЗА ГАЗЕТАМИ

Ответсек «уходит за газетами» только в двенадцать. Сегодня его кабинет закрылся в пятом вечера. Всем ясно: ответсек «ушел за газетами». После таких походов у него каждый раз лиловет нос и улучшается хорошее настроение или мрачнеет плохое.

Наш ответсек по натуре добрейший человек: совершив какую-нибудь гадкость в кабинете редактора, сказав в угоду начальнице большую или маленькую сплетню, не восстав против сплетни редактора, под нажимом редактора сняв с кого-нибудь гонорар в пользу другого, – каждый раз ходит по редакции злее, простите, падины.

Ответсек вернулся «с газетами» и тут же забежал в наш кабинет. Заговорить со мной лиловый нос не посмел, а Паша уже испарился. Ответсек молча порылся в шкафу, в стопке книг, которые сегодня можно признать пригодными только под пистолетом: журналы «Агитатор», «Коммунист»...

В коридоре наш добрейший ответсек повышает на кого-то голос. Знать, «газеты» продали не те, или купил лишних.

ОПЯТЬ ВЕСНА НА БЕЛОМ СВЕТЕ

Опять в моем материале фраза: «... перебарывал нравственные узколичностные интересы» – прошла в таком виде: «перерабатывал нравственные, узколичностные интересы...»

С Наташи спрашивать трудно. Редактор в отпуске. Ответсек мог бы и почувствовать разницу, но он, подписывая газету, не читает ее, – повторяюсь.

Если же он читал эту страницу, но не заметил ляпы, значит, я сильно преувеличила его интеллект.

СОЛЬЦЫ, ХЛЕБА И ЛУКОВКУ

Только что приходил мужчина: ростику с кулачок, личико с пяточок, обросшее свиной щетиной. Хозяйка послала меня на переговоры. Он:

– Гражданка, мы насобирали грибков, нам бы сольцы...

Принесла. Он:

– Нам бы еще хлебушка...

Бегу за хлебушком и прихватываю луковицу. Если дать по собственной инициативе яичек и яблок, то меня сочтут глупой или богатой. Так уж было много раз.

РАССКАЗЫ О ЛЮДЯХ ДЕРЕВНИ

Паша собирается в отпуск. Редактор: «Заменит Пашу В. В., Н. П. поможет. Мало ли В. В. занимается снимками...» Помолчав, мечтательно продолжила:

– Рассказы о людях деревни...

И осеклась: говорила в расчете на мои рассказы, но вспомнила, что за год Паша умудрился не написать ни одного рассказа о людях деревни.

ПАША С ВАЛЕРОЮ

Паша вечером был зол необычайно. Сказала про все Наташе, попросила посмотреть мои «почеркушки» в материалах Паши. Наташа: «Можно кое-то и прибавить к вашим почеркушкам». Ей стало жаль Пашу. Пригласила его выпить с нами чаю. Паша злобно глянул в мою сторону:

– Спасибо, досыта наелся!

Сегодня Валера только заглядывал, но ни разу не зашёл, поумнел, что ли?

КАРГОПОЛЬСКАЯ ИГРУШКА

Самое подходящее настроение для того, чтобы написать о радости, которую испытала при встрече с каргопольской игрушкой на ежегодной ярмарке мастеров народных ремесел.

Поразили: богатейшая цветовая гамма и отличные сюжетные композиции.

Не понравилось: краски, столь яркие и уместно использованные, пачкают, а лица «юных» игрушек одинаковые с пожилыми.

Пишу про ярмарку, а по радио дали несравненного Робертино Лоретти, с возрастом утратившего голос. Припомнилась передача Муслима Магомаева о звездах вокала, в ней прозвучали такие слова: «Когда снимали фильм о Карузо, его роль исполнял Марио Ланца. Позднее, для исполнения роли Марио Ланца, во всем мире не нашлось равновеликого певца».

ЗАПИСКИ МАМЫ

Наташа ведет «Записки мамы». Два эпизода из них. Наташу – роженицу – в узловой больнице не приняли. Сроки появления на свет малыша задержались. Она, по мнению врачей, давно лежит с малышом в родильном отделении. Хорошо, что приняли в районном, а то пришлось бы родить ребенка у телеграфного столба.

В палате районного родильного отделения, увидев Наташу обнаженной, во всей материнской красе, женщины воскликнули: «Тебя надо на выставке показывать!»

ПЯТИЛЕТНЯЯ «БАБУШКА»

Провалявшись в постели до обеда, настолько отдохнула, что тела не почувствовала – оно будто бы растворилось в окружающем пространстве.

Хозяйка моя бедная бегает и злобно дверями хлопает. Она в пять лет потеряла речь и слух. Слегка привыкнув к ее бешено вспыхивающей злобе, мысленно зову ее «пятилетней бабушкой».

Третьего марта – четвертого у нее день рождения – она шибанула в меня помойным ведром. Не ушла с ее квартиры только потому, что у меня всякой «трухляди» наберется на тридцать мест: чемоданы, сумки, мешки...

СТАРЧЕСКАЯ ОСПА

Квартиру заменю в августе, до отпуска. А пока встаю перед зеркалом: все тело сплошь во вмятинках различной конфигурации, как у ребятишек после оспы. Свои вмятинки назвала «старческой оспой».

Старость помаленьку командует моим телом: появились слабенькие по– звоночки ниже локтя. Я буду их любить, оберегать.

ПЧЕЛКА ЗА ОКОШКОМ

Какое–то необычайно светлое состояние духа, хотя на дворе сенокос, а дождик чуть не с утра до вечера.

Глянула, а за окошком, паутиной опоясанная, вверх ножками бьется пчелка. Вытянула руку из форточки, махнула ручкой зеркальцем выше пчелки, она тут же перевернулась брюшком вниз и улетела. Потом прилетели две и несколько кружили у окошка, потом их собрался целый хоровод.

За пчелку–подружку, что ли, благодарили?

ХОЗЯЙСКИЕ ПРИЧУДЫ

Моя пятилетняя бабушка опять начудила: окунала мою половую тряпку в туалет. Не могла же в дикой озлобленности справиться на тряпку свою малую нужду? Детей в доме тоже нет, писанки подтирать не за кем...

ДОБИВАЮ НАТАШУ

Наташа, ведущая в газете «криминалку», все время удивляется обилию резаний, стреляний... Я каждый раз добиваю Наташу: «Это не столь уж много, если посмотреть, как мало осталось в нас извечно человеческого...»

СЕНА ПРИБЫЛО

День отличный. У кого в запасе накошено, тот сегодня сенца собрал.

ПРЕЖНИЕ ВЕСТИ

В нашей замарашке вести прежние. Послала учительница из Т. заметушечку о поездке с ребятами в Каргополь. Писала в третьем лице, я обещала поставить свою подпись: в той школе была дважды.

То ли учительница не указала мою фамилию на конверте, то ли редактор сочла нужным отдать письмо Оксане, но в заметке получились три ляпсуса. Для обнаружения двух требуется определенный уровень развития. Исправить их могли бы при желании редактор или секретарь. Третий ляпсус могла бы исправить и Оксана, но в газете так и прошло: «... учительница энской школы П. И. П. и ребята благодарны...» Фамилию под текстом поставили ее же, место работы и должность указали.

На мой телефонный звонок учительница ответила: «Извините, но у меня сейчас нет ни минуточки свободной!» Я знала: для меня она теперь будет занята всегда.

КРАСИВОЕ СТАРЕЕТ РАНЬШЕ

Самое старое место в моем лице – рот и его ближнее окружение. Когда-то однокурсники по училищу механизации сельского хозяйства в станице Стародеревянковской Каневского района Краснодарского края говорили: «Не обижайся, но по отдельности все черты лица у тебя красивые, особенно красивые губы, а в целом красоты не получается».

Сегодня мои «особенно красивые губы» почти прекратили свое существование. Стоит мне задуматься, как губы совершенно прячутся во рту, смыкаясь в узкую полосочку цвета бледной фиалки.

Значит, все умирает, но прежде всего исчезает самое красивое.

ВОРЫ БЫВАЮТ РАЗНЫЕ

Прошла планерка. Ответсек успел «сходить за газетами» с утра.

Настроение отвратительное, хотя второй день стоит ведро. Взяла вести из Б. Местные нероботи уже воруют картошку с полей, а картошке той надо бы расти еще больше месяца.

На планерке Валера сказал: «Надо повсеместно организовать дежурство!»

Слушая примерные речи, еле высидела до конца планерки. Все время хотелось встать и сказать: «Давайте посмотрим «воровство» у себя под носом. Когда секретарь перестанет пить и по-настоящему займется газетой? Когда Валера станет делать снимки для газеты, а не за деньги на сторону? Когда Паша станет работать систематически? Когда...»

Высидела. Иначе вместо пенсии угадаю в реанимацию, а мужчин с дороги все равно не свернуть.

Восьмой час вечера, а на улице все еще солнышко сенокосное. Слава Богу! Как говорила моя мачеха: «Соберут сегодня крещеные люди все накошенное сено!»

ЛИКИ

Вчера видела на автостанции печальную старушку: нос, рот и подбородок у нее почти сошлись в одной точке, поскольку «иконописный» носик практически прикрыл всю нижнюю часть лица.

Видела старушку, а думала о себе. Стоит мне о чем-то глубоко задуматься, я уже сегодня напоминаю не очень младшую сестру той бабушки. Мне неприятно мое напряженное лицо. Мне неприятны мои настороженные глаза. Мне неприятен мой стиснутый думами рот.

Мне жалко себя и старушку на автостанции.

НА НУЛЕ

Денек сенокосный. Начинает помаленьку мрачнеть. Частники идут к завершению сенокоса. Общественное стадо, судя по фальшиво-бодрой информации Паши, пока обречено на голодовку. Прошлая газета дала такую же бодрую фальшивинку.

ПЬЯНЫЙ ЗАПАЛ

Моя хозяйка вчера опять «сошла с пути» – мол, наводи свой вечерний туалет на улице. Слов не было, но неприличные тыкания и махания руками на свое и мое тело изобиловали. Еще приказывала не закрывать ночью двери на крючок.

Утром моя владычица не показывалась: то ли стыдно, то ли пьяный запал вышел.

ИГРА ГОРЛЫШКОМ

Странно, но смех женщины мне все время кажется плачем. Женщины редко смеются от души. Чаще всего просто играют горлышком, а любая игра заканчивается слезами. Все дело во времени: рано или поздно.

ШУТ ГОРОХОВЫЙ

Паша поплакался о дочери от первой жены, которая живет с простоватой мамой где-то под Ленинградом. Я мгновенно засветилась его болью: «Господи, не можешь послать посылку или письмо? Не соберешься написать? Сходи, и подай телеграмму – девочке же будет приятно твое внимание!»

Дочери Паши в то время исполнилось пятнадцать лет. Откуда же мне было знать: Паша, разговаривая о дочери, просто находился «в свободном полете». Именно так говорит наш редактор, когда Мадам на планерках «выходит в свободный полет» с видом первооткрывателя изрекая общеизвестные истины, пока не остановишь.

Через неделку-другую Паша завел другую арию из той же оперы: «Надо съездить к дочке в первый день отпуска!» Реагировала вяло: «Конечно, съезди, проведай – девочка жаждалась».

И вот уже Паша далеко не первый день в отпуске, но к дочке лететь не спешит по-прежнему. Это его личное дело, но зачем было и показывать себя «на рупь дороже»?

НОТАБЕНЕ

Слава Богу, шестой день сенокосная погода. Дождик проглянул, но только под вечер.

«Деньги за июль отдам тридцатого июля или первого августа, как получу зарплату.

Если ты еще раз напьешься и станешь приставать ко мне с глупостями – сдам тебя в милицию.

И перестань хлопать дверями!

Н. П.»

Вот такую бестактную ноту бене подала своей бедной хозяйке через восемь месяцев жизни в ее доме. Как только перестали трястись руки от поданной «верительной грамоты», так сразу же и пожалела хозяйку – обидела и так-то обделенного жизнью человека.

И все-таки надо сразу останавливать хамов. Получив ноту бене, хозяйка ходит шелковая. Встала рядом и, с грохотом дальнобойки – она же не ощущает звуковой силы удара! – лупит мухобойкой по окну в коридоре. Под окном – моя стирка. Пыль летит в корыто. Показываю хозяйке рукой, она молча уходит к другому окну.

Я вздохнула было поглубже, но тут же на рамной перекладине увидела мертвую бабочку. Положила ее на ладонку, но пожалеть не успела: бабочка тут же расправила крылышки и метнулась в раскрытую дверь.

Вечером, готовя в моей комнате, хозяйка уплавила жирный суп и рано скрыла печку, не разрешая открыть форточку. У меня заболела голова, и я ушла на улицу, вернулась, и

хозяйка показала: могу открыть форточку. Потом заходила около меня с привычными для больного человека улыбочкой и ужимками. Даже посмеялась, усиленно чмокая губами и качая головой, – мол, заплакала от такой ерунды.

Я плакать не собиралась, но и разувирать хозяйку не стала – пусть радуется, что довела до слез, может, теперь поуспокоится.

ПРОСТИ МЕНЯ, ГОСПОДИ!

В день праздника мастеров зашли в церковь Каргополя. Священник проводил обряд крещения. Человек тридцать ожидали таинства, буквально стоя в очереди. Там были пожилые женщины, возможно, носительницы микоз, по их следам шли молодежь и дети – все босые.

Священник обмахивал тряпичку в верхний таз на столе, касался ею лица и ног крещавшегося, споласкивал тряпичку в нижнем тазу и... все начиналось сначала.

Меня могут оспорить: вода в тазах святая. Так ведь и серебро действует по законам насыщенного раствора: уничтожит, скажем, микозы после двух–трех человек, но не после десятого же! Тем более, что в Архангельской области микозы на ногтях ног встречаются не только у людей среднего возраста, а даже у молодежи, у пожилых их слишком уж много. Может быть, они и заразились–то... Язык не выговаривает.

Прости меня, Господи, но я права по сути подмеченного безобразия.

ИЗ КУЛЬКА В РОГОЖКУ

На планерке, не называя меня, заврайфо, по–орлиному гордо окидывая зал, сказала с улыбочкой: «Вообще-то, здесь пресса – опять напишут что–нибудь не то!» Зал, как позднее подскажет точное словечко Наташа, хохотнул. Я: «Что конкретно не так было написано?» Заврайфо: «Да, знаете ли, – бывает!» Я: «Что конкретно, скажите?»

Зам. главы администрации: «Она просто имела в виду, что если вам что-то будет непонятно, то надо обратиться к ней за разъяснениями...»

В моем возрасте если что-то непонятно – лучше идти на пенсию. Чего так боялась заврайфо? Администрации сегодня приходится перебиваться из кулька в рогожку, тратить на зарплату средства, отпущенные, скажем, на компенсацию для многодетных, одиноких. Повсюду идут узаконенные на местном уровне финансовые нарушения. На месте заврайфо только и требовалось подчеркнуть: «Об этом в газете писать не надо!»

В конце работы сходила к адвокату. Она посмотрела все свои талмуды, но оказалось, что мне биться за честь газеты и собственную нет смысла: ни по одному из кодексов заврайфо не привлечь к ответу. Вот если бы она назвала мою фамилию при той же горделивой фразе с усмешкою или присовокупила какое–нибудь гадкое слово... «Тем более, – закончила поиски адвокат, – перед вами извинились даже за невольное оскорбление! Однако, – помолчав, добавила: – пусть она попереживает. Можете подать заявление в суд с просьбой привлечь к ответственности за клевету, а потом забрать его обратно!»

Нет уж, – я все–таки родом из деревни, играть на нервах человека понапрасну не стану.

День сегодня опять, слава богу, сенокосный, со счетом восемь к одному идет отличная погода. Неплохо.

МЫ ВСЕ УЧИЛИСЬ ПОНЕМНОГУ

Адвокат пожаловалась на Оксану: много сделала в материале неточностей, исправлений, пропусков.

Мне эти жалобы начинают надоедать. Готовила беседу с дерматологом: жалоба на Оксану – умудрилась сделать в «себорее» три ошибки.

УРОД УРОДА ПОЖАЛЕЛ

Вышла на работу машинистка. Увидев меня в кабинете секретаря, прижала к себе и пропела что-то подзаборное. Видимо, ей отчего-то хотелось меня обнять, но без мата неудобно нежничать. Разбавила нежность гадкостью. Может, ей успели сообщить про мое «геройство» на планерке в администрации. Вот и обняла, жалеючи: уroda только урод не пожалеет.

ЕЩЕ БЫ ВЕНИЧКА...

У хозяйки отличное настроение. Натопила печь в моей комнате так, что только веничка березового и не хватает.

НАЧИНАЮ КОНОПАТИТЬ ПЕРВЫЙ УГОЛ ОТ ДВЕРИ

Мои строчки в газете идут с плюсом в 885... Сказала, что не буду писать с планерки. Все было написано месяц назад, ничего нового нет.

ГОСТЬ ХЛЕБА НЕ СЪЕСТ

Поэтесса из Б. прислала письмо. Просит прощения, что не пригласила меня выпить чаю.

Да, с гостеприимством в Б. сложновато. В спину, когда одна нога уж на пороге стоит, скажут:

– Может, чайку?

Семидесятилетняя поэтесса объяснила ситуацию: «Как кто проявит интерес к моим стихам, так я прихожу в восторг».

Все было именно так: при разговоре со мной у поэтессы полыхало лицо ярким заревом, а стихи у нее только описательного свойства. В газете поместили ее «Нежданную старость»:

«По реке плывут кувшинки,
Облака несутся в даль.
На лице моем морщинки,
На душе моей печаль...»

ДЕНЬ, СЛАВА БОГУ, СЕНОКОСНЫЙ

Прошла планерка. Секретарь успел к десяти утра «сходить за газетами». Всю планерку радует нас: «Валера сегодня на всех четырех полосах». Мы с Наташей, как оказалось впоследствии, подумали одинаково: «Еще бы читать можно было того Валеру хоть на одной полосе».

А секретарь Оксане: «Наверное, твой материалчик об отпусках поставлю на первую полосу!»

Мне: «Вам пришли из Б. письма».

Только Наташе, заменявшей корректора, грозно и приказательно: «Отдай Н. И оба письма!»

Наташа с обидою в такой-то светлый для секретаря день: «Можно подумать, что я сама не отдам!» И вот, назло ответсеку, не принесла письма сразу. Вредит ответсеку, а отдуваться мне, если он наметил их срочно в номер.

Наш ответсек от счастья заблудился: «Будете получать гонорары не меньше зарплаты!»

Мы с Наташей рассмеялись: «Мы уж месяца три получаем гонорар заметно больше зарплаты!»

Я хотел сказать: две зарплаты!

Целый день ответсек бегал по кабинетам, разносил напечатанное машинисткой. Вот странно: уж если ты пьянее вина, то сидел бы у себя в кабинете и носа не показывал.

Прости меня, Господи, что я лезу не в свое дело. Спасибо, что день сенокосный.

СКОБЛЯТ ПРЯЖУ И ЛОВЯТ БЛОХ

Оформляла командировку, а бухгалтер сказала: «Валера, выезжая в командировки, берет в администрации справку с печатью о том, что он ночевал в деревне такой–то и заплатил за ночлег столько–то». Бедный Валера, где только может, там и скоблит свою пряжу.

Глава администрации из Ш. тоже хорош: выдав Валере подобную справку, свою брезгливость валериным скопидомством перенес и на меня с легкостью. А я все никак не могла взять в толк: чем же я заслужила явное неуважение человека, с которым встречаюсь первый раз.

Одну из командировок Валеры я самолично заверяла в Ш. Ставя печать, глава хмыкнул: «Ничего себе, за клюквой съездил и денежки командировочные получит. Всем бы так!» Я промолчала: если Валера ездил за клюквой, то не без ведома редактора. И глава администрации знает это не хуже меня, просто «ловит блох» на уровне обыкновенной сплетницы.

ПРИМЕТА ДНЯ

Сегодня у нас не вышла газета: наборщица заболела. Вторая в отпуске.

ЯПОНСКИЙ СИНДРОМ

По радио передали: компьютеры несут новые болезни. Трудолюбивые японцы заболевают оттого, что их мозг не успевает за компьютером. Мне этот японский синдром очень понятен: все время живу в напряжении, хотя строк в газете и в запасе достаточно.

ДЕТКИ «КОРМЯТ» РОДИТЕЛЕЙ

По радио передали новости по городу Рыбинску: дети безработных родителей «проверяют» транспорт вместо контролеров. Берут деньги с безбилетных пассажиров и даже вещи в залог.

День, слава богу, опять сенокосный.

ПРИМЕТА ВРЕМЕНИ

Лет сорок тому назад за грибами и ягодами уходили затемно. Ко времени выхода на общественную работу лесовики успевали вернуться с дарами леса и позавтракать.

Сегодня дела иные: иду на работу, и мне навстречу лесовики катят, за грибами–ягодами направляются.

ЛЮЛЯ–КЕБАБ

По радио передали: «При тех блюдах, которые можно расчленять вилкой, не надо пользоваться ножом. Это тефтели, котлеты, люля–кебаб».

Дело личное: чем и как есть за столом, но слово «расчленять» отражает только дурное отношение к русскому языку.

Недавно делала материал с председателем народного суда и пришлось написать подобные строки: «Сын, по просьбе матери, убивший ее сожителя, сначала закопал тело в снегу. Весной снова перезахоронил, – опять же по просьбе матери. Для удобства отпилил ножовкой ноги трупа: одну закопал вместе с трупом, а другую потерял».

Вот такой люля–кебаб стоит теперь перед глазами.

ХОЧЕШЬ ЖИТЬ – ПЛАТИ

В Латвии введена частичная плата за лечение в больнице. Один день стоит около двадцати пяти рублей.

БЕДНАЯ НАТАША

Ответсек удачно «сходил за газетами». А Наташа просто замучилась: в одной и той же

статье один человек назван просто по имени, другой только по фамилии, а третий полным именем–отчеством. Материал Валеры. Его самого в редакции нет, а материал набран на первую полосу.

Сколь же хорошо накануне прочел этот материал ответсек!

ЖИВУ ПОД ПИСТОЛЕТОМ

Хозяйка после моей «ноты» неделю не показывалась на глаза, а теперь снова уж мои шаги караулит. Понесла горшок в туалет, а она в это время здорово хлопает меня по плечу.

Пугаюсь, вскрикиваю, оборачиваюсь, и в доказательство, что выливаю не помои, тычу ей под нос ночную вазу.

Опять живу под пистолетом.

ДУРНЫЕ ПРИМЕРЫ ЗАРАЗИТЕЛЬНЫ

Ответсек вычитал в центральной газете: дачного воришку раздели догола и распяли, оставив на ночь привязанного на съеденье комарам.

Утром, хорошенько оттузив, отпустили: будь здоров, приятель, не чихай, не кашляй.

РЕДАКТОР В СВОБОДНОМ ПОЛЕТЕ

Редактор уходила в отпуск на две недели. Прошло четыре, а мы все без командира, и по–прежнему на плаву держимся.

МАНИЯ ВЕЛИЧИЯ

«Типичный английский обед подали», – вам что–нибудь эта фраза говорит об английской кухне? Мне – ничего.

Мой любимый Моруа страдал манией величия, если считал, что весь мир знаком с вытями пэров и лордов.

ПОЛОВИНЧАТАЯ РОССИЯ

Смешная страна Россия, половинчатая. Издаёт правительство указы, но выполняет их на треть, на четверть...

Есть правило о переносе телефонов. Переезжает человек в новый дом: платит за перенос семьсот. «Но я, – сказал начальник абонентского отдела, – беру на себя ответственность и переносу телефон за двадцать процентов названной суммы.»

Детский лепет. Тем более, что начальник побоялся дать материал по данной теме: «Еще хуже будет!»

Детский лепет. Если поставить точку, то никогда не будет хуже – всегда можно на нее сослаться.

ОТВЕТСЕК С ВАЛЕРОЮ ГУДЯТ

День сенокосный. Ответсек опять с утра «сходил за газетами». Не первый день в том же направлении гуляет и Валера.

ПОБЫВАЮ И В РАЮ

Еду в командировку в поселок З. Глава администрации из Б. подчеркнула: «Там рай земной и небесный».

Интересно посмотреть на такое благодатное место.

ТЕЛЕМАХИАДА

«Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй» – Радищев сделал это эпитафией к своему «Путешествию из Петербурга в Москву», переписав из книги «Телемахиады», том II, кн. 18, стих 514.

Строчку «про чудище» мои ровесники помнят из школьной программы, но сколь же хорошо жилось нашим учителям и сколь же хорошо было нам, тоже учителям, что ученики были и остаются нелюбопытны. Не знаю, что могли рассказать мои любимейшие учителя литературы, спроси я их: «А что такое Телемахиада?» Лично я могла бы рассказать о ней не больше, чем о кавказских фруктах киви, с которыми познакомилась только зрительно в этом году.

Жаль, что Радищев не указал хотя бы ориентировочно даты создания Телемахиады. И жаль, что не знаю точного толкования слова «лаяй». И немного смешно предисловие к биографии Радищева: писатель–революционер. О какой революционности Радищева можно вести речь, если и после его смерти в России еще пятьдесят девять лет было крепостное право.

И ТОЧКА!

Ирина Головкина (Римская–Корсакова) написала в романе «Побежденные» – типично солдатское лицо. И – точка.

Герой Владимира Маканина в рассказе «Кавказский пленный» чем–то напоминает волкодава: «Крепкие белые солдатские зубы». В этом рассказе у Маканина сплошная подделка под солдатскую речь, чуть ли не в каждой строчке – «на хер». Так ругаются сегодня только женщины, и то на гражданке, и то в присутствии человека, который слегка чем–то сдерживает их, а так все употребляют совсем иное слово. Тем более солдаты.

Маканин – писатель с именем, поэтому как–то неловко читать одинаково написанные фразы – «позвали шофера» и «шофера лежали и курили».

Мои коллеги по районке вообще не обращают внимания на такие мелочи. Я тоже хороша: написала в заметке «полкалитки» – сочень, заправленный кашей или картошкой, а ответсек поправил: «пол–калитки». Не стала спорить. Все давно надоело. В газете прошло с дефисом. И точка.

ГЕРОИЧЕСКИЙ ТУМАН

День сенокосный. Устала. До отпуска еще месяц.

В таком–то усталостном настроении прочла подборку стихов из русской провинции в «Новом мире», № 4–95, Михаила Сопина в числе четырех поэтов. Первый из них провел в тюрьме двадцать лет. Сопин чуть меньше.

В Вологде в свое время сняли из плана книгу местного поэта и поставили книгу Сопина, только что приехавшего из Перми.

Этот переход дороги одного поэта другому – отвратителен. Тем более, что в Вологде около имени Сопина накачали героический туман: сын полка, по идеологическим мотивам проведенный за решеткой больше семнадцати лет...

И вот в «Новом мире» послесловие к стихам: «...Когда пришла оккупация, бабушка (отец расстрелян в конце тридцатых) отдала его (Мишу Сопина) в помощь партизанам. Будучи сыном полка, Сопин прошел всю войну до Потсдама. Оттуда, переболев тифом, вернулся в свою деревню, был арестован «как поднявший руку на героя–фронтовика» (защищал честь сестры от настойчивого ухажера). Был осужден, работал на строительстве Волго–Дона. После амнистии, в 1953–м, уехал в Харьков, где попал в компанию уголовников, вместе с которыми был арестован в 1955. Заключение отбывал до 1970. Выпустил три книги стихов, живет в Вологде.»

Первые стихи Сопина потрясли: ранимая душа поэта шла по острию ножа.

Подборка в «Нашем современнике» несла сплошное успокоение.

Подборка в «Новом мире» необычна только тем, что в ней собраны стихи поэтов, длительное время отсидевших в тюрьме.

Читая про компанию уголовников из Харькова, с обидой вспомнила слова земляка:

– Отложили книги ради какого–то приехавшего с Урала. Сейчас–то я уж успокоился, а первое время запил...

Стоило ли ради одного поэта плевать в душу другого?

КУВЫРКИ С ЛЯПАМИ

Сегодня ответсек совершенно пьян. Валера в той же ипостаси. И напрасно. Ответсек привык «ляпать» газету в любом виде. Валера и трезвый не всегда в состоянии написать что-нибудь «без кувырков».

Ответсек добрющий. Наташа пораньше отпросилась домой за себя и за меня. В понедельник еду в 3. Без командировок в нашем муравейнике не выжить.

ЖДЕМ-С...

В понедельник, наверное, придут редактор и Мадам. Газета останется такой же серой, но шуму в редакции значительно прибавится.

ВСЕ ПАШКИ ОДИНАКОВЫ

Собираюсь делать беседу с художником.

Ответсек:

– Пашка уже год собирается написать об этом художнике! Пршное лето беседовал с ним. Тот подарил ему несколько картин...

Я:

– Пашка еще двадцать один год не соберется. Все Пашки на один манер.

ВТОРАЯ ВСТРЕЧА С ХЭПВОРТОМ

Кто-то встречался второй раз, а я впервые прочла в «Новом мире», № 4 – 95, «16-й день Хэпворта 1924 года» Джерома Дэвида Сэлинджера. Все интересно, все несколько длинно и тягуче по-английски. Несколько предложений вообще неподвластны мгновенному и стопроцентному восприятию моего высшего заочного образования.

Одно непонятно в точности: за что «Хэпворт» отправлялся у нас в спецхраны. Выпирает из текста, кроме непривычной для нас глубины изложения материала, только строчка о том, что «средняя группа занималась гомосексуализмом». Потом еще идет классическое сегодня упоминание: семилетний мальчик изредка напоминает о своей первой жизни на земле, где он был в достаточно хороших отношениях с родителями или только с мамой.

Печатаая иностранную литературу, лежавшую в спецхранах, мы не умеем дать соответственное вступление. В предисловии к «Хэпворту»: «... кто сумел его прочесть (до спецхрана), он тогда оттолкнул неструктурированной формой и «странными» идеями».

Сомневаюсь, что «сумевшие прочесть» не оценили Хэпворта. Остается только привычно пожалеть, что моим ровесникам не удалось прочесть «Хэпворта» до его заточения в подполье хотя бы в наши тридцать лет. Правда, возникает маленький вопросик: смогла бы я, тогда советская женщина от затылка до пяток, прочесть эту книгу без предубеждения?

НУЖЕН ДОЖДИК

День сенокосный, но дождик собирается. Он не будет лишним. За две солнечные недели личную скотину кормом обеспечили. Общественное стадо будет всю зиму привычно голодать или станет умирать «по собственному желанию».

ПАМЯТЬ ЯГОДИЦ

Как бы отнесли в нашем ресторане, разорви какой-нибудь туповатый тюля денежку с портретом, скажем, Ленина? Усмехнулись, покрутили пальцем у виска, сказали: «Во дает, парень!»

В Турции все иначе: за собственную денежку, разорванную на глазах официанта, отсидел русский милок неделю в турецкой тюрьме. Если его в той тюрьме без насилия и

издевательства просто хорошенько отгузили за оскорбление портретной личности «его королевского высочества», – теперь уж он ни за что не разорвет турецкую денежку с портретом короля, – если не сознание, то ягодицы что-то напоминают.

Дико мечтать о диких порядках, но кто знает нежные порядки, которые ведут к теплу и свету?

НЕТ НАСТРОЕНИЯ

День мрачноват. Мрачноват. Мрачноват.

СТАРЫЕ СТРАСТИ

В который уж раз казню себя за то, что сразу не давала достойный ответ хамам. Хозяйка опять беспардонно командовала, и я написала вторую записку: «Уйду первого сентября. Ты не женщина, а чудовище».

Хозяйка опять стала приторно ласковой: принесла мне букет флоксов, различные вкусы, гримасничает на каждом углу – то есть улыбается.

РАЙ НА ЗЕМЛЕ НЕ БЫВАЕТ

Командировка в З. нравится, но все–таки восторги главы сельской администрации на песке построены. Не жалуются люди в администрацию потому, что привыкли и раньше сами делать, – скажем, ремонт лесопунктовского жилья.

Самая большая беда поселка: мужики запиваются. В среднем по лесопункту за июнь по 425. Куда идут вполне приличные денежки. Из 55 человек, работавших в июне, тринадцать лишены премии и вознаграждения за выслугу лет. Прогуляно от одного дня до восьми.

Лесопункт «принадлежит» МПС Северной железной дороги, только поэтому садик в поселке не закрыт: троих малышей обслуживают тоже три работника.

В магазине самые необходимые продукты есть, но как они даются продавцу! С пригородным везут их из райцентра, а на путях в это время обычно стоит товарняк. Продавец ползет под составом с каждым метком или ящиком.

Такое, вероятно, по всей железной дороге деется.

Исполняет обязанности начальника лесопункта милейшая женщина. Какой–то очень интересный внешне мужчина принес заявление на увольнение. Я пошутила:

–Такие мужчины нас покидают!

Она:

– Это мой муж. Вальщик леса. Пьет вторую неделю. Раньше был начальником лесопункта.

В З., как во всех лесопунктах, годовой лимит леса не исчерпан, но рубить нечего: нет дорог к делянкам. В районе новшество: лес сверх лимита выделяется на аукционе. Сможешь заплатить – руби в своих ближних делянках. Но в ближних делянках во всех лесопунктах остается только молодой лес.

СПЛОШНЫЕ НОЖНИЦЫ

Есть и другой способ добычи дополнительного участка: просят выписать порубочный билет в счет следующего года. Но съеденным сегодня – завтра сыт не будешь.

ОПЯТЬ НОЖНИЦЫ

Допустим, дадут этот билет в счет следующего года, но если вальщик не по злобе, а просто с перепоя, спилит несколько деревьев в соседней делянке, то лесопункт получит крупный штраф. Такое не раз уже бывало.

ВСЮДУ НОЖНИЦЫ

Я спала в комнатке при конторе, на кровати с чистейшим бельем, а в коридоре стояли

два мешка сахарного песку. Один начат. Я пила чай с этим песком. Три чашки по две ложечки. Шесть чайных ложек песку я использовала в лесопункте на дармовщинку, как в раю.

ЗЕЛЕНАЯ УЛИЦА

День сенокосный. Страшная сушь. Вчера отмечали день рождения бухгалтера. Редактора нет. Секретарь по-прежнему пьян. Целый день ходил вместе с внешкором Е. за бухгалтером. Чтоб она выдала на руки гонорар внештатнику Е. Чтоб он мог купить секретарю бутылку за «зеленую улицу» в газете для своих материалов...

Спектакль был отвратителен: наш сек с фиолетовым носом, за ним вполне приличный внешне Е., а впереди убегающая от них бухгалтер.

ТРУСЛИВЫЕ НЕЗНАЙКИ

Редактор, не успев появиться, опять катит в Архангельск. Станут решать вопрос перехода редакции на новую минимальную ставку. Редактор каталась по стране, а в это время несколько повышенных минималок уже проехали мимо нас: не было денег для повышения зарплаты, не было и команды редактора.

Наши дамы решили написать обращение в «Упрпечать» в помощь хлопотам редактора. Спросила – а что мы конкретно станем просить, с какого месяца? какую сумму?

Корреспонденты:

– Пусть платят с учетом инфляции...

Бухгалтер:

– Ой, надо точно узнать!

Наташа вообще против писанины:

– Потом редактор на нас же и свалит все: «Ваше письмо повлияло не с той стороны!»

За июль начислено больше пятисот, если вспомнить зарплату лесорубов из З., то мне уж точно обижаться не на что.

ТРАГЕДИЯ КОНЧИНЫ ГОРЬКОГО

Дочитывала в «Воскресшем слове» Виталия Шенатлинского о трагедии кончины Горького. Тогда моя хозяйка, наверное, явилась пьяной, с улицы захлопнула форточку в моей клетушечке. Хлопок прозвучал таким взрывом, что я невольно вскрикнула: «А–а–а, чтоб тебя...» На слове «тебя» стала каяться: Господи, прости меня за слабость. Ничего плохого я ей не желаю, она и так больной человек. Глухонемая она, Господи, прости меня Господи!

Успокоившись – усмехнулась: давно надо было уйти от этой ведьмы. И смогла продолжить чтение о Горьком. Мог ли он освободиться от пут НКВД? Мог уйти из своего дворца в коммуналку, но человек бывает гордым только до определенного предела...

ПРАВДА – ДОЧЬ ВРЕМЕНИ

День отличный. Роса. Отдает холодом. Добрую неделю тому назад собирались в стаи скворцы. Теперь не видать.

Прочла «Дочь времени» Джозефины Тей. Вступление: «На западе Дж. Тей занимает особое место среди авторов детективного жанра из-за ее пристрастия к исторической тематике. Для массового читателя».

Сколь же сер в представлении издателей этот «массовый» читатель, если вся повестенка состоит из пустых диалогов: «Почему вы так решили?», «Почему скрывал?» Зато изумительны портрет Ричарда III и английская поговорка: «Правда – дочь времени».

И все-таки лучше бы родному русскому издательству выпустить детектив вологодского писателя Вячеслава Голяшевича. Он принимал участие во Всероссийском конкурсе написания скоростного детектива. И победил. Я к детективам особой симпатии

не питаю, но после прочтения детектива Голяшевича в голове осталось удивление небывалое: сколько же способных людей на белом свете?

БЕДНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Пригласила корректор прочесть с ней страницу, а меня раздражает текст Валеры: его надо еще очень и очень править. Но в местной районке практически все тексты надо править.

Что же тогда меня еще раздражило?

Лекарства стали дороже в полтора раза.

Редактор довольна, что наши мнения по материалу корреспондента из М. совпали: ничего не выбрать из текста. Это я сказала. Она: «Это Мадам его так писать приучила!» Господи, но сколько же можно всюду лепить эту Мадам!

Оскорбилась, что меня пригласили читать страницу.

Что прошлый номер газеты идет с минусом 65 моих строк.

Как много наваливается «гадости» на бедного человека!

А все ли я учла?

ВЕСЕННИЕ ПЕРЕВЕРТЫШИ

Заглянула в рассказ «Ночь после выпуска» в четвертом томе собрания сочинений земляка Владимира Тендрякова. Господи, скука—то какая.

Мне были нужны «Весенние перевертыши». Они отмечены литературной премией. Повесть стоит того, но она тоже страшно устарела. В 1972 году для угрозы городскому или деревенскому хаму, возможно, вполне хватало кирпича. Сегодня человек с кирпичом столь же незащищен, как те лягушки, которых плющили о стенку сарая подростки из «Весенних перевертышей».

Интересно: сколько книг, изданных до перестройки 1985 года, безнадежно устарели? На фоне этого вопроса моя хандра легко объяснима: нет в редакции человека, которому я могла бы мимоходом сказать: «Слушай, как там у Солженицына в «Бодался теленок с дубом» сказано об...»

Редактор, возможно, более меня способна вести такой диалог, но во время подобной беседы она непременно подчеркнет: «Мы сидим в разных креслах...»

Секретарь тоже мог бы, но в трудных для себя случаях он делает вид, что не слышит моего вопроса.

Мадам и Валера из тех, кто много читает. Но Мадам говорит о литературе в плоскости: «Я, конечно, может, возможно, видимо, и неправа!»

Валера может полдня говорить по любо-о-ой теме, с каждым словом все дальше удаляясь от предмета разговора.

На планерке редактор расхвалила мою страничку о семье: «Вы так хорошо начали! Вы намерены продолжать? У вас же было столько задумок!..»

О—хо—хо! Грехи наши тяжкие, но мне весело по двум причинам. Я помню, что говорила редактор о страничке два—три месяца тому назад. Я уверена: где—то прилично отметили мою страничку о женщинах, и наша птичка—летунья тоже расчирикалась неимоверно.

Сегодня мой хвалебный день. Редактор: «По сути отсея подписчиков в городе восполнился за счет села. Я не говорю, что это сказалось...» Сделала паузу. Я, понимая, что ей трудно хвалить меня, перебила великодушно: «Неважно, главное, что число подписчиков на селе растет, остальное — мелочи быта».

Да, нравится редактору или нет, но часть именно моего труда есть в этом росте числа сельских подписчиков. На село весь год езджу только я, да еще редактор ездит... по стране.

Вот такие мы гордые, потому никто за подол не тянет, купить сладкую палочку «Мики—рей» не просит, в кошельке лежат пять сотен, которые попросту не на что тратить.

Идет дождь, проливной.

ЧИСТОПЛОТНАЯ ТЕХНИЧКА

Наша техничка ушла в отпуск. Ее заменяет удивительно чистоплотная женщина. Утром я привычно протерла стол листком бумаги: лист не изменил своей белоснежности. Надо сделать материальчик с техничкой. Обожаю работающих людей. Но зато уж наша постоянная техничка станет моим неприятелем.

СТАВЛЮ ПАЛКИ В КОЛЕСА ГАЗЕТНЫЕ

Отказалась заниматься подчиткой. Я не виновата, что всегда свободна и запас строк у секретаря всегда на целый газетный разворот отлеживается.

День прошел. Редактор не посмела еще раз попросить почитать с корректором. Только бедный пьяный секретарь несколько раз заглядывал в кабинет: проверял, на месте или нет.

А КТО У НАС НЕ ДУРАК?

Виктор Петрович Астафьев в радиоинтервью: «Боепри–и–пасы», «Марша–а–алы», а далее: «Может, придет в президенты еще больший дурак, назначит командующего еще большего дурака. Сахаров виноват в том, что вместе с Эйнштейном создали атомное оружие, против которого бессилён человек. Чем уж тут хвалиться. Сколь он плохо смотрелся в президиуме. Рядом с ним такие генералы, вся грудь в орденах, о–го–го, как у Тараса Бульбы, только ума нет».

Фамилии тех, кто ума не имеет, тоже по радио прозвучали.

Уж если переходить на личности, то внешняя культура Астафьева и Ельцина идентичны, а что внутри сокрыто – знают только они сами и Господь Бог.

ЗАКУПАЮ ДРАГОЦЕННОСТИ

Вчера купила три нитки опаловых бус. Можно будет продержаться за счет продажи месяца три при нищей пенсии.

НАШИ ВЕЧНЫЕ ДОЛГИ

Боевики заняли райотдел милиции в Буденновске. Укрепляются. На крыше установлены пулеметы. Обреченные, не сдаются. Будут наступать.

Мы платим за то, что творили с чеченцами при царях и в годы Великой Отечественной. Анатолий Приставкин написал о последней нашей вине в повести «Ночевала тучка золотая».

ГОРЖУСЬ И РАДУЮСЬ

Четырнадцатого августа Ленинградский художник Ю. М. Ш. подарил местному отделу культуры тридцать семь собственных картин для организации передвижных выставок в городе и районе с последующей передачей всей экспозиции будущему районному музею.

Горжусь и радуюсь: этот дар был сделан после нашей с ним беседы и ее публикации в нашей районке.

НАТАША ИНОГДА КОПИРУЕТ ПАШУ

Наташа обещала сделать на компьютере книжечки моих шедевров: стихов, рассказов, эссе...

МАДАМ ПЛЮЕТ НА СЕЛО

На планерке опять выступила Мадам. Одна из ее многочисленных бредовых идей: сделать нашу газету городской. Чтобы нам жить с прибылью.

ВСЕ ИДЕТ ХОРОШО – ЖДИ ГАДОСТИ

Нашла приличную комнату за пятьдесят, пятилетней бабушке платила семьдесят. Ожидая, что придется выложить не меньше сотни, спросила хозяина:

- Сколько возьмете за комнату?
- Платите двадцать – я столько плачу в домоуправление за обе.
- Стану платить пятьдесят, но чтобы вы и не дышали в моей комнате!

Квартира из трех комнат. Третью занимает старушка, лет за восемьдесят, мать нашей машинистки. Уборку придется делать мне. Все остальное вроде хорошо, две недели живу, не нарадуюсь. Старушка пока в деревне.

УСАТЫЕ ЗАЙЧИКИ

Зайчиха, родив малышат, говорит им: «А теперь, зайчики, вы сами с усами, так и добывайте пропитание сами!»

Иду в отпуск. Сбегала в отдел соцобеспечения: для начисления максимальной пенсии требуется сегодня 317 рублей. Пока моей зарплаты хватает, но этот потолок максимальный постоянно растет. А у нас все наоборот. В сентябре редакции газет не станут получать премии. Редакторам в Архангельске сказали: «Премии сами зарабатывайте!»

В Котласе журналисты за счет какого-то общередакционного приработка получают до девяносто. Меня, если верить белой розе осенней, в эту газету тоже приглашали. Жила бы сейчас припеваючи: пахала бы столько же, а получала все наоборот.

Сколько же денег, даже кровно заработанных, у меня прошло мимо рук! Обычно мне говорили: «Начислено то и то». Я расписывалась и спокойно жила дальше. Стала контролировать свой бюджет и нашла два рабочих дня: один «посеяла» редактор, а другой – бухгалтер.

НЕТ КОНЦА РАСПЛАТЕ НАШЕЙ

Кровавая жатва в Чечне продолжается девятый месяц. Сегодня один воин погиб и шесть ранено.

ИЗ ЛЮБВИ НЕЛЮБОВЬ ВЫРАСТАЕТ

Редактор отнеслась к дару тридцати семи картин кислотовато. Она двадцать лет крутится в районе. Последние три года – в роли редактора, а тут появилась эта Н. П. и – пожалуйста! – приличный по величине зал будущего районного музея будет навечно украшен.

ОПЯТЬ СТЫДНО СЛУШАТЬ

На вчерашней планерке редактор все повторяла: «Газета у нас гладкая». Мадам каждый раз настырно следом шла: «Корреспондент прежде всего должен иметь защиту в лице редактора. Лично я боюсь теперь писать критику: снимут очки – никто и не заступится, а я совершенно беззащитной окажусь».

Лично мне было стыдно слушать редактора: не она ли просила не делать информацию о школе, которую даже зимой открывают за минутку до начала занятий, не делать материал о том, сколько детей в районе вообще не ходят в школу...

Уверена, таких примеров каждый корреспондент наберет в избытке. Почему я не настояла на публикациях своих критических материалов и материальчиков? Все здоровье давно отдано критическим материалам, а пакости в мире не убавилось.

Несколько материалов на тему «гладкой» газеты задержал секретарь. В настоящее время у него лежат восемь заметок, которые не обвинить в «гладкости»: статья–рассуждение о нашей вине перед чеченцами, заметушечка в адрес местной птицефабрики, продающей тухлые яйца; отклик на убийство сиама с голубыми глазами...

ХАЛЯВА ХАЛЯВУ ВИДИТ

О гонорарах редактор сказала на следующей планерке в своей дикой манере: «Получаете гонорары на халяву: у Н. П. – еще и месяц не прошел – уже 275, у В. В. – больше трехсот наберется».

Паша с Наташей весь год не делали норму строк, но каждый из них имел дополнительный приработок. Поскольку гонорары были мизерными, то наша с Мадам пахота стоила заметно меньше их приработка, на который они тратили обычное рабочее время.

Психологически жизнь становится с каждым днем интереснее. Редактор, опять же в своей башибузукской манере: «У нас почти все имеют приработок, остальные пусть добирают гонораром!»

Нам с Мадам приходится «добирать», – а куда мы денемся? Обе – на финишной пенсионной. Как не вспомнить польского юмориста Ежи Ленца: «Жизнь принуждает человека ко многим добровольным поступкам!»

Пенсия на пороге – уж точно принуждает.

Редактора мы критикуем, а уходя в отпуск, получу заметно больше тысячи. Конечно, судьбы со стажем получают эту сумму за один месяц. У меня в ней – полный рабочий месяц и полтора отпускных. Но зато мне не надо ежедневно читать, слушать, видеть отрезания, расчленения, захоронения, частичные утраты человеческого тела при перезахоронениях. И уж тем более общаться с людьми, буквально и фигурально потерявшими человеческое лицо.

Правда, не легче ежедневно видеть и страдания нормальных людей.

ЛИШЕНЦЫ

Редактор опять сделала «финта» – лишила премии ответсека, Мадам и Наташу. За год это третий редакторский «выскок» за дисциплиной. Первый раз были лишены ответсек, Паша и Валера на основаниях вполне законных, хотя мужики и скрежетали зубами. У Валеры с Пашей нет нормы строк постоянно, да и «запузыривали» все тоже постоянно. Второй раз лишены были Паша с Наташей – не было нормы строк.

Надо бы лишить премии и редактора, поскольку «запузыривания» продолжают.

Лишенцы третьего раза, кроме ответсека, обижены напрасно. Ответсека можно лишать премии ежемесячно. На днях прошел снимок на первой полосе, на которой должны были быть два пастуха верхи... Лошадь одного, видимо, нагнулась в момент съемки. В итоге один пастух сидит на лошади, а второй – непонятно, на какой горе, между ног пастуха расположенной.

ВСЕ РАВНО Я БЛАГОДАРНА

Вчера мне исполнилось пятьдесят четыре. Получила два подарка: поздравили Оксана с Наташей, принесли открытку из журнала «Север»: «Уважаемая Н. П.! Вашу статью о Н. Рубцове надеюсь напечатать в будущем году (ежели члены редколлегии не будут решительно против). В этом году в любом случае статья не пойдет.

Всего Вам доброго. И. Рогощенков».

Если члены редколлегии «будут решительно против», все равно я им благодарна за две прошлые публикации.

Можно бы отказаться от гонорара, но не хочется «набирать очки».

А быть напечатанной все-таки хочется.

НА ВСЯКИЙ ПОЖАРНЫЙ СЛУЧАЙ

Наташа накануне ездила к соседям в К. – поучиться секретарскому делу. Уходит наш секретарь, или редактор решила поучить Наташу на всякий пожарный случай.

БАБУЛЯ ЛЮБИТ ШУТКИ

Вчера приехала из деревни бабуля. Высмеяла меня с порога: «Я хочу с вами

поделиться. Вот я наставила картошки в коридоре, а ты такая чистохранка!»

БЕДНЫЕ РОЗЫ

Девочки принесли мне в день рождения розы. Странно, но в моей не столь уж и безцветочной жизни розы мне ни разу не дарили.

Розы нежны, как девчушки, их принесли. Но я более всего люблю те цветы, которые останутся в земле–матушке до увядания.

Наташа советовала поставить цветы в горячую воду. Вот уж нет уж. Мне больно и оттого, что их срезали...

ПОТОМ И САМИ ВОЗЬМУТ

Бабуля привезла на продажу картошки, собранной на колхозных полях после уборки. Раскладывает ее по ведрам: «Сережке тоже надо дать!»

Сережка, мой хозяин, мужик лет сорока, все куда–то бегают и днем, и ночью. Говорит, что работает сторожем. Вид абсолютно голодный, но только отдаю деньги за квартиру – пропивает.

Утро у нас теперь начинается с того, что: «Сереженька, наливай себе чаю, а то буду чайник для свежей заварки полоскать» и «Сережка, возьми юшки от ушицы...»

Это было бы терпимо, если бы при этом, как в театре, не шепталось мне: «Молодой мужик – мог бы скоко сам прирабатывать!»

Все верно, но меня больше беспокоит другое. Наши сережки, приученные к дармовщине, впоследствии берут «свое» и без разрешения.

СЕКРЕТАРЬ ОСТАЕТСЯ

Приходила Наташа. В редакции соседнего района ей понравилось: «Таких малограмотных материалов, как дают временами Паша, Валера и Мадам, там не пишут!»

Не пишут. Работала там три месяца. Знаю.

Секретарь никуда не уходит. Наташа станет макетировать страницу «Ровесника» и соревноваться с секретарем на праздничных номерах: чей номер будет лучше смакетирован, тот и пойдет в производство.

Для Наташи это только трата нервов на пустом месте. Редактор всегда признает лучшей ту страницу, которого из секретарей ей вздумается погладить по шерстке в данный момент.

ВОТ ПАРАДНЫЙ ПОДЪЕЗД...

Редактор отмечала свои сорок в ресторане. Все, кроме Мадам и меня, почтили присутствием свой «парадный подъезд».

Наташе было совестно это мне рассказывать: редактор за последние месяцы дважды лишила ее премии, и не всегда справедливо, но вот поди ж ты: «Я написала поздравление. Пришлось польстить!»

ПРИРОДА–МАТУШКА ЗАБОТЛИВА

Была у стоматолога. Оказывается, наши зубы как бы вставляются матушкой–природой в подобие чашки, по форме зуба. Когда зуб удаляют, то края этой «чашки» иногда выпирают из опустившихся десен.

По безграмотности приняла эти подкожные бугорки за осколки, и ждала их выхода почти четыре месяца. Пришлось делать новое вскрытие только что затянувшейся десны.

Стоматолог долго скреб по кости, и у него отчего–то тряслись руки, но он все время старательно читал мне мини–лекцию по специальности. Теперь я знаю, что женщин допустили к стоматологии только через год после отмены крепостного права.

ТАКОЙ ЛЮБИМЫЙ «ФУЛИГАН»

Страна отметила столетие со дня рождения Сергея Есенина. По «теле» из Рязани шел изящнейший спектакль: что-то из времен татаро–монгольского ига.

В районной библиотеке оформлен отличнейший стенд, но его название для сегодняшнего дня ужасно: «Певец голубой Руси». Обидно отказываться от такого светлого слова, но его все равно придется избегать в употреблении. Даже один из наших штатников – «голубой».

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДОМ

Бабуле кажется, что у нее воруют картошку. Она обсуждает эту тему со мной каждый день. Все подозрения – на голодного Сережу. Но, если в ее апартаментах что-то потеряется, а у меня окажется примерная вещь, допрежь не виданная бабулей, то... Суду все ясно.

Зато я живу теперь в историческом доме. Он построен в 1969 году, когда городок был сплошь деревянным, кроме банка и типографии.

Моя квартира – рай земной и небесный по сравнению с прежней, но «веселья» и здесь достаточно. Туалет напротив моих дверей, поэтому несколько раз на дню вижу на унитазах бабулю: дверей она не закрывает. Или забегая в туалет, где спиной ко мне – слава Богу! – хозяин. Или хожу и выключаю свет за обоими.

Интересно: через тридцать лет я смогу контролировать себя или незаметно займу ряд маразматиков. Академик Амосов, земляк, живущий в Киеве, сказал, что человек после семидесяти постепенно впадает в маразм.

СТЫЖУСЬ

Смотрела роман Бориса Виана «Осень в Пекине». В предисловии: «Это лучшее произведение одаренного француза, который за 39 лет жизни успел написать пять романов, четыре романа–пародии, около сорока новелл, более четырехсот песен, три оперы, несколько балетов, а также скетчи, киносценарии и огромное количество статей о джазе, кино и обо всем на свете. Он был инженером, поэтом, извечным джазистом и исполнителем собственных песен».

Обидно и стыдно, но романа я не смогла одолеть.

Зато произведения двух кинорежиссеров шутя проглотила: «Джульетту» Федерико Феллини и «Круговорот» Милоша Формана при участии Яна Новака.

Странно, но это так: что-то неподвластное нам управляет нами же. Мои глаза отказывались читать «Осень в Пекине» Бориса Виана. Однако «Джульетту» Феллини прочла почти залпом, а гораздо больший по объему «Круговорот» Формана читала каждый раз до полуночи. И хоть бы что.

Кругом загадки.

НЕ САЖАЮТ, А БОИМСЯ

Завтра на работу. Сегодня предложила сделать информацию о распродаже книг в районной библиотеке. Необходимость распродажи: большая дублетность, ветхость обложек, устаревшие в социально–общественном плане.

Зав библиотекой испугалась «цвета» моей информации: «Нас тогда райфо!» Сделали серенькую: где? что? когда? – в тон землистого лица зава: больна или пьет. Обидно и жалко.

Что-то вообще мое сердце стало часто сжиматься от боли при чужом горе. Раньше смотрела с величайшей брезгливостью на потерявшую лицо алкоголичку. Теперь сама на секунды теряю цвет лица, а руки непроизвольно летят в сторону сердца.

ДЕШЕВАЯ ДЕСЯТКА

Добавила хозяину комнаты десятку – настолько увеличилась госплата за две его комнаты. Хозяин счастлив, а мое сердце стыдом и обидой колет: на десятку можно купить

килограмм песка, буханку хлеба и небольшую пачку чаю.

НЕСОВЕРШЕННОЕ СОВЕРШЕНСТВО

Читаю «Первого человека» Альбера Камю. Вспомнилась песенка Мэри Поплине: «Ах, какое блаженство знать, что я совершенство!» Роман Альбера Камю есть несовершенное совершенство. Заметно недоработан автором, погибшим в автокатастрофе в 1960 году.

Интересно: не погибни Альбер Камю, окончательно затравленный Сартром, и доведи роман до совершенства – он стал бы лучше или хуже?

Жена главного героя, убитого в 1914 на войне с немцами, считала, что осколки снарядов – это какое-то самостоятельное оружие. Сердце заходится от любви и нежности к этой женщине: вижу в ней лучших женщин моей родной деревни.

ВСЮДУ ДЕНЬГИ

На работе все по-прежнему: Паша бегаёт, Наташа занята буклетиком к столетию железной дороги. Мы с Валерой и Мадам пашем в газету.

Желание заняться буклетиком у Наташи падает не по дням, а по часам. Вместо двадцати процентов от полученной за буклет суммы, редактор хочет взять себе уже тридцать.

По мнению Наташи, ее проценты должны быть выше редакторских.

Наташу редактор обещала послать на курсы секретарей в Архангельск.

Я отказалась от очередной редакционной выпивки. Корректор глядела на меня и улыбалась: «Если человек не пьёт, то он или болен, или уж не знаю и чего...»

Она в эту минуту выглядела именно так: «... не знаю уж и чего».

Наташа дважды обрадовала: премию по-прежнему начисляют, и нам увеличили зарплату на пятьдесят процентов. Это увеличение мы должны были получить с марта прошлого года, а на дворе сентябрь.

Лучше поздно, чем никогда.

ПРОСТИ МЕНЯ, ГОСПОДИ

Наш профсоюзник уже два раза справлялся о моем самочувствии, но стоило мне заикнуться что батареи не греют, как он тут же испарился. Спасибо, машинистка надоумила: надо спустить воду этажом ниже, в типографии.

Первый день просидела на работе только до пятнадцати. Паша привычно отсутствовал, Мадам и Валера привычно пахали редакционную ниву.

Господи, прости меня, что я так хорошо живу: получаю зарплату ежемесячно (многие бюджетники не видели полочки с лета).

Прости меня, Господи, и не наказывай в дальнейшем.

КОВЫРЯЕМСЯ В НОСУ

Наташа: «Журналисты Красноборского района давно получают по тысяче!» Я охотно поддержала разговор: «Если бы у нас было четыре корреспондента вместо шести и все количественно пахали на уровне Мадам, мы бы тоже получали!»

Редактор опять за дисциплиной «выскочила»: «Много пустых хождений. Зашла в один кабинет – нет никого, в другой...» Мадам перебила: «А если сделана норма строк?» Редактор мгновенно расплатилась: «Нечего делать – сидите на месте и ковыряйтесь в носу!»

Вот и газета у нас получается ковыряшкина-замарашкина.

УКРАИНЦЫ ЗЛЕЕ ВСЕХ, ЧТО ЛИ?

Странно: кто бы ни говорил об участии украинцев в Отечественной на стороне Германии, все подчеркивают какую-то особую жесткость этой нации. Это при певучей-то украинской мове!

В интервью Богуслава Шнайдера, чешского писателя и журналиста, с американским писателем Куртом Воннегутом о романе «Бойня № 5 или Крестовый поход детей» – Курт Воннегут: «...Нас сопровождали на работу эсэсовцы – выходцы с Украины, они были настоящими мерзавцами, подлыми сукиными детьми, у меня до сих пор сложное отношение к Украине».

Россиян тоже не похвалишь. В интервью с другим американским писателем о его романе «Поправка–22» – автор «Поправки» Джозеф Хеллер: «Россия опубликовала книгу без моего разрешения через восемь–десять лет после ее выхода, назвали «Уловка–22» в 1967. Потом я наткнулся на маленькую заметку в журнале, где обсуждалось качество перевода «Поправки» на грузинский язык... Да еще пришло письмо от профессора–слависта, который спрашивал, согласен ли я с изменениями, произведенными в русском переводе книги. Я поинтересовался, о каких изменениях идет речь, но ответа не получил».

НАПРОСИЛАСЬ

На гонорар за сентябрь денег не осталось.

Лучше не мозолить глаза начальству. Устала голова. Могла бы спокойно проскочить до центра и обратно, нет – пошла к редактору отпрашиваться. Она: «Хорошо, но попутно соберите подписи. Я много собрала. Вам один листочек дам. Всего пятнадцать подписей!»

Такое могло придти в голову только нашей птичке–летунье. Человек жалуется на головную боль, а она дает ему страшную психологическую нагрузку. Да и ходить пришлось по следам коллег. По администрации редактор прогулялась. В больничке Наташа побывала. Мне пришлось уповодками бегать с листочком несколько дней. В листочке: «Мы, нижеподписавшиеся, поддерживаем кандидатом в депутаты Госдумы по одномандатному № 60 Котласскому округу Б.В. Л., родившегося в феврале 1944 года, работающего председателем Союза журналистов России, проживающего в г. Москве».

ОБЯЗАТЕЛЬНО В КАРМАН НАКЛАДЕМ

По радио передача о нравственном облике Н. И. Рыжкова: «Николай Иванович участвовал, начиная с 1965 года...» далее перечисляются все «гадки» верховного правительства, в которых Н. И., естественно, участвовал. От неучастия были избавлены только нерожденные ребятишки. Садиковцы уже как–то участвовали.

Есть по этому поводу хорошая бывальщина. Воспитательница хотела показать на открытом занятии, как дети любят и знают Ленина. Чтобы помочь детям, напоминала: «А кто это у нас такой добрый, ласковый и нежный, и ребяток любит...»

Ребятки только что на прогулке толпились около клеток с кроликами, о которых воспитательница говорила почти примерные слова, поэтому они дружно социалистическим хором выдали: «Это кролик!»

МУЖИКИ

Посмотрела фильм «Мужики!» Силен, но несколько опереточен, напоминает «Свадьбу в Малиновке».

Хороший ли фильм? Лет двадцать тому назад ответила бы утвердительно, не задумываясь. Понравилась работа оператора.

РОДНЯ В ЗООПАРКЕ ПРЫГАЕТ

Секретарь: «Нет ли чего–нибудь на первую полосу?» Все, что я ему отдала, можно поставить на первую. Он опять прикрыл моими малышами «места» на развороте. Так в редакции нас полно – пусть кто–то даст новые малышки на первую. Оказалось, что давать–то и некому. Мадам куда–то исчезла. Это – диво–дивное. Паша привычно гудел. Валера – где–то в том же направлении. Наташа занята компьютером...

Паша пришел на работу опять страшно виноватый. Сколь же все это надоело, до безгливости. С горя отпрашиваюсь у редактора на фильм «Мужики!» Редактор

шокирована, но отказать не посмела: «Вы всегда мне такие просьбы выдаете!»

Наташа сказала, что Валера ведет кружок юных журналистов в Доме творчества, подчеркнув: «Чему он может научить?» Валера, если верить редактору, сказал примерное же про Наташу и Оксану. Положа руку на сердце, самым лучшим учителем ребятишек в данном случае могла бы быть Мадам, но уж больно она сладко поет чужим людям. У детишек от ее медовости все знания слипнутся.

Наташа вскоре же и успокоила меня: Валеру собираются прогнать с тех «курсов». Взяли потому, что в ДТ работает его родственница. Сплошной бедлам на белом свете. Радуйтесь, детки, что у вашей работницы родня не в зоопарке по клеткам прыгает.

Наташа усердно макетирует молодежную страницу, а секретарь пьян с утра.

ОБИДЕЛА ПАШУ

Сегодня я дважды обидела Пашу. Он почти ничего не пишет. Если и появится в редакции, то начинает стучать на машинке свои вирши. Сказала:

– Паша, ты, пожалуйста, печатай стихи дома!

Смутился и убрал папку.

– Я пойду, все равно не работается!

– А когда тебе работалось?

– Да писал же!

– Полно, какая это работа: один–два материала в месяц. Вот отсутствие Мадам вскоре почувствуем, если еще недельку не явится.

АНАТОМИЯ ЖЕНЩИНЫ

Посмотрела три номера журнала «Аврора». Упаси и оборони, Господи! Интересно, каким видится этот журнал подлинным ленинградским интеллигентам?

Вероятно, вскоре в каждом российском журнале станут открытым текстом называть половые органы. Здесь удостоились чести быть названными женские половые органы исполнительным директором журнала.

Журнал какой–то глуповатый: будто газета «Пионерская правда», но в кривом зеркале. Воспоминания Феликса Юсупова, который был в числе тех, кто убил пресловутого Распутина – нормальные. Больше ничего. Об исторических и литературоведческих вещах не сужу: это интересно малому кругу лиц.

РЕВОЛЮЦИИ БЫВАЮТ РАЗНЫЕ

В городке вспышка сифилиса. Кивают на приезжих торговцев.

В редакции своя революция. Секретарь пьет тридцать лет, а сегодня ему впервые подали приказ, где сказано: предупреждается последний раз, еще раз нарушит дисциплину – будет уволен. Расписался секретарь на своем приговоре и напомнил: «Пашка–то постоянно нарушает дисциплину тоже!»

Редактор обещала заняться и Пашей.

Мы готовим материал о детях, падающих в школе в голодные обмороки. Это – ребятишки пьющих или малообеспеченных родителей. Настроение нулевое. Мы с Наташей беседуем, редактор заглянула и – ходу. Хотела, значит, видеть Пашу, который задержался. Могла бы и с нами поздороваться.

Слава богу, что есть запас строчек, иначе после такого «подлета» редактора на душе неприятный осадок весь день. Что–нибудь стоящее сотворить невозможно. Паша явился в десять. Судя по его словам, отношение к начинающим литераторам на семинаре молодых писателей в Архангельске было еще хуже, чем на совещании женщин–литераторов Северо–Запада в Вологде в сентябре 1990 года.

Паша меня поразил: мечтал, что на этом совещании ему дадут рекомендацию в Союз писателей. Бедный Паша, или бедная Архангельская область: в Вологде таких пишущих паш пруд–пруди.

ПРИВЫЧНЫЙ СУМБУР

Вчера на планерке опять был сумбур. Валеру лишили премии, хотя строчек у нас с ним почти одинаково не хватает до нормы. Про его запас не знаю, но у меня лежит добрый десяток материалов. Поэтому слушала экзерсисы Мадам спокойно.

Мадам от природы заряжена на жалость к мужчинам. Наташу ела поедом весь год. О Паше, тоже весь год работавшем в свободном режиме, только слегка заикалась. А тут разошлась: «У Н. П. тоже норма строк не выполнена. Понимаю, Н. П., что у вас есть запас, но ведь меня все равно лишили бы премии даже с запасом строк, почему же вас не лишили?»

Редактор:

– Н. П. всегда работает, к тому же у нее всегда есть качество материалов, а В. В. не было в четырех номерах!

Секретарь:

– Н. П. вышла из отпуска, надо же было человеку войти в ритм!

В итоге редактор и Мадам опять облили друг друга словесными помоями.

После планерки Мадам пришла к нам в кабинет для продолжения:

– К вам, Н. П., у меня нет ничего, но ведь меня в таких даже условиях лишали премии...»

Ау, пенсия!

КОЛЛЕКТИВНАЯ ЛУЖА

В газете прошло отличное обращение следователей на тему дня: задержки зарплаты, нехватки бензина, а потому и отставания в раскрытиях преступлений.

Материал готовила Наташа, но редактор сделала комментарий, в котором сплошная предвзятость с открытыми издевками в адрес не любимых ею правоохранительных органов.

В заметке следователей была такая строчка: «... вынуждены пойти на иные меры». На этой «ступеньке» и отвела редактор свою игривую душеньку: «Что это за меры? Чем нас так страшат?»

У следователей совсем иная «кормушка», потому все рассуждения о том, что «такие суммищи были отпущены на содержание милиции районной администрацией» – стали привычным для редактора пустым трепом. Мы–то нашего редактора знаем, но как читали этот комментарий умные следователи?

Так вот, мы молча и стыдливо прочли комментарий редактора, посудачив в кулуарах, а наша принципиальная Мадам сказала редактору на планерке: «Как вы посмели написать «от редакции»? Вы просто спрятались за эти слова. Я абсолютно не согласна с вашим мнением!»

Дальше все пошло по известному сценарию: где было трудно разделить, кто из двух говорящих прав, а кто виноват. И все–таки Мадам только стояла у лужи, в которой сидел весь наш коллектив.

ГДЕ ЖЕ СВЕТ В КОНЦЕ ТУННЕЛЯ?

Что творится в этом лучшем из миров? Только что прошло в газете обращение следователей, а сегодня пришел к Наташе заместитель начальника РОВД. Ему «в узком кругу» сказали: «Это ты, что ли, лучший человек?»

В тексте обращения следователей была такая фраза: «Лучшие люди уходят в другие организации». В итоге нашей беседы с зам. начальника РОВД нам стала известна еще одна тайна местного масштаба: наш глава, в бытность директором крупного в районе леспромхоза, в пьяном виде сбил машиной человека. Гот умер. Когда наш собеседник стал заводить на бывшего директора дело, ему позвонили из области: «Хочешь с работы полететь?»

А я сегодня дала глупый бой Паше, сказав при Наташе: «Вон Паша строк не дает, пьет, прогуливает, – отчего же Мадам не бегают по кабинетам, чтобы обсудить Пашу?»

Паша взбеленился и накричал.

После ухода Наташи сказала:

– Не смей повышать на меня голос!

– Я и так вас давно избегаю, почти не сижу в кабинете!

– Кого же ты избегал до моего к тебе прихода, если по коридору то и дело кричали: «Где Пашка? Где этот лодырь? Не видели Пашку?»

– Вы следили за мной?

– Я могу сказать что-то лишнее, но чтобы следить за тобой – это будет тебе много чести!

Паша убежал. Пришла расстроенная Наташа: «Пашка ищет себе кабинет в редакции».

Меня не назовешь хранительницей редакционного очага, но в этот момент вспомнился мне следователь с его полудетским призывом к нашему коллективу: «Если редакция не согласна с мнением редактора, то напишите опровержение!»

Наташа улыбнулась, передавая мне просьбу следователя: «Такой взрослый и умный человек, а такое говорит!» Наверное, потому и говорит, что в душе живет еще надежда: если у них в милиции творится бедлам, то у редакции – то непременно есть свет в конце туннеля.

ЛИШНИЕ ЛЮДИ

Слава богу, завтра еду в командировку. Вернулась к прежнему: продолжался бум о премии Валеры. Сюда же Мадам прибавила требование: непременно поместить в газете ее заметку о гибели двух парней в Чечне.

Один там служил. Вернулся и погиб где-то под Череповцом. Говорят, молодой человек был пьян, и его порезали чеченцы.

Рассказ о нем Мадам завершила в общепринятом духе: смерть ходила за ним по пятам в Чечне и настигла в мирной обстановке. Дальше идет многоточие, поскольку молодой солдат «успел перед смертью шепнуть матери о чеченцах».

Второй шел на войну по контракту. И был таков, что местный военкомат не дал ему даже направления. Контрактнику было за тридцать. В Каргопольском районе живут родственники покойного, они поспособствовали «лишнему» в России человеку бог знает за что сложить свою голову в Чечне.

Земля им пухом, но военком просил редактора подождать, пока идет следствие по делу погибшего в Череповце. Редактор вынесла решение о помещении заметки на коллектив. Валера поддержал военкома, остальные промолчали.

ИНОПЛАНЕТЯНКА

У нас неприятности: пятьдесят процентов к зарплате отменены. Если заработок будет меньше, чем требуется для начисления пенсии, придется искать приработок.

Сегодня утром меня любезнейше пригласила редактор: «Н. П., если у вас есть время...» Она битый час передавала мне тот шурум-бурум, который без меня протекал в редакции. И, умная женщина, несколько раз глуповато вопрошала: «Не знаю, для чего я вас и пригласила?»

Редактор привычно преувеличила децибелы шума, но сама, как позднее скажет Наташа, опять дико кричала на Мадам. Интересно, как это Мадам выдерживает такую нагрузку: ежедневно что-нибудь в ком-нибудь заводит, потом принимает ответные удары на себя. Может, Мадам инопланетянка?

Беседуя со мной, редактор сказала как бы между делом: «Пашка как был лодырем, так лодырем и остался! Может, вам лучше сесть к Наташе? если вы его не переносите, то это очень тяжело!» Я ответила, что мне все равно, где будет сидеть Паша, а я никуда не уйду.

Коллектив в лице машинистки следил за нашей беседой с редактором, она принесла

какую-то ерундистику редактору и так оглянула меня, что мог бы озноб прошибить.

А Паша слабак. Сказал редактору, что я кричала при нем: «Господи, ну что за свиньи кругом!» Ибо редактор прежде всего подчеркнула: «Я вас, Н. П., предупреждала еще в первый ваш приезд, что у меня в редакции сволочной народ, дуrolомы...»

После моей беседы с редактором Паша сидел в кабинете как на иголках, что-то шедевил, вскакивал, убегал, прибежал. Ждал, что я завяжу с ним разговор о доносительстве.

Когда его прыжки-выбежки надоели, сказала: «Не хлопай дверями!» Промолчал. Двери стал закрывать неслышно.

Наташа сделала вполне приличный материал с замначем РОВД, а я там же сделала несколько почеркашек. Пишет Наташа все еще очень неровно. Возможно, это ее судьба.

На планерке редактор попросила назвать корреспондентов, материалы которых переходят на следующий месяц. Секретарь слегка поклонился только в мою сторону.

Самый интересный момент нашего разговора с редактором: Валера обещал пойти в суд из-за лишенной премии. Редактор: «Он пойдет и выиграет процесс, но тогда я стану ставить ему в строку каждое лыко. Уволить его не могу, потому что он теперь профсоюзный лидер. Засмеялась: «Пусть выигрывает, деньги не из моего кармана!»

Наш редактор уж точно инопланетянка.

Особого повода для беседы со мной у редактора не было. Не для того же она меня приглашала, чтобы сказать: «Мне стыдно перед вами, когда у нас идут разборки!»

Тут же испугалась высоты, на которую меня вознесла было: «Ну, не стыдно, а... Неловко!» – подсказала бедной женщине. Теперь мое великодушие будет многократно «оплачено» редакторским хамством. А пока что сотрудники убедились: редактор со мной «поработала», понять дала, чтобы я не задевала Пашу, который лодырь и т. д.

Редактор опять напугала сокращением периодичности газеты, за которым последует сокращение кадров. Последними пришли мы с Оксаной. Я спокойно уйду на пенсию, но как тогда редактор «сохранит» Пашу: кто станет за него пахать при малой численности... Валера себя не обрабатывает, девочки тоже. Одна Мадам быстро опристанет.

С КОНЦА ПЕРВЫЕ

Опять наша газета открыла Америку – у людей четвертое ноября и суббота, а у нас вторник. Да-с, вот так-с мы и пляшем.

РЕДАКТОРСКИЙ СВИСТ

Перед отпуском дала редактору взглянуть копии всех моих шедевров. В глубине души теплилась мысленка: вдруг предложит издать книжку при компьютерном наборе...

Ха-ха-ха, даже для газеты не сочла нужным взять! Все свела на Валеру: «Увидел папку и сказал: «Это моя папка? Ах, это папка Н. П.! Вы собираетесь ее печатать, а мои рассказы не печатаете!»

На Валеру это похоже, но более того похоже на привычный для нас редакторский свист. За какую ниточку ее монолога ни потяни – сплошной свист получается. Сказала мне, что Мадам и Валера ходят к ней каждое утро и стучат на всех. Убеждая не верящую в подлость коллег Н. П., выразительно постучала костяшками пальцев по столу.

И в стукачество Валеры верить не хочется, а Мадам и стучать нечего: она на планерке столько каждому выдает, что ни одна нервная система не выдерживает.

Один раз с этим «стуком» я обожглась. Редактор мне сказала, что машинистка и корректор жаловались: «Надоело слушать, как Мадам говорит про Н. П. гадости». Машинистку не стала спрашивать – она редактором обласкана, высокий разряд имеет, получает за кассу, отваливаются крохи от того, что редактор на себя тащит. Я готовила страницу с коммерсантом из Ш. Мне заплатили сорок, коммерсант отвалил четыреста. В отчетах бухгалтера этой суммы не было.

Корректор удивилась моему вопросу и наотрез отказалась «клепать» на Мадам. Свист

редактора при нашей с ней беседе был бесконечен. Не постеснялась заявить, что сидит на работе с семи утра. Я невольно опустила глаза: не было еще случая, чтобы она пришла хоть к девяти. Оказывается, ее основная работа начинается после работы...

Аминь, и будь! Таких работающих редакторов мне пока встречать не приходилось, но газеты все были лучше нашей замарашки.

Пожалуй, нашему редактору нужен настоящий психолог: мне непосильно разложить ее выкрутасы и собрать в одно целое. Кроме нее, не чувствую психологически только Оксану и корректора. Все остальные, слава богу, почти всегда просвечивают.

ДЕНЬ ВОСЬМОЕ НОЯБРЯ

Что ни говори, но неловко идти на работу в день, который почти сорок трудовых лет был праздником.

Паша, «искавший себе кабинет в редакции», зашел и поздравил с праздником. Поблагодарила, но его не смогла поздравить. Мелко? Да, – не люблю лодырей. Грешна.

Радость в Архангельске. Секретарь «сходил за газетами» с утра. Купил дешево и подходяще – настроение у него отличное. Всем остальным тоже хорошо. Строки идут с плюсом. Запаса хватает. С разрешения ответсека испарилась раненько.

Бытие определяет сознание: прошлый год я нервничала, когда уезжала редактор, а в редакции каждый сам собой командовал. Посматривала свысока на Мадам, а Наташе прямо говорила: «Как ты можешь радоваться отъезду редактора, если у нас выходит серая газета?!» Теперь убедилась: газета у нас в любом случае серая, но жить без редактора много спокойнее.

БЕДНЫЙ ПАША

Паша нервничает: ему хочется поговорить со мной о стихах Людмилы Дербиной, которая «удушила» Рубцова. Делаю вид, что не замечаю его потуг. Знаю – равнозначного собеседника по этой теме в нашем городе для Паши нет.

Паша приехал с обеда и опять схватился за книжечку стихов Дербиной:

– Здорово пишет Людмила!

Промолчала: говорить с Пашей на литературные темы неинтересно: речь неразвита, знаний того меньше, но, если что-то скажешь не в его параллели, то мгновенно начинает психовать.

По беседе с человеком, умеющим говорить и знающим хоть что-нибудь в мире литературы кроме школьного курса, я соскучилась. Временами хоть на луну подвывай. Наши женщины, дай им бог добра и здоровья, пересказывают только новости купли-продажи и телеэкрана. Без этого не проживешь, но жить только с этим... бр-р-р.

ЗАМЕТКИ ПО КОМАНДИРОВКЕ

Как встречают теперь корреспондента в глубинке и вообще. О-о-очень интересно! Особенно в глубинке, где приездом «начальства» не избалованы. Умный и тактичный человек – по-прежнему разумно, приветливо, с уважением. Вульгарис раньше унижительно пресмыкались. Теперь, если не могут сделать что-то более существенное и гадкое в этом плане, то непременно хамят хоть словом, не могут словом – хамят интонацией.

МАШЕМ КУЛАКАМИ ПОСЛЕ ДЕЛА

На первой полосе газеты четко проступает гадость дня сегодняшнего. Моя информация о празднике в детском саду поселка Ш. поставлена впереди информашечки о митинге коммунистов. Раньше бы за такое самоуправство – партбилет на стол. Сегодня это тоже не очень умно смотрится.

Подметила только местоположение заметок, Наташа пошла дальше: подчеркнула несусветную глупость в информации Валеры – перечислены фамилии пяти ветеранов, и

только один рабочий птицефабрики. Проще и грамотнее было бы назвать всех выступавших на митинге горожанами.

Наташа могла бы пойти далеко за пределы районки...

Господи, прости меня, что я такая счастливая: квартира отличная, хорошо работает, вот только на втором этаже слишком часто плачет ребенок. Идти туда неприлично, а слушать тяжело.

Сегодня немного неприлично быть такой счастливой, но синички, прилетающие за семечками, – изумительны. Удалось подметить, что они похожи на... котов или кошек. Сидят две синички на краях маленькой коробки. Одна другой уступить очередь схватить семечко не желают. Обе страшно рас-ще-пе-ри-ли клювики и так забавно шипят друг на дружку.

Синички милы и страшно беззащитны. Деревья под окном сказочно красивы. Какие такие вести привезет наш редактор из Архангельска? Пока что второй год привозит одни обещания.

СИЖУ В ЛУЖЕ

Завтра ранехонько иду к пригородному поезду. Глава администрации из Ш. желает прочесть до публикации в газете нашу с ней беседу...

Все-таки эта глава, мягко говоря, – классная дама: более получаса изучала четыре страницы печатного текста. Учила меня, как первоклашку, но в одном случае действительно посадила в лужу. Я умудрилась перепутать: двое суток, но двоим сутки.

После встречи с главой работала до обеда дома. Прибываю в редакцию, а там... редактор с утра на работе. Все слегка в шоке: не ожидали правительницы, тем уж более за пять минут до начала работы.

Вычитывала материалы, а у самой кошки скребли на душе: как оправдываться, если призовут «на ковер».

Призвали только Пашу.

Ответсек в обед был откровенно пьян. Большой сбор будет в понедельник. То ли редактор опять ездил проветриться, то ли думает, как подать узnanное.

Господи, прости мой рабский ропот, но неужели так трудно было собрать на десять минут в пятницу, не томить до понедельника?

В редакцию привезли по дешевке яичек. Птицефабрика закрывается. На пенсию-то выйду, а кто станет платить эти пенсии моим ровесникам, интересно, было ли когда-нибудь на земле счастливое поколение? Ровесники Отчественной в этом ряду – крайние. Детство и юность – на грани нищеты, взросление – открытая благородная нищета, а под старость – даже страшно стало. Не дай бог, если этот последний год перед пенсией останется одним и лучших в моей дальнейшей жизни, а часть здоровья еще приходится тратить на лодырей и алкоголиков.

Прости меня, Господи. Как хорошо, что в папке секретаря материалов почти на месяц вперед. Редактор сегодня вызывала Наташу в кабинет, и Наташа тоже не могла понять причины вызова.

ПЕРСОНА ГРАТА

Наш новый водитель за полгода стал персоной грата. Первые дни здоровался еще с конца коридора. Теперь спасибо, если просто кивнет поверх затылка на... котов или кошек. Сидят две синички на краях маленькой коробки. Одна другой уступить очередь схватить семечко не желают. Обе страшно рас-ще-пе-ри-ли клювики и так забавно шипят друг на дружку.

Синички милы и страшно беззащитны. Деревья под окном сказочно красивы. Какие такие вести привезет наш редактор из Архангельска? Пока что второй год привозит одни обещания.

СИЖУ В ЛУЖЕ

Завтра ранехонько иду к пригородному поезду. Глава администрации из Ш. желает прочесть до публикации в газете нашу с ней беседу...

Все–таки эта глава, мягко говоря, – классная дама: более получаса изучала четыре страницы печатного текста. Учила меня, как первоклашку, но в одном случае действительно посадила в лужу. Я умудрилась перепутать: двое суток, но двоим сутки.

После встречи с главой работала до обеда дома. Прибываю в редакцию, а там... редактор с утра на работе. Все слегка в шоке: не ожидали правительницы, тем уж более за пять минут до начала работы.

Вычитывала материалы, а у самой кошки скребли на душе: как оправдываться, если призовут «на ковер».

Призвали только Пашу.

Ответсек в обед был откровенно пьян. Большой сбор будет в понедельник. То ли редактор опять ездил проветриться, то ли думает, как подать узнанное.

Господи, прости мой рабский ропот, но неужели так трудно было собрать на десять минут в пятницу, не томить до понедельника?

В редакцию привезли по дешевке яичек. Птицефабрика закрывается. На пенсию–то выйду, а кто станет платить эти пенсии моим ровесникам, интересно, было ли когда–нибудь на земле счастливое поколение? Ровесники Отечественной в этом ряду – крайние. Детство и юность – на грани нищеты, взросление – открытая благородная нищета, а под старость – даже страшно стало. Не дай бог, если этот последний год перед пенсией останется одним и лучших в моей дальнейшей жизни, а часть здоровья еще приходится тратить на лодырей и алкоголиков.

Прости меня, Господи. Как хорошо, что в папке секретаря материалов почти на месяц вперед. Редактор сегодня вызывала Наташу в кабинет, и Наташа тоже не могла понять причины вызова.

ПЕРСОНА НОН ГРАТА

Наш новый водитель за полгода стал персоной грата. Первые дни здоровался еще с конца коридора. Теперь спасибо, если просто кивнет поверх затылка.

БАБУЛИН СЫНОК ЛЮБИТ ЧИСТОТУ

К бабуле приходил сынок, старый или просто сильно потасканный алкоголик. Нагрузил у матери сумку с продуктами, а бабуля после его ухода гордо так сообщает:

– Вот уж тоже чистоту любит, только из–за этого и скандалит с невесткою!

Детки бабули каждый раз что–нибудь напотрошат – прошлый раз спички с газовой плиты кто–то прихватил. Выбросили тряпку для мытья посуды. Зато бытового мусора каждый раз оставляют в изобилии. Сегодня было и совсем весело: чистоплотный алкоголик взял и вылил собственные помои в мое помомытное ведро.

ВСЕ ЖЕЛАНИЯ ИСПОЛНЯЮТСЯ

Понедельник день тяжелый, а наша редакция вообще походила на развороченный муравейник: редактор укатила в отпуск... на неделю. Ахам и охам не было конца. Меня хватало только на то, чтобы брезгливо помалкивать. Вдобавок нам впервые не выдали гонорар и не сочли нужным сообщить о задержке.

После обеда стало полегче, и мы с Наташей хорошо посмеялись. На днях я просила Наташу: «Намекни редактору, что ей пора отдохнуть. Пусть возьмет отпуск, хоть поживем без нее спокойно!»

Наше желание исполнилось, так чего же горевать!

ХЛАМЬЕ НЕПОТРЕБНОЕ

Наша бабуля сегодня «проснулась»:

– Где кусок линолеума, который вчера в углу лежал?
– Про вчера не знаю, – не видела. Летом мы с Сережей два или три обрывка выбросили.

– Почему меня не спросили?

– Спрашивали. Вы сказали, что это хламье непотребное прежняя хозяйка оставила.

– Дура стала. Сама разрешила, и не помню ничего!

Помнит. Скорее всего пришла от деток «вздернутая нервами», а разрядиться решила на нас с Сережей.

Какое счастье, что я не у нее снимаю комнату.

ОХ, РОССИЯНЕ!

Пришла утром, а техничка метет в нашем кабинете. Попросила прекратить: веник сухой, а форточки закрыты. Не хватало еще в пыли задышаться.

Молодая женщина молча подчинилась, но все равно пары выпустила около нашего чайно-винного стола. Там привычный бедлам – остатки от капустника. Даже чашки с пятнами губной помады по-прежнему на нас бесстыдно пялятся.

Техничка шваркнула тряпкой по столу. Боюсь, что ее гигиеничность не выше половой, и только тут открыто психанула:

– Надоело давно все!

Я рассмеялась:

– Что вы хотите, таковы россияне!

Техничка поуспокоилась. У нее и в мыслях нет, что она сама – что ни на есть полнокровный россиянин. Сможет ли немка или француженка мести пол в присутствии сотрудников? Хочется верить, что не сможет. Иначе как бы могли улицы, к примеру, в Чехословакии, быть чище наших квартир. Об этом и многом другом поведали наши ветераны, освобождавшие от немцев Чехословакию и отдохавшие по приглашению чехов в санатории Карловых Вар. Еще и денежек немного получившие, и заграничные паспорта на пять лет.

Дай им Бог прожить гораздо дольше!

Соседка по дому пригласила поговорить по личному делу. Ох, старость – не радость! Ох, россияне! Сначала сделают, а потом думать начинают! О себе надо это сказать в первую очередь: из шести районных газет не смогла выбрать более приличной.

Соседка задала в газету вопросы директору банка, главе администрации, но поставила подпись другой соседки, которая лежит в больнице. Проще бы поставить вымышленную фамилию.

Ездил в М. В деревнях уж больно грязно живут. В двух квартирах деревни сплошь ковры и паласы, но запах и беспорядок, как на худой свиноферме. Сколь же чисто было в деревнях моего детства! Правда, в доме ничего лишнего не было: кровать, стол и лавки, да еще гвоздики на стенах для одежды да под потолком – жердочки для белья. Полы ежедневно мелись, половики тряслись.

Едва ли эти паласы и ковры трясутся хотя бы раз в неделю. Пожалуй, до приезда деток грязь и пыль собирают. Как тут не быть запахам, если в доме две-три кошки и собачонок не меньше, да муж-пьяница, да хозяйка любит выпить.

Зато в этой удаленной от большой дороги деревне дома, как в далеком детстве моем – по-прежнему закрываются только на ключку, а то и вовсе просто так стоят. До случая.

Я заходила в два таких домика, где даже палочки у ворот не было. Будь в домике чисто, дождалась бы хозяев, а так – постояла, вспомнила детство и пошла дальше.

НОЖКИ И РУЧКИ БЕЛОРУЧЕК

Веяние времени трудного: жена директора АО (совхоза в прошлом), сельский врач, в сорок пять впервые села под корову. Иначе, подчеркнул директор, не прожить. Дочь учится в Архангельске, снимая частную квартиру, платят до трехсот в месяц.

Нашего водителя я раздражаю из-за Паши, которого назвала лодырем. Возможно, из-за того, что не заискиваю, не прошу свозить куда-нибудь да за чем-нибудь. Иду пешком даже в том случае, если ответсек проявит заботу: «Машина свободна, можете съездить!»

Наташе надо срочно ехать за материалом в милицию. Спросила шофера, а он так высокомерно: «Кому надо ехать-то?» Редактор пообещала Наташе дать машину с обеда, но ни она, не водитель на работе не показались до вечера.

Трудно мне судить занятость редактора: у нее свои заботы, но зачем было и обещать девчонке? Такое у нас происходит сплошь и рядом. Наташе надоело, а я смеюсь: «Не обращай внимания на эту пустую суету. Занимайся воспитанием сына. Все остальное – ерунда. Все станет повторяться и после нас!»

На мой характер – так легче сходить в эту милицию пешком, но у молодых свои представления о жизни. И как знать, чьи вернее.

А КТО У НАС РЕДАКТОР?

Сидим с Наташей и мирно так беседуем. Влетает машинистка. От нее исходит злое электричество. Все ясно: наша мирная беседа для нее просто нож вострый. Машинистке плохо, – значит весь мир должен рядом захлебываться от плача. Мы это уже давно проходили. Зная, что на меня она не посмеет разрядиться, отворачиваюсь к окну.

Через секунды машинистка бьет дверью, что-то прошипев Наташе. Только что умиротворенное лицо Наташи полыхает румянцем обиды. «Что она тебе гулькнула?» – «Наташка, тебе делать нечего?!»

Это первая районка из пяти пройденных мною, где должность машинистки надо писать через дефиску – мол, и редактор – она тож.

В поликлинике, куда я сбегала, сдав материалы по вчерашней командировке, видимо, не чище, чем у нас. Врач-лор, глянув, что я из редакции, была несказанно мила со мною, но при этом несколько раз умудрилась так дернуть по нервам свою помощницу, что вполне соответствовала уровню нашей машинистки-и-редактора-тож.

ЧЕСТЬ И ДЕНЬГИ РЯДОМ

Моя последняя районка – единственная в моей бегучей жизни, где вольно или невольно заботились о норме строк в каждом номере. Конечно, шесть-восемь десятков премии – деньги не лишние, но сознание того, что меня станут склонять на летучках рядом с лодырями, отвращает до брезгливости. Вот и скажи после этого, что честь и деньги несовместимы.

Сказала ответсеку: «Зря вы все-таки поправили мою «полкалитки».

Ответсек в хорошем расположении, сбегал, справился по энциклопедии и, на весь коридор: «Умыли вы меня, Н. П., умыли!»

Господи, как хорошо, что редактора нет. Пусть бы она отдыхала до моего выхода на пенсию! Паша тоже отдыхает. По словам ответсека, взял два дня и давно уж их перегуливает. Газета сделана еще вчера. Запас материалов большой, поэтому сижу, как на иголках: проситься домой с утра тоже неприлично.

ЖАЛЬ, ЧТО МЕСЯЦ ДЛИННЕЕ НЕДЕЛИ

Будь они равновелики, то мой хозяин носил бы меня на руках весь месяц. Получив плату за квартиру, он ошалевает от радости. Через пять минут ко мне обращается: «Н. П., скажите...», «Н. П., куда лучше...» здоровается утром и вечером столько раз, сколько сможем встретиться в коридоре...

Через несколько дней хозяин попросту не замечает меня: деньги истрачены, до других еще жить и жить. Жаль, что месяц длиннее недели. Все-таки приятно жить в атмосфере внимания и обожания.

Четвертый месяц живу в отличной комнате. Один вид из окна способен врачевать усталую душу. Назовем его по аналогии: видотерапия. Бабуля сегодня первый раз вымыла

общественные места. Привычно берусь за субботнюю уборку, она резво вылетает из своей комнатки и голосом своей дочери – и, соответственно, нашей машинистки–редактора–тож – пренебрежительно роняет: «Полы я вымыла, не мой!» Мне с ними весело: с дочкой и с мамой, отвечаю в их же ключе: «Не стану. Только лестница – не мыта, умывалка грязная, раковины тоже!» Могла бы и молча за бабулей прибраться. Беру грех на душу перед богом и старым человеком, но как же тогда бороться с «редакторами», которые на каждом шагу норовят в душу плюнуть? Борюсь на все сто, и бабуля сникает: «Да, раковины я не чистила...» Через секунды начинает пыхтеть над раковиной. Мыло то и дело валится из рук. Молча драю то, чего бабуля не коснулась совсем.

К моему приходу с уборки лестницы бабуля оправилась и привычно занялась критикой: «На нашу лестницу бегают чужие собаки пакостить!» Оно так, и не совсем так: есть и местные собаки, но они отчего–то все курящие. Спасибо, что местные собаки не используют лестницу вместо туалета.

Прости меня, Господи, за то, что я веду разговор про уборку квартиры престарелым человеком. Но ведь бабулю не насилюют. Могла бы не сорить сильно, и за то ей будет спасибо, так нет – ей надо разместить мусор по углам, чтобы завтра заявить на весь дом: «Вчера убиралась в квартире, где живут такие–то молодые люди!»

ПОДАЙТЕ МИЛОСТЫНЮ ЕЙ...

Все еще не дали гонорар за октябрь. Не получили аванс за ноябрь. Страшновато. Занимать – негде. На сберкнижке – ни копейки. Сам бог надоумил запастись крупой, маслом и песком. Но хлеб тоже надо на что-то покупать. Не могу впервые в жизни позволить себе такую роскошь – килограмм яблок или печенья. Синицам едва ли хватит семечек на январь, а что потом, если я приучила их завтракать, обедать и ужинать досыта?

ПРИЗНАК СТАРОСТИ

Последний год постоянно прикусываю язык или щеки. Это примета старости – мышцы что-то провисли. Спасибо маме и природе–матушке, что пока есть, чем кусать.

РАЗЛОЖИ ПО ПОЛОЧКАМ

Я не умею, как наша машинистка, разрядить свое дурное настроение на ком–нибудь, а просто целый день коплю в себе «минусы» – в итоге нервный срыв. Проснулась абсолютно разбитой. Стала проходить вчерашний день: меня никто не обидел, я никого не задела. Пришлось разложить себя по полочкам: что занозило душу первый раз? Корректор сказала: «Наташа ушла в аптеку. Ключ оставила у меня». Какая тут крамола? Ни капли, но меня, оказывается, тихой сапой резануло: Наташа не зашла ко мне, не оставила ключ у меня, как было обычно.

Потом женщины пили чай с остатками шоколада. Этой шоколадкой вчера Паша с мужиками вино закусывали. Женщины хвалили шоколадку, а меня слегка мутило от их слов. Мужики неоднократно выходили в коридор, возвращались. И в нашем кабинете сгустились ароматы перегара и туалетные тож.

Дома вечером снова «горе» – газ опять тухнет, и месяца не горел...

Припомнив все вчерашние минусы, успокоилась. Как, оказывается, иногда легко одолеть душевный разлад.

НОВОСТИ ДНЯ

Машинистка выдала авансом сотню. Половина наших уже получили эту милостыню. Моя очередь после Валеры. Сие особенно приятно: у него на первой полосе огромный материал, где сплошные перевертыши. Беру один абзац: «Дети в таких семьях – сироты. Не случайно появилась на нашей земле школа–интернат, учреждения для несовершеннолетних правонарушителей. Государство старается как–то компенсировать свои ошибки».

Аминь, и будь! О какой компенсации можно вести речь, если сплошь и рядом открываются чуть ли не тюрьмы для дошколят.

В материале есть и абсолютно неисписанные мысли: в безработные идут не потому, что нет работы, а потому, что месяцами не получают зарплату.

Вторая: люди, имеющие приличную зарплату, увольняются с работы по собственному желанию, чтобы поправить свои домашние дела за счет государства, которое станет платить им средний заработок по области – 750 рублей. О таких денежках наши журналисты и не мечтают, а миллионы уходят не бедным, а приспособившимся из-за несовершенства нашего законодательства.

Мне стыдно, но меня сегодня больше всего интересует одно: чтобы моего заработка хватило для начисления приличной пенсии. Да еще чтоб не унижали лишением премии. Поэтому унижаю себя сама: считаю строчки в газете.

НА ГОРЯЧЕЙ СКОВОРОДКЕ

Мы без редактора. У нас побывал главный инженер управления по печати. Он как-то неуловимо напоминает нашего редактора. Чего-то откровенно не знает, в чем-то страшно мелковат. Слишком уж часто, отвечая на вопросы, повторял: «Это отдано на откуп редакторам!»

Для чего же нам тогда держать руководящие кадры в области и столице?

Вопросы в основном задавала Мадам: несправедливое распределение гонорара, премии... Эта бытовая тягомотина – повсюду, но в нашей газете она особенно осязаема.

На одном из вопросов Мадам главинж сел в громадную лужу: сказал, что такие компьютеры, как у нас, через пять лет вообще устареют. И, помолчав, прибавил: «Они в Архангельске практически на помойку выбрасываются, свободно можно купить за ...!»

Лично я просто испугалась: неужели все-таки Мадам права в этой компьютерной войне с редактором?

Но тут себя показала Наташа: «Вы же говорите только о самой коробке, а все, что у нас имеется кроме компьютера, а можно еще и программы менять, а ...!»

Наташа говорила долго, четко, ясно и толково, но для специалистов. После ее монолога главинж утратил начальственность и что-то так невразумительно «дакал» – «неткал», что напоминал только карася на горячей сковородке. Было ясно-понятно, что главинж далек от компьютеризации. Так бы сразу и сказал – мы люди неглупые, поняли бы и зауважали необыкновенно.

ПАРИЖСКИЕ ТАЙНЫ

Машинистка сделала выговор Наташе, поскольку мне не посмела. Оказывается, Паша ездил на трои сутки под Архангельск, где собирались журналисты всей области на норвежско-советский семинар-совещание. Про другие газеты не знаю, но у нас большего лодыря, чем Паша, не найти. Открылась эта очередная «парижская тайна» в разговоре с главинжем. Услышав это, я тогда невольно выдохнула: «Стыд и позор!»

Помню, что машинистка при этих словах вся порозовела. И вот она наговорила Наташе много кой чего про обижаемого мной Пашу, надеясь, что Наташа передаст мне ее эпитеты, и я побегу к ней в кабинет сражаться.

Около обеда заглянула удивительно посвежевшая редактор, и после «Здравствуйте!» тоже задала вечный вопрос: «Где Пашка?» Ответила я не совсем тактично: «Не знаю, где ваш Пашка!»

С той минуты так и бегали оба с секретарем – интересовались Пашкой.

Редактор Наташе: «В Египте хорошо-о-о!» Если не пошутила, то это номер века: газета серая, денег в кассе ни копейки, а редактор «по Египтам» гуляет.

Наташа уточнила: «Возможно, спонсоры!»

Я: «Полно, в ее возрасте и при ее внешности спонсоров уже не бывает. Если спонсоры, то рассчитывать все равно за это спонсорство придется редакции!»

Мне обижаться грешно: авансенок дали, норма строк имеется, запас папку секретаря тяжелит, задумок более того...

ХОД КОНЕМ

В 1990 году, на совещании женщин–литераторов Северо–Запада, просматривая стихи взрослой девушки, вологодский поэт сказал: «Да–а–а, а в семнадцать лет писала таки–и–е стихи!»

Видимо, поэт не солгал: за тринадцать минувших лет вологжане не дали рекомендации в Союз дочери тоже вологодской писательницы. И она сделала «ход конем»: повезла свое чадушко тридцатилетнее на родину, в Архангельск.

И вот местные поэты благословили в Союз писателей вологжанку.

Паша рассказывал об этом вояже с обидою. Его можно было понять: в разрядке Центра «разрешение на выпуск в большой свет» только на трех писателей она заняла место Паши. Союз ничего не приобрел, но и не потерял: поэтические высоты обоих находятся примерно на одном горизонте.

Женщины в этой поэтической семье роковые: в свое время мама забила своей персоной место в Союзе писателей от Вологды другой женской кандидатуре...

НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ

В нашей коммуналке радость: газ опять стал гореть. Бабуля вся в конфузе: пригласила газовиков, приехали сердитые мужики, а опохмелки–то не предполагается. Газ, однако, знай себе полыхает огнем праведным.

Я тоже полыхаю, и тоже в конфузе. Простригая кусок ткани, лежавший на ладошке, здоровенно ткнула кожу на указательном пальце левой руки. Раньше–то застригнуть упругую кожу и специально было бы трудновато.

Еще меня пугает Наташа: она иногда не по–земному и не по возрасту рассудительна, а дальше все сплошные радости идут. Редактор нашумела с премиями. Мадам пожаловалась в профком и премии всем вернули. В чистом виде – только Мадам, потому что секретарь сам вернет – тыча «материалы» внештатника на каждую страницу. Валера самое секретаря в этом деле оказался: пропадает в фотокамерке дни напролет, а в газете идут три–четыре снимка за месяц. Значит, на стороне деньгу зашибает.

Наташа тоже обрадовала: редактор с понедельника опять куда–то улетает. Что ее гоняет по стране? У нее же дочь – подросток, а времена настали смутные.

Возвращение редактора из Египта было фурорным. Она заливисто хохотала на всю редакцию. Вечером устроила показательное чаепитие «для малого круга лиц», но тайн последней поездки в Архангельск даже им не выдала.

Если редактору нравится общество только машинистки, бухгалтера и шофера – это дело ее личное, но как она руководит редакцией – это всех касается. Так было решено и постановлено на задворках редакционной империи, где тушевались такие смутные личности из редакционного коллектива, как Мадам, Валера, корректор, Оксана и я. Замыкающим у отверженных был ответсек.

СИ–ТУ–А–ЦИ–И!

Слухи не подтвердились: редактор на месте, зато Паша исчез до обеда – и секретарь заглядывал до вечера: «Пашки нет?», «Пашка не пришел?» Редактор заглядывала молча, поэтому мы с ней весь день и «не встречались».

В газете постоянно идут материальчики из рубрики «Вопрос–ответ». Строк не дают, но времени у автора отнимают массу. Такие заметушечки у нас готовят все, кроме Паши.

Много думала о чем бог не велел, поэтому вечером прополоскала банку для воды и потепала в комнату. Там одумалась, и опять же потелепала в кухню за водою: все при деле. С горя села перед зеркалом и совсем расстроилась. Лет пять назад едва ли могла достать языком до вершины щеки. Сегодня заметила: мой язык гуляет на моем лице чуть

не от уха до уха.

Что-то теряем, а что-то находим.

БРАТЬ ЧУЖОЕ ПОКА НЕ УМЕЕМ

Впереди меня, судя по синхронности движений, идут муж с женой. Судя по одежке – деревенские. Впереди на земле что-то лежало: то ли платок, то ли шапочка спортивная.

Женщина нагнулась, на ходу подхватила чью-то потерю и спрятала в ладошках. Потом встряхнула, оглянулась и опять укрыла в ладонях, потом снова встряхнула...

Я отвернулась. Трясла находку за женщину ее совесть, еще непривычная просто так брать чужое. Вскоре научится.

ВРЕМЕНА ВОРОВСКИЕ И СМУТНЫЕ

Лет пять тому назад не нравилось, что лоджии Вологды испорчены разномастными застекленными рамами. Сегодня открытая лоджия в сумраке утренней улицы райцентра показалась мне какой-то беззащитной сироткой.

То ли еще нас ожидает...

ДЕНЕЖНЫЕ ЛЮДИ

17 декабря станем выбирать депутатов в Госдуму. В кабинете редактора сидят «денежные люди» – пришли заключить договор о помещении в газете платных выборных материалов. У нашего редактора опять не в шубе рукав: побежала звонить в другие редакции, чтобы справиться о суммах, которые можно содрать с «денежных мешков».

Наш Валера, если верить редактору, опять начудил: дюкнул богатым благодетелям, что он является замредактора. Они, закончив дела с редактором, заставили перегруженного мыслями редактора мгновенно развеселиться, спросив: «А где можно побеседовать с вашим замом?»

Вся эта шумиха с богатыми дядьками, мягко говоря, отвратительна. Кладем страшные суммищи на выборы новых «котов в мешке», чтобы они попутно отстегнули нам что-нибудь на пропитание...

Пришла Наташа и сказала, что благодаря мне много спокойнее смотрит на этот отвратительный и прекрасный мир, много проще воспринимает все редакционные гадкости вообще.

Наташа заставила непонятно отчего подумать: за границей абсолютно не встречаются глупые руководители. У нас были абсолютно все против назначения этого редактора, но коллективу удосужил глава районной администрации. Архангельск тоже не счел нужным вникать в отношения в коллективе. Секретарь мне с обидой сказал: «Она даже не прошла все ступени, необходимые редактору, не работала секретарем!»

СКОЛЬ СУЖЕН МИР

Наташа передавала телеинтервью с Майей Плисецкой. Когда произнесла вопрос собеседника Майи, то у меня мгновенно был готов ответ на него. Потом Наташа сообщала ответ Плисецкой, и мы открыто веселились: мой ответ в общих чертах совпадал с ответом Майи.

Поскольку я не могу поставить себя по уровню развития рядом со всемирно известной балериной, то итог подвожу один: мир предельно ограничен, если звезда мирового балета и безвестная корреспондентка районной газетенки мыслят «в общем и целом» на одном уровне.

МЫ ТАК ЛЮБИМ РЕВОЛЮЦИИ!

Вчера был слух: приедет депутат от журналистов, главный журналист России. Его доверенное лицо по нашему району – тоже бывший журналист, который обозвал нашу районку «бульварным листком».

И вот какую «революцию» я хотела сделать сначала, если бы спросили мнение наших журналистов о доверенном лице возможного депутата Госдумы: «Доверенное лицо не пользуется уважением в районе. Отчего это депутата журналистов станет представлять пенсионер? Он так и представит!»

Утром мое выступление заметно побледнело: «Хотелось бы видеть доверенное лицо среди работающих журналистов». Приготовила и кандидатуры: Мадам и Наташу.

Мадам была бы незаменима в поездках по деревням, где ее все еще помнят, а Наташа – в городе. Вместе они тоже смотрелись бы: тяжеловесная Мадам, способная свернуть с дороги танк, и Наташа, способная шуткой уничтожить любой танк.

Да вот беда: в коридорах власти иные коленкоры ткуются.

Все–таки неплохой человек погиб в ответсеке. У нас параллельный телефон. Я не беру трубку, потому что больше всего звонят Паше или ответсеку.

И вот опять маленькая революция: до меня все время кричали через коридор, а теперь, если мне кто–то позвонит, секретарь каждый раз подойдет к нашим дверям: «Вас, Н. П.»

ОПЯТЬ ВОЙНА НА БЕЛОМ СВЕТЕ

Редактор укатила в Архангельск, впервые не сообщив коллективу цели поездки. Значит, – опять на суд. Она проиграла уже два. Все было до меня.

Судилась с Мадам и с молодой женщиной, инженером–кораблестроителем.

Редактор с первого дня дала кораблестроителю двенадцатый разряд, не зная способностей женщины к журналистике, о которых Наташа мне сказала: «Нормально писала».

В редакции сразу пошла война, поднятая Мадам, имевшей на два трудовых разряда меньше. Потом Мадам и кораблестроитель подружились, но это привело к тому, что редактор теперь уж пыталась урезать права кораблестроителя, которая скрыла от начальницы большую беременность.

И Мадам, и кораблестроитель свои права отстаивали. Вот и верь после этого крикунам, что наше государство не правовое.

ВСЕ ИДЕТ ПО–ПРЕЖНЕМУ

И опять редактор судится, а мы воюем, в зачинщиках у нас Мадам. Она сказала бухгалтеру: «Не выдадите гонорара, пойду в суд!» И после этого заявления утренний чай в нашем кабинете прошел в разговорах весьма взбудораженных. В заключение машинистка тоном приказа бухгалтеру: «Скажи: пусть требует с редактора гонорар!»

Наша машинистка может при случае взбудоражиться и теплым летним дождичком, но от бухгалтера ток шел впервые. Она кричала на уровне кухарки, управляющей государством: «Нет у нас коллектива, нет!»

Эту фразу потом многократно повторили машинистка с Пашей. Если женщины вполне правомочны в своих деяниях – сами зарабатывают на кусок хлеба, то Паша давно взят на содержание.

Машинистка завершила беседу тем, что у нас в редакции «полно засранцев». С этим дамы удалились, но теперь уж Паша стал повторяться, подчеркнув: «Вот в Устьяновской газете много зарабатывают и отличный коллектив». Я тут же его охладила: «Там работают четыре журналиста вместо наших шести. Все одинаково пашут, а мы содержим двух лодырей!»

Паша убежал «плакать» к машинистке, а в отдел пришла Наташа, следом Мадам, и тут же стала привычно напирать на Наташу: «Надо добиваться правды с гонораром! Куда и кому уходит наш гонорар? Я сейчас всех приглашу на планерку, и пусть секретарь все объяснит...»

Вот тут у меня хватало ума встрять: «Бесполезно собираться к секретарю. Уж если поднимать вопрос, то в присутствии секретаря и какого–нибудь представителя...»

Тут влетел проплакавшийся Паша и, голосом человека, недавно побывавшего на

норвежско–русском семинаре, спросил: «О чем вы тут?..»

Мадам стала излагать все сначала. Паша – опять про отсутствие коллектива, я – о лодырях. И разгорелся сыр–бор, где Мадам, подчеркнув, что Паша прежде всего поэт, резюмировала: «Можно ли в таких условиях чего–то добиться?» В данном случае «условием» могла быть только я, назвавшая открыто лодырем Пашу.

Мадам была великолепна: назвав Пашу поэтом, тут же рванулась в сферы материальные: «Неполученные гонорары давно утратили свою значимость при сегодняшней инфляции». Бедный Паша спросил о своем гонораре, на что Мадам отрезала: «Страдают только гонорары мои, Валеры и Н. П.!»

Все ушли. Можно бы и поработать, но Паша желал продолжения:

– Я раньше тоже хорошо работал!

– Про раньше не знаю. Никто твоей работы не подчеркивает, а при мне ты второй год лодыря корчишь.

Паша опять побежал к машинистке. Она влетела красная и растрепанная. Выдала мне про высокомерие, про любовь и уважение только к своей особе...

Когда выдалась возможность встрять в этот монолог, я спросила:

– От кого же бегал Паша, когда я сидела у секретаря? Когда весь день в коридоре кричали: «Где Пашка?», «Кто видел Пашку?», «Где опять этот лодырь?»

На что наша умная машинистка сделала ход конем: «Уж вы–то пишете! Пятый материал печатаю, а все про синичек!»

Чи так, чи вон так: «про синичек» она печатала второй материал с интервалом в полтора месяца. Но кому это интересно? Ведь и в самом деле печатала не про белых медведей. Это все, как говорит Мадам – о–ля–ля, три рубля!

Паша частично ушел к соседям: Валере и Мадам. Наташа вскоре посадила в галошу машинистку и бухгалтера, спросив о взносах в пенсионный фонд. Кроме одного процента с зарплаты работника, в этот фонд еще берется 28 процентов от всей зарплаты предприятия. Наташа спросила бухгалтера:

– Чему равен один процент от этих двадцати восьми?

Бухгалтер, радуясь легкости глупого вопроса, еще и пошутила:

– Так ведь у вас в карточках каждый раз это написано!

Наташа терпеливо охнула, а я повторила вопрос. Бухгалтер смешалась:

– Надо все считать!

Что тут считать, она же помнит, сколько ежемесячно перечисляет в этот фонд. Доходы наши примерно одинаковы. Раздели на тридцать, если трудно на двадцать восемь.

Возможно, бухгалтер поглупела от счастья: только что прошла проверка налоговой инспекции. О ней наша бухгалтер рассказывала с видом доярки, только что принявшей от коровы второго теленка, который пойдет ей на премию.

Я настолько прониклась ее счастьем, что показала ей большой палец: «Молодец! Ты просто молодец! Вон, опытные бухгалтера, и то...!» Я остановилась, потому что умная Наташа не разделяла моих восторгов. Оказалось, что 66 рублей редакции или бухгалтеру придется заплатить за мелкие погрешности. А напоследок бухгалтер убила даже меня, человека, столь далекого от всякой арифметики, беспечно сказав: «Еще на пятьсот (занижен–завышен) доход, то сколько вернет обратно налоговая служба!»

Сколь же глупо выглядит моя радость на трезвый ум Наташи: «Если доход наш завышен, то в налоговой службе просто посмеются. Занижен – заставят вернуть все сто процентов! Спасибо, если не потребуют большего!»

Спешу заметить, что наш бухгалтер с первой встречи показалась мне «спящей». Так на милой Вологодчине скажут о человеке, который не способен «на одной ноге обуться». Наташа тогда столь горячо отстаивала деловые качества нашего «буха», что я пошла в запятки. Сегодня Наташа согласилась: «Специалист она слабый!»

Зато позолота с машинистки, которую я приняла за вульгарис, но очень толковую и порядочную женщину, давно облетела. Скорей всего, машинистка в душе смеялась моей

щенячьей радости по поводу проверки налоговыми бухгалтерами – она же в курсе всех «закулис». У нас с машинисткой давно нет отношений: я ей не верю еще с тех времен, когда она сказала: «Наш Валерка (ответсек), подлец, тащит в газету «простыни» Е., чтобы было на что выпить!»

Я тоже хороша. Спросила Наташу: «Наташенька, нет еще двенадцати?» Пока Наташа отгибала свои рукава, ответила машинистка: «Еще только половина двенадцатого!» Эта гордая Н. П. по-прежнему смотрела на Наташу, и, получив такой же ответ, расслабилась: «Слава богу, не опоздала!»

А Наташа еще расширила поле битвы, заведя с машинисткой светский разговор вчерашней давности:

– Этот внешкор Е. заполнил газету, перетянул наш корреспондентский гонорар на весы ответсека. Надо его материалы хорошенько править и сокращать!..

Машинистка, с высоты тридцатилетнего сидения в редакции с «бестолковыми» редакторами, перебивает Наташу:

– Их вообще не надо помещать в газете!

Наташа замолкает, напоследок убито выдохнув: «А–а–а!»

Машинистка гордо удаляется, ни сном ни духом не ведая, что наша Наташа тишайше посмеялась над нею.

СКАЧКОВЫЕ ЦИРКУЛЯРЫ

Лучше всех редактор рассчиталась за свои «скачковые циркуляры по наведению в редакции порядка» с ответсеком. Значит, Мадам вернули чистые денежки. Паша за счет редакции скатался на норвежско–русский семинар. Наташа сделала по воле редактора несколько приятных командировок по редакциям области. Валера прирабатывал в фотокамерке...

Сиреневый туман обволакивал только страдания ответсека. Сегодня мы получили ноябрьскую премию с зарплатою. Гонорар за редакцией. А пока я получила 350. Мои коллеги одноразрядники чуть больше за счет северных. Но я тоже премного довольна, а тут пришла Наташа и добавила ту ложку дегтя в мои медовые страдания:

– Не смотрели, сколько получил ответсек?

– Спроси об этом у Мадам!

– Ну, так слушайте – ВОСЕМЬСОТ!

– ?!?

Мы несколько секунд ошарашено смотрим друг на друга. Шутка в деле: ленив, алкоголик, почти ежемесячно лишается премии... Через мгновение Наташа пытается вырвать это ядовитое жало из наших сердец:

– А–а–а! Только сейчас подумала – наверное, он получил за замещение редактора!..

Боюсь, что Паша с Валерою тоже не против получать «пинки» с приказами за такие возвращения.

Боюсь, пока не сменится редактор, газета обречена на ответсека, паш и валер.

РАЗНЫЕ МЕЛОЧИ НАШЕГО БЫТА

Сначала наименее приятные. Этот день считаю своим маленьким праздником. Мне доверяют... синички. Утром заметила, что моя главная синичка, давно подбирающая семечки, упавшие между рамами, несколько раз расплющила их на рамной ручке внутри окна. Обычно, схватив летом, тут же устремлялась в кормушку.

Вчера нечаянно глянула материал Мадам о спецколле для обездоленных ребяташек в Каргополе–2. Мадам, учитель начальных классов, пишет о ребяташках, используя язык давно уставшего от работы следователя: «чернуха», «шкет»...

ПЛАЧУ ПО СЧЕТУ

Машинистка хорошо рассчиталась со мной за обиженного Пашу, а вот расчет

ответсека: он пришел в кабинет во время рассказа бухгалтера «про удачную проверку налоговой инспекции» и встал так, что закрыл от меня наших женщин своими отсиженными в редакциях ягодицами. Я пошутила:

– В. Н., вы не просвечиваете!

Он, грубо:

– Да–а–а? Ну и что?

Нахамил и закрыл обзор группы теперь уже Наташе. Та перешла на другое место.

Почти неделю бегаю за бумагой. Машинистка отлично знает, что я ищу в ее шкафу, но делает вид, что «комары зимой не кусаются». Спросила секретаря, он так натурально удивился:

– Почему машинистка мне ничего не сказала?

И все осталось на своих параллелях. Вот приедет редактор... И все останется по-прежнему. Мне весело: мелочные уколы очень свойственны, больше всех других известных мне, именно этому редакционному коллективу от уборщицы до редактора включительно.

КАРАВАН ИДЕТ ВПЕРЕД

Наташа дала посмотреть газету бывшей Казахской ССР «Караван». Номер новогодний, потому специфический. Что положительно: абсолютно грамотная, в отличие от областных, о районках и говорить не след.

Стиль «Каравана» летяще–скользящий. Каждый газетный факт осмыслен, обдуман. Но... есть в «Караване» заметка о доме из десяти комнат – просят читателей угадать, кому из трех названных государственных деятелей принадлежит это сооружение.

Читатели не угадали, но газета сообщила: названные читателями товарищи тоже строят примерные дома на этой же главной улице города.

Смелый факт, но нет в газете ни фамилии автора заметки, ни фотокор не назван.

Смело идет вперед «Караван». Смело.

БЫТОВОЙ ПРИМИТИВ

Вчера приехала бабуля, гостившая где–то несколько недель, а сегодня засорился унитаз. То ли нижний сосед мстит нашей коммуналке, то ли бабуля, ведрами сливая воду из батарей, чтобы грели горячее, бросила туда же и половую тряпку.

Зато мои синички меня порадовали: уже три преспокойно берут семечки за окном, если кормушка оккупирована драчливыми воробьями. Значит, уже три птички–синички не останутся голодными, если я задержусь в командировке. Какая–то часть семечек, положенных на кормушку, всякий раз сбивается воробьями за рамы.

МИР НЕ ПОЗНАН

Наташа ходила на вечер в музыкальную школу. Пришлось взять сынишку. В конце вечера уточняла данные для информации, а любый сынок встал спиной к пианино и шутя простучал что-то. Грамоте малыш еще не учился. Простучанное может быть и гениальностью, и просто шалостью из набора музыкальных фраз, запомнившихся малышу.

Мир детства еще далеко не поэзия.

«ТРУД ЭТОТ, ВАНЯ, БЫЛ СТРАШНО ГРОМАДЕН...»

Сен–Жан Перс написал: «... самки верблюдов спокойны во время стрижки...»

Про верблюдов не знаю, но у меня хранится лоскут ткани из шерсти наших обычных лошадей и коров. Нет, стричь коров и лошадей нечего. Добыча этой шерсти трудоемка, поскольку берут шерсть со шкуры убитого животного. Это тот самый случай из жизни россиян, когда невозможно не вспомнить строки народного страдальца Николая Некрасова: «Труд этот, Ваня, был страшно громаден, не по плечу одному...»

Наверное, раньше наши деревни, страна в целом жила и процветала благодаря извечному громадному труду. Шерсть коров и лошадей во время выделки сама по себе освобождалась от кожи. Ее промывали, сушили и до тех пор взбивали, пока она не становилась пухом нежным.

Кусочек ткани из шерсти коров и лошадей, пролежавший в деревенском сундуке более полувека, даже не заметил моих потуг на разрыв.

СКОЛЬКО ПРАВД НА БЕЛОМ СВЕТЕ?

Вернулась из командировки. Наташа, опять доведенная какой-то редакционной гадкостью до кипения, только что не крикнула мне навстречу:

– Неужели нет правды на свете?!

– Бог с тобою, этих правд столько, что со счету собьешься. Вот ты рассказывала мне однажды о планерке, но кое-что не сказала, кое-что подала в своем видении правды.

Рассказывая об этом своей лучшей подруге, ты опять скажешь несколько иначе.

Мужу – совсем немножко, но опять же иначе.

Я еще не коснулась рассказа этой правды по нравственным градациям твоего собеседника, по его возрасту, по начальственным ступеням, по настроениям твоего и собеседника, – ты ведь не скажешь, что все время лгала и притворялась. Нет, это все и будет правда о нашей бедной планерке...

СЧАСТЛИВЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК

Паша ушел к соседям с машинкой, хорошо бы непостоянно. По этому поводу наш профсоюзник со мной не поздоровался. Зато бедная Мадам не только остановилась, но еще и из-за плеча озиралась, ища на моем лице «убитость» женщины, из-за которой в страхе сотрудники разбегаются.

Как бы не так. Если Паша станет теперь пахать по-черному, то я согласна до смерти ездить по редакциям и выводить всех лодырей на чистую воду. Если Паша станет пахать по-прежнему, то и разговаривать не о чем.

Понедельник может быть и очень счастливым. Зашел в кабинет руководитель крестьянского хозяйства из С. Само хозяйство я не видела и не увижу: о них пишет Мадам. С ней лучше не контактировать, у нее вполне хватит ума сказать: «Своих тем нет, ко мне лезете!»

Меня более всего интересует вопрос дисциплины: каждый пришел со своим хозяйственным паем, все, казалось бы, равны, но командир-то должен быть один. Мой интерес понравился руководителю кооператива, и мы хорошо разговорились. Он даже приглашал приехать и посмотреть своими глазами. Поблагодарила, не обещая и не отказываясь – он же не знает нашей Мадам, медоточивой только с чужими людьми.

Главная проблема в кооперативе – сбыт продукции. Покупателей в районе полно, но нет машины. Была машина, но много горючего требовала, пришлось продать. Подчеркнул: «Я же все затраты теперь считаю!» Однако имеет возможность нам, нищим, продавать молочные продукты значительно дешевле, чем их привозят, скажем, из Каргополя.

Отлично! В городке есть куда нищее нас: директор районной библиотеки получает три сотни, сотрудники – менее того. У нас, если не обманут редактор с секретарем, только один гонорар у «пахарей» заметно больше набирается.

– Сколько зарабатывают члены кооператива?

– Побольше вашего!

– Все-таки?

– Двести деньгами, а потом – дешевые продукты...

– Ясно! А работу вам удастся с них потребовать?

Слегка смешался:

– Не всегда.

Тут моего собеседника позвали на машину. Уходил, оглядываясь. Значит, Мадам подобного разговора не вела. Возможно, она и на меня не из-за Паши оглядывалась, а оттого, что я слишком заговорила «ее героя». Правда, цвет лица у героя нездоровый: болен или пьет. Да еще будущий кормилец страны показал нездоровое нутро россиянина, сказав: «Эти черножопики все заполонили...» Прервала: «Давайте научимся не делить людей по цвету кожи!»

Замолчал, но уверена: остался при своем мнении.

Увидит ли Россия настоящих хозяев? Мне не увидеть.

НА ОДНОЙ НОГЕ ОБУВАЕМСЯ

Наташа утром: «Скажу вам такую подлость!» Оказывается, наш редактор и муж редактора соседней районки «прошвырнулись» по Египту на денешки возможного депутата в Госдуму от журналистов России.

В обычной обстановке это не было бы столь уж заметной подлостью, но сегодня все это, мягко говоря... Следом за Наташей прибежала счастливейшая редактор, смотрящаяся глуповато со своим египетским загаром меж бледных северян. И стала агитировать меня агитировать глубинку за депутата от журналистов:

– Поскольку в глубинке вас любят больше, чем Мадам!

Опять эта бедная Мадам. Мне от ее тени не отвязаться до пенсии.

Редактор, поскольку я для нее сегодня самый главный кадр – кто еще из наших может съездить сегодня, а завтра утром все выдать на машинку? – не заметила отсутствие Паши настолько, что даже оставила ему простое письмо, где требуется только просмотреть знаки препинания. Я получила несколько примерных. Зато Наташу загрузили предельно. Строкажа не будет, но по каждой малышке потребуется обзвонить нескольких руководителей от больших до малых.

Меня редактор попросту утопила в комплиментах. Мне весело, если вспомнить, что неделю тому назад она избегала встречаться со мною даже взглядом. Я и не знала, что я такая хорошая: в семнадцать лет сердце не выдержало бы гордого напряжения, но я пришла к тому счастливому рубежу, когда мои года и моя духовная стойкость стали большими родичами.

Мне немного стыдно, но я слушала редактора свысока. Она потом мне это «свысочество» припомнит. Не страшно: я ни о чем ее просить не стану, она же еще много раз обернется в мою «гордую» сторону.

Уяснив задачу, бестактно перебила нечистый редакторский елей:

– Куда из глубинки лучше всего и на чем поехать?

Словом, обычные будни обычной районки. Не очень-то приятно говорить добрым людям с порога: «Пожалуйста, проголосуйте за нашего депутата!» Вот если бы вместо «египтов» редактор нацелила нас на эту задачу еще с недельку тому назад, переживать было бы просто не о чем: у меня на столе лежал бы добрый десяток вполне подходящих писем. Но в этой редакции все время приходится на одной ноге обуваться.

Ладно еще меня не смеют тыкать носом в лишение премии, тогда как Наташу, которую постоянно бросают то на прорыв машинистки, то корректора, каждый раз оскорбляют этими копейками.

Потом редактор, теснимая идеями, бегала к нам до вечера:

– Может, в свой любимый Ш. махнете?

– По телефону или на машине?

– По телефону! Вообще везде, где вас любят!

– После поездки в В. обещаю!

Вся эта редакторская карусель дала возможность повоспитывать бедную Наташу:

– Будешь постоянно делать норму строк – ни одна редакционная змея не укусит!

Легко сказать! Наташу опять усадили за машинку: заболела машинистка. Они с корректором и Мадам моложе меня почти на десять лет, но каждая из них в течение года

столько раз была на больничном, сколько я не отдыхала за сорок лет трудовой деятельности. Тьфу, тьфу.

Прости меня, Господи, и не наказывай, – это просто констатация факта.

МЫ С НАТАШЕЙ «ФУЛЮГАНКИ»

Оказывается, нам не прибавили зарплату, а перевели на прежнюю тарифную сетку. Она имеет больший коэффициент. Отсюда и громадная секретарская зарплата. Значит, мы с Наташей закулисно обидели и так-то кругом обиженного ответсека.

С КЕМ УЖ ПОВЕДЕШЬСЯ...

В соседней районке решали коллегиально: кого послать на дармовщину в Египет, а наша ни словечком не обмолвилась. Все потому, что больше всех у нас заслужила этот Египет Мадам. А нашему редактору было бы легче с жизнью расстаться, чем сделать такой подарок ненавистнице.

Наташа, дай ей бог здоровья, опять принесла стерженьков. Бухгалтер где-то берет такие, что они пишат только по собственному желанию, а на мое им наплевать с высокой горки.

НАШ ПРИВЫЧНЫЙ БЕДЛАМ

Наташа: «Паша мог и сам пожаловаться редактору!» Наташе лучше знать, но как-то не хочется сдавать позиции. Слишком уж тяжелое бремя для совести одного Паши: подлый, лодырь и хам.

Верю ли я в бога? Нет, но в то, что есть на свете сила, которая управляет мною, – верю. Не знала телефона старосты из В. Набрала первый попавшийся номер, а староста оказался именно там. Значит ли это, что моя поездка в поселочек В. угодна небесам?

Паша обретается на своей радиостудии, а в нашем кабинете вместо чистоты и покоя два вечера подряд был полный бедлам. Хотела уж громко возмутиться: по утрам в кабинете сплошь ночлежные ароматы.

К счастью, зашел с извинениями Валера, и я выпустила лишний пар, даже ответила по-умному:

– Что вы, что вы – это же общая чайная комната! Но если еще раз оставите окурки, то вместе с пепельницей в туалете окажутся!

ДОРОГА К ПОДЛОСТИ ШИРОКАЯ

Валера, спросив, как мне живется, вскользь рассказал о себе: жена безработная, сын ногу вывихнул... Понятно, что Валера молча извинялся за свои приработки в фотокамерке в такой трудной жизненной ситуации. И мой ответ чужому человеку тоже был бы непонятен: «Пожалуй, я не совсем права!»

Валера понял, что я никогда не стану поднимать вопрос о его левачестве, и благодушно произнес:

– Нет, все нормально!

Прости меня, Господи! Это молчаливое соглашательство – одна из дорог, ведущих к подлости, но как быть принципиальной, если на нищую зарплату журналиста рассчитывает несколько взрослых в одной семье.

РЫЖИЕ СОБАКИ

Давно заметила, что многие собаки со мной здороваются. Если лето на дворе, то слегка касаются носом руки, зимою тычутся чуть выше кисти.

Особенно меня любят рыжие собаки. Черные не всегда, а коснувшись моей руки, «чернушки» чихают напропалую.

Мир полон загадок, отгадки к которым, казалось бы, лежат на поверхности.

ДОРОГА В ТЮРЬМУ ШИРОКАЯ

Ходила делать беседу с председателем суда, а в коридоре столкнулась с мужчиной тюремной наружности, который наставлял молодого парня с лицом сродни сырому тесту, и девушку: «За такие денежки можно и в тюрьме отсидеть!»

Резанула фраза по сердцу, потому и не удержалась, встряла:

– Ребятки, ни за какие деньги на свете не стоит сидеть в тюрьме! Ради бога, извините, что вмешалась!

Бывший «невольник» глянул на меня пренебрежительно, а мальчику «с тестовым лицом» для убедительности требовалась и примерная фраза: «Сама отсидела .. цать лет, а теперь и врагу туда дорогу закажу!»

У меня много прав в своей родной стране, но этого не имею.

СТАРИКОВСКИЕ ВОПРОСЫ

Опять отметила приметку старости: чуть ниже талии почувствовала какую-то пластинку. Станет ли она идти в глубину и в ширину?

Вопрос достаточно стариковский.

ЛЮДИ В ЧИСТОЙ ОДЕЖДЕ

Шестого ездила в поселок В. Седьмого написала три «беседки» в поддержку нашего депутата, и материал о жизни поселка в целом. По-прежнему и с удовольствием общалась со старостой поселка и ее сестрой – учителем и директором поселковой начальной школы. Еще познакомилась с женщиной, фамилия, имя и отчество которой на букву «А». Она находится в постоянной войне с сестрами, а мне все три женщины по-своему очень нравятся.

Три «А» одна вырастила семерых детей. Она – одна из лучших мам поселка. Мне она еще и умной показалась. Более того, если убрать мое высшее образование и вечное стремление быть не хуже других, то рядом с этой мудрой женщиной я окажусь просто «голой».

Дай бог, чтобы ее дети хоть что-нибудь доброе унаследовали от своей матери. Только бы не эту ненависть к людям в чистой одежде, которую она же спокойно мне и подчеркнула:

– Подумаешь, обидела я учительницу, – а она все равно должна со мной первой поздороваться!

Спорить не стала: мать хороших семерых детей либо хороша такая, либо обойди ее стороной.

В нашу приятнейшую беседу с директором школы ворвалась ее сестра:

– Идемте в магазин – мне и хлеба не дают, сказали: «Веди корреспондента!»

Пришла. Горе мне, горе. Чем я могу помочь моим милым россиянкам, если поселок идет на закрытие, если пекарня в нем работает два-три дня в неделю – можно ли в такой холодрыге испечь хороший хлеб?

Женщины все это не хуже меня понимают. Им надо просто перед кем-то чужим выкричатся. Они почти все одинаково беззубые – что молодые, что старые. Нервы у женщин давно ушли за предел. Они, как наша благополучная машинистка, неоднократно перечислили всю анатомию человеческую, предпочитая мужчин дернуть. Несколько раз кидались друг на друга с тычками, тут уж я безмолвно и храбро кидалась между ними, получая с обеих сторон ощутимые «довески».

В итоге синяки на теле, а на душе – еще большие. Пусть я сделаю для них от имени главы администрации ответ в газете – а что от этого в поселке изменится, если он, по сути, списан с карты района? В городке хлеб на тот день стоил 2.40, а в поселке – 3.80. Сахарный песок – 4.70, а в поселке – шесть. И еще, и еще...

Эти бедные женщины так и обречены, пока не уедут куда-нибудь, жить здесь в злобе и ненависти. Растить детей.

Зато наш ответсек меня развеселил: отдала ему материал, где есть слова Тараса Шевченко; «... на папери сумными словами!» – это о думах Шевченко, а секретарь спрашивает: «На папери – это на паперти?»

Мы с Наташей страшно устали. Я за день отписалась, а Наташа печатает на компьютере. Да, да – на компьютере – наши шедевры. Даже ни минуточки на разговоры, а вечером у нее встреча с австралийцами в Доме творчества. А надо бы бежать домой. Там муж и сынок. Он завел утром с мамой разговор в Духе «Маленького Принца» Антуана де Сент-Экзюпери: «Мама, смотри – на луне кто-то есть! Если бы там была маленькая девочка, то мы бы ей помахали ручкой!» Вечером предложил тему «полового вопроса».

Интересно, где взять силы молодой женщине, чтобы вырастить из сыночка человека с большой буквы в сегодняшнем сумбуре, в нищей глубинке, и никогда в холе и неге не жившей?

САМАЯ НЕЗАНЯТАЯ ЛОДЫРКА

В редакции привычный шурум-бурум. Редактор, куда-то убегая, приказала:

– Сделайте отклик за субботний номер!

Газеты я еще не видела, потому так же туманно попросила потрудиться двух активных внештатников:

– Ваше мнение о субботнем номере!

Один го них принес в понедельник отклик на статью редактора. Это редактору очень понравилось, но от меня требовали совсем иное: сделать что-то, связанное с именем нашего кандидата. Я оказалась «в луже», пришлось обзванивать своих добрых помощников. Слава богу, все утрясли, но редактор просила прочесть с корректором хотя бы одну страницу. Где все? Паша еще не явился. Валера взял день, чтобы вплотную заняться агитацией за кандидатов-коммунистов. Мадам делает срочный материал. Наташа загружена сверх нормы. Это у меня на глазах.

А кто меня-то все время дергает быстро делать свои материалы? Сидела бы сейчас, и телепала помаленьку. А так – каждый раз пою одну и ту же песню: я самая незанятая лодырка, в блокноте ни строчки в запас.

РОДИНА ЖУЛЬЯ

12 декабря состоится встреча нашего депутата с избирателями. Собираем общество. Для подкрепления будет неплохой концерт.

Спросила ответсека о гонораре за ноябрь – замулюкал: «Еще не делал, денег все равно нет...» Если и появятся, то не будет секретарской раскладки: такова уж моя любимая родина, которую вчера в концерте назвали: «родиной жулья».

«ПОЕТЬ»

Слава богу, идем на три выходных.

Редактор строчит на первой странице, как четверть века тому назад: «Я прочитала!» Или уж совсем матом на планерках выражается: «Возьми и поеть!» Странно, – она же все-таки закончила Ленинградский журфак. Диво ли, что и все следом за редактором повторяют: «поеть!»

ПРИВЕДУ ТАБУН МУЖИКОВ

Вчера проводила генеральную и переложила дрова у печки поближе к умывальнику – так сочла удобнее и красивее. Встала отдохнуть перед окошком, а там бегают синичка, и вот тычет клювиком в стекло, вот тычет. Добавила свежих семечек, но синичка еще долгое время била клювиком по стеклам.

Сегодня вернулась от деток опять чем-то вздернутая бабуля и давай кричать:

– Гли, сколь проста – дрова мои переложила! Нет, она тут командовать не станет! Хватит, я от Зинки тычков наполучалась (Зина – прежняя хозяйка комнат моего хозяина)!

Сереза все слушал молча, но бабулю это не остановило:

– Отдала ли она тебе за комнату–то.

Тут уж я не стерпела, вышла:

– Как вам не стыдно материться в таком преклонном возрасте! И, пожалуйста, не лезьте в мои личные дела. Я же вообще к вам на кухню больше не зайду. Газ с вами тоже покупать не стану. Занимаю умывальный. Лучше есть сухой хлеб, чем общаться с такой...

Меня так и подмывало сказать «ведьмой», но ведь старушке девятый десяток. Ушла от греха подальше к соседям. Они меня малость успокоили: старушка все время воевала с Зиной, от которой ей перепало и тычков. Вернулась еще больше расстроенная: каждый тычок для нашей ветхой бабули мог стать последним в ее земной юдоли, но эта краткосрочная жилища умудрилась говорить про меня еще и в магазине какие–то гадости.

Лучше бы молча дома пересидеть, но старушка давно уж меня поджидала и запричитала:

– Прости ты меня, Христа ради, прости! Не будем больше ругаться! Я уж пила валерьянку, – у меня же все нервы издерганы...

Все это слышу от бабули каждый раз, как она мне нахамит, поэтому давно пора ставить точку, чем и занялась:

– Хоть в Москву про меня сплетни везите, а с вами складываться больше не стану! И тоже прошу вас, Христа ради, – оставьте меня в покое!

В магазине бабуля открыто веселилась: «Лучше пустить на квартиру алкоголиков! Стану за ними убирать б... и г..., чем жить с этой жестокой женщиной! Токо и слышу от нее «доброе утро» и «добрый вечер», а остальное время сидит в своей комнатке, носа не кажет!»

Мои соседи тоже подъялдыкнули: «Давно пора привести табун пьяных мужиков – пусть она порадует, хоть будет чего сказать следующей очереди в магазине!»

Прости меня, Господи, но хамских отношений моя душа не принимает: бабуля была мне одинаково брезглива – когда кричала несурезицу и когда просила прощения.

С бабулей все. Но зря старики обижаются на молодых: будь мне лет тридцать и чуток иные устои в жизни, то получилась бы вторая Зина. Ту Зину нельзя простить, но понять ее можно.

ГУСЛЯР–БАЛАЛАЕЧНИК, ДУДОЧНИК, ЛОЖЕЧНИК

Встреча с кандидатом. Впечатление такое, что в городе живут одни старики. Доверенный из Архангельска лучше всех сказал о нашем кандидате, но сам по себе антипатичен: «Я был придворным журналистом (много общался с обкомом печати, партии и прочими «комами»)!»

Хорош доверенный представитель из Москвы: высок, красив, складен, Умен, сед, участник войны, вся грудь в орденских планках, говорил, отлично Играл на аудиторию, поэтому его похвальба в адрес кандидата звучала очень естественно.

Когда все доверенные и представители внешне «отлепились» от нашего кандидата, – то есть глаз перестал их замечать – то первый журналист России стал архиприятен. Он специально оделся для глубинки, чтобы быть «поближе к народу».

Когда внешний вид «под деревню» перестал лезть в глаза, можно было заметить, что кандидат играет в парня–простака, но «не искрит» на публику, не сыплет обещаниями, зато коммуниста Зюганова вообще до небес поднял фактами из жизни. Рядом со мной прошамкали: «Верит, что к власти придут коммунисты, вот и стелет Зюганову!» Ну и что, политика чистой не бывает. Всегда на уровне: «Ты меня уважаешь?» – «А ты меня любишь?»

Ведущий концерта был «в насморке». Он не звезда эстрады. Зато был великолепен гусляр–балалаечник–дудочник–ложечник. Певица тоже. Она, чтобы расшевелить зал, вывела на сцену самого заваливающего мужичонка. Тем самым вывела на посмешище всю глубинную Россию. Мужичонок, как грачонок, открывал в мимической песне беззубый рот, но был все время где–то подвешен на петлю своего пальто. Это пальтовая петля

возвышалась где-то на уровне ушей мужичонка.

Наташа познакомила меня с Женей из Москвы, который вроде телохранителя у кандидата. Хорошо, что у Наташи есть муж и сынок, иначе бы этот Женя проглотил ее и выплюнул. Для начала разговора я пошутила: «Больше всех понравился балалаечник!» У Жени хватило ума уронить грубовато, как разговаривают с колониальными рабами: «Вот и голосуйте за балалаечника!»

Как ни странно, но деловой и хамоватый Женя напомнил отчего-то не лучшую из фраз нашего кандидата, когда вспомнил годы работы в Казахстане: «... часть магаданского золота оседала у лиц кавказской национальности».

Во-первых, по самым плохейшим качествам россияне давно не уступают «лицам кавказских национальностей».

Во-вторых, для бывшего редактора областной газеты, сегодняшнего первейшего журналиста России, выражение «лица кавказских национальностей» ни капли не выше руководителя крестьянского хозяйства из Архангельской глубинки: «Везде лезут эти черножопики!»

В-третьих, ведь не говорят же про наш Север, предельно насыщенный родами и национальностями: «лица северных национальностей».

В четвертых, пресса, радио и телевидение уж сколько раз передавали неприятие народами Кавказа того, что им постоянно приходится слушать этот «тупо-глупый» шаблон, непременно называемый при всех нечистоплотных делах страны и даже мира.

В пятых, архангельский мужик из деревни Кехта Холмогорского района, потрясь в столичных и заграничных коридорах, слегка задетый внешним лоском, внутренне так и остался архангельским мужиком.

Хорошо это или плохо – не берусь судить.

СКОРАЯ ПОЖАРНАЯ ПОМОЩЬ

Секретарь дважды прибежал ко мне с любезностями. Посчитала, что скучает по Паше, по-прежнему где-то кружащему сверх трех отгулов. Все оказалось проще: в материале А. П., который я обрабатывала, секретарь опять так умудрился поправить меня, что сделал две ошибки. Фразу бедного Тараса Шевченко «сумными словами» наш спившийся интеллектual обозначил – по-местному, что ли? – «с умными словами».

Этому Шевченко так и надо. Мог бы написать что-нибудь попроще для глубинки, например – «с сумрачными словами».

Исправление второй ошибки ни ума, ни знаний особых не требует. Просто ответсек не захотел слегка открыть пьяные глаза: «сельскохозяйственного и промышленного производства» – последнюю «а» едва ли напишет ученик начальных классов, который, слушая грамотную учительницу, непременно проведет аналогию: один – папа, то много – пап.

А что корректор? Ей все давно надоело.

На вечере встречи с нашим кандидатом было шесть журналистов, включая редактора и секретаря. Ни одному из нас редактор не дала задания написать о встрече. Валера все время чиркал в блокнотике, но, видимо, его взгляд оказался слишком уж коммунистическим. Я считала, что за десять дней выборной пахоты свой журналистский долг нашему кандидату отдала сполна. Вчера утром редактор привычно опомнилась и дала задание написать о встрече Наташе. Она не раз покидала зал по мелочным приказаниям редактора. У нее не было целостного восприятия, получилась бы только информация.

Осталась крайней скорой помощью опять же я. Материал должен быть на машинке завтра утром. Это не трудно, это будет плата за то, что я себе многое позволяю, работая в редакции только второй год. Например, противоречу редактору. Она мгновенно и грубо пресекает: «Н. П., оставьте вашу иронию!» Оставляю, куда денешься.

Слава Богу, соседка из ближнего дома водит на цепочке отличного щенка:

ушастенького, хвостаенького... Такого и обещала милиция. Значит, все решилось мирным путем. Милиционер – парень прошел Чечню – смертельно ранил их взрослую собаку, приехав утихомиривать пьяного дебошира. Кто в этом убийстве прав, кто виноват – знает только господь бог. Каждая из сторон – хозяин собаки и милиционер – тянут «одеяло справедливости» на себя.

Соседка из нашего дома сказала: «Приходите смотреть «Тему», с вами хочет встретиться хозяйка убитой собаки. Надо же ставить точки на беззакониях, а то нас вскоре станут из автоматов, как собак, расстреливать!»

Жуткие слова. Я уважаю эту пожилую женщину, но в ней живет «сталинистка»: непременно «око за око». Я понимаю эту женщину: ее привычка к архипорядку меня не удивляет.

Хозяйка убитой собаки пришла с тремя «грозными грамотами». Моя заслуга в том, что она унесла их на доработку¹. А все потому, что накануне сказала Наташе о встрече «в верхах». Наташа меня просветила: «Молодой человек может вполне сойти с линии жизни, если хозяйка убитой собаки подаст на него в суд». Надо было общими усилиями удержать женщину от решительного шага до пятницы, а там стрельца переведут в патрульно-постовую службу.

Хозяйка собаки наговорила много слюняво-приторного: «Собака спала на диване, собаке вырыли могилку, поставили стопочку с закуской...»

Вся беда в том, что милиционер не застрелил, а смертельно ранил собаку: животное мучилось еще шесть часов. Пусть бог меня простит за эти слова: милиционер все равно плохо кончит, но пусть хоть ребятишки его подрастут.

ЧТО ЛЮДЁНКАМ РЕВОЛЮЦИИ

Секретарь с утра пьян. Редактор отчитывала его при мне. Просилась уйти из кабинета: отвратительно видеть, как «бьют» алкоголика, который на днях отхватил восемь сотен за ударный труд. Не отпустила.

Разболелась голова, ушла с работы в пятом часу. Хорошо прошла по городу. Почти сразу за мной пришла Наташа:

– Без вас там случилось такое! Редактор уволила секретаря. Он уходить не хочет, требует акта об увольнении. Акт подписали: редактор, корректор, бухгалтер и я!

Мы с Наташей обо всем переговорили. Наша машинистка особенно зла из-за увольнения ответсека. Если редактор его все-таки уволит, то дисциплина начнет помаленьку налаживаться. А кому это надо? Наш Паша что-то мулюкает: «Некому станет делать газету!»

Редактор делала газету сама. Секретарь отсутствует. Мы с Наташей в трансе. Вечером наши затеяли пьянку в кабинете ответсека. Значит, я могу испариться перед пьянкой, но прибежала редактор:

- Вы чем-то заняты?
- Нет.
- Сделайте срочно два письма!

Письма грамотные, даже переписывать не пришлось. Через минуты оба на машинке. Тут их ожидает «вторая могила». Первая была в том, что слово «срочно» в устах редактора ничего не значит.

Вторая могила в том, что без приказа редактора машинистка ничего срочно не печатает. Редактор из-за ответсека не хочет идти к машинистке, поэтому психует на меня. Отвечаю: «Машинисткой не командую!»

Чтобы слегка разрядить атмосферу, приношу свои ранее приготовленные материальчики и материалы, редактор каждый раз вскидывается:

- Напечатали?
- Это другие, те – лежат у машинистки!

У нас в редакции работают люденки. Мадам почти на каждой планерке мусолит, что у

нас серая газета. И вот привела к Наташе делегацию из Валеры и Паши с просьбой: вместе с ними просить редактора оставить секретаря в редакции.

Наташа ко мне с вариациями:

– Если я не поддержу коллектив, редактор оставит секретаря, то мне...

– Если у редактора хватит ума оставить секретаря, то тебе будет худо в любом случае, редактору тоже...

Мадам бегают с агитацией за оставление секретаря, машинистка тоже, но по своим каналам. После ее агиток верстальщица из типографии отказалась подписать «пьяный акт». К Наташе приходил еще один «люденек», директор типографии, и просил похадайтвовать перед редактором за оставление секретаря.

Эти «люденки» меня не удивили, но наш корректор, которая одинаково не уважает ни секретаря, ни редактора, тоже пришла к Наташе с ходатайством. Эта женщина неосознанно боится: секретарь Наташа, принеся в газету свою молодость, задор, боевитость, – в чем-то стронет с места мутную газетную полынью, в которой вчера весь день полоскались наши «люденки».

Эта же неосознанность страшит и всех других, годы отсидевших в редакции при шалтайвалявных секретарях и редакторах.

Наташа, рассказывая мне об этих «ходоках», воскликнула:

– Они просят меня, как секретаря!

А ВАМ НЕ ВСЕ РАВНО?

Бедные старики, у которых большое воображение! Это я о себе. В данном случае все довольно прозрачно: мету нашу лестницу, по которой ходят на третий этаж пять семей, но за четыре месяца ее никто ни разу не подмел. Вся – то я в глубоких размышлениях о сегодняшней подзагаженной жизни, а на втором этаже надрывно плачет ребенок. Заглядываю в дверь: «Перестань, солнышко, плакать, а то люди подумают, что тебя обижают, перестань!»

Малыш затихает только на мгновенье. Его мама, дочь инспектора РОО, выходит из комнаты и щелкает дверью только что мне не по носу. Хозяин квартиры, спившийся нероботь, смотрит на меня вообще злобно: «А вам не все равно?»

Третью комнату в этой квартире занимает полупарализованная старушка. Если она в чем-то и грешна, то бог уж слишком ее покарал. Малыш, если не спит, то плачет все время. В комнате он надоедает, и его выставляют в коридор, где он и тянет свои заунывные песни у дверей парализованной.

В моей комнате праздник каждый день. За окном питаются уже несколько синичек. Одна из них – назову ее Малышкой, – гуляет за окном, как по тротуару. Это она и колотилась накануне свержения пьяного ответсека.

Сегодня слегка колотилась в уличную раму. Неужели в понедельник опять какая-то весть ожидается?

В понедельник редактор опять делает газету сама, и поднимает слишком много шума. В пятницу она так бегала, что я решила: делаем четвертую газету подряд: среда, четверг, пятница и ... Оказалось, что она суетилась из-за вторниковой газеты еще в пятницу. Сегодня шум естественен, но информация о выборах давать запретила, а наши добрые помощники гуляют только о выборах – так они приучены.

Редактору не верю. Она много раз говорила: «Об этом больше информации не брать!» Я, как пионерка – куда Родина пошлет, там и служить готова, а потом оказывается, что отказные информации шли в газете чуть ли не до нового примерного события.

Сейчас – кровь из носу, а положи на стол редактора парочку горячих информаций. Мадам с Валерой отпахались первыми. На нас с Наташей редактор «сидит» основательно. Паша, ведущий сельхозотдел, дал информацию о шахматном турнире, и сказал редактору привычно виноватым голосом: «Обещали дать сельхозную» информацию через три дня. Это тоже привычный «дохлый номер». Его отмечаю только я, остальные видят смущение

Паши и просто жалеют его непонятно за что. Как хорошо, что Паша не сидит рядом со мной.

ВСЕ ТРУДЫ КОТУ ПОД ХВОСТ

С утра редактор просветила: в нашем районе журналист России идет первым. В Каргополе – вторым. В Котласе ему заметно перешел дорогу какой-то молодой бизнесмен. По словам нашего редактора, котласский редактор того мухратого бизнесмена раньше в упор не видел.

Наш кандидат сам и виноват: надо было отправить в Египет редакторов всех районов, которые входили в Котласский округ.

Наташу раздражает радость редактора: «Чем она гордится–то?» Примерно так. Если поездкой в Египет, то гордиться должна редактор. Если материалами в поддержку кандидата, то гордиться надо мне. Если сбором подписей, то Наташе, если организацией приятной ауры вокруг кандидата и его свиты, то Паше с Наташей. Да, тут наш Паша – мастак непревзойденный. Все, кроме меня, внимают словам Паши. Мне мешает его лодырство в абсолюте и неразвитость: на семинаре с норвежскими товарищами он пил «кофе».

В завтрашнем номере моя беседа с директором центра занятости. Подана редактором на уровне: наш пьяный ответсек обязательно дал бы что-нибудь серенькое.

ТОНУТ ТЕЛЯТА В КЛОЗЕТЕ

Сегодня опять залетела в туалет, где бабуля находилась в том положении, которого и цари не избегали. Потом еще пришлось пригласить бабулю, чтобы она убрала говешки с полу.

Прости меня, Господи, но это констатация факта: человеку после восьмидесяти надо жить среди родных и близких.

Вчера спасла наш унитаз от долбежки. Бабуля при мне вылила остатки супа вместе с ребром барана или телянка. Напугаю Сережу: следи, мол, за бабулей, а то платить денежки за долбежку унитаза тебе придется.

Вот так и живем, а тут шумят о выборах. Пошумят и перестанут, а бабули, выливающие куда ни попадя бараньи кости, вечны.

У НАТАШКИ ЗУБКИ РЕЖУТСЯ

Наташа похвалилась: разругалась с машинисткой. Это случилось впервые: у ребенка зубки режутся, но наша машинистка слишком ядовита. Зубки у Наташи не выдержат этого перенасыщенного раствора. Не знаю, в чем там у них дело, но в одном давно уверена: для нашей машинистки среда ругани – самая питательная.

ПРАЗДНИКИ ТАКИЕ КОРОТКИЕ

Праздники быстро кончаются. Еще вчера редактор расточала мне длительные комплименты по поводу моего трудового вклада в дело продвижения в Госдуму преда Союза журналистов, а сегодня я попросила уделить мне пару минут, на что редактор на бегу отрезала: «Ой, нет времени!»

Мне весело: не только редактора всех пройденных мною районов, но и редактор областной газеты ни разу не позволил себе подобного.

Дело у меня к редактору кричащее: вернуть четыре моих материала из папки секретаря, которая лежит на столе редактора. Два из них нравственного плана: отклик на события в Чечне и на убийство кота–сиама. Третья статья – моя давняя боль: продолжается строительство домов из бруса. Отклик на события в Чечне скоро отпразднует годовщину. Там я как бы оправдываю ненависть чеченцев к россиянам. В отклике на убийство кота я никого не оправдываю, но там за себя говорит сам заголовок: «Мы все немножко виноваты». О домах из бруса – таково мнение обывателя – вообще нет

нужды говорить. Вся страна в нужде, пусть каждый лепит свою хижину хоть из фанеры или жести.

СТАРЫЕ НОВОСТИ

Перед отъездом редактор выскребла из тощего редакционного кошелька две тысячи, хотя нам должны гонорар еще за прошлый месяц.

Зато новость, сказанная редактором, удивила всех: Магадан и Колыма проголосовали преимущественно за коммунистов.

А за кого же им еще голосовать: не произойди революции, Магадан и Колыма никогда бы не увидели такого обилия высокообразованных и высокоинтеллигентных людей. Надо уметь быть благодарными, ходя по останкам народов и наций всего земного шара – разве что не хрустят там останки негров и эфиопов.

ОБЫДЕНКА

Редактор в должности секретаря умудряется ставить в газету снимки многолетней давности, а будто бы отражается день сегодняшней. Да, из нашего редактора секретарь получился бы отличный.

Читателю, если таковые будут, пора уж спросить: когда же пойдет речь о создании газеты, темах, о решенных и решаемых проблемах, о подготовке смены в лице юнкоров и еще о многом другом, что в любом районе само собой разумеется. Обыденкой смотрится. У нас подобная обыденка просто отсутствует.

На планерке сотрудники называют не темы, а конкретные материалы. Все, за исключением материалов Мадам, принимаются безоговорочно. Материалы, предложенные Пашей и Валерой, попросту не пишутся. Паша – то вообще ничего давно не предлагает. Валера, «выливший» на планерке десяток материалов, не сделает и трети оговоренного.

В итоге газета лепится из той скудости, что принесут секретарю излишне разлетевшиеся только на планерке корреспонденты. Пожалуй, за полтора года редактор «корректировала» только меня: приказала писать не зарисовки, а беседы. Мне весело: что такое беседа с человеком, который не решает никаких судьбоносных задач. В блокноте шутя набирается материал на полосный очерк. Из этой полосы требуется выбрать не больше двух сотен строк, на что не требуется и полчаса.

Больше никаких корректировок не было, если не считать, что на редкой планерке редактор не подчеркнет неразвитость Мадам, реже – Валеры, и пожурит по-матерински своего ровесника Пашу. Потом все идет по-старому.

Какие же проблемы все-таки решает наш коллектив? Шумим о распределении премии и гонорара, о плате громадных денег за телефонные разговоры редактора, о поездках редактора по стране с выгребанием денег из редакционной кассы... Пока и не пытались решать ни одного вопроса, который бы хоть капельку сработал на качество газеты.

По радио передали: шесть воинов погибли и восемнадцать получили ранения в Чечне.

Порядки в стране напоминают что-то до боли знакомое.

Вчера ходила в больничку. Прибежала на прием секретарь главы администрации и на весь коридор объявила: пойдет, отпустит машину. Вообще секретарь главы вела себя так, что все за версту видно: она не то, что остальные, а на рупь дороже.

Весело мне: еще ни разу не доводилось встретить интеллигентного секретаря большого начальника.

Интересно: за границей секретари больших начальников интеллигентны?

КЛАДБИЩЕ ЗАБРОШЕННЫХ ЗДАНИЙ

Прибегал уволенный ответсек:

– Есть проблемы, Н. П.?

Я вчера прорыла все папки, что дала редактор, но не нашла своих материалов.

Позвонила ответсеку. Он еще раз повторил:

– Материалы лежат у редактора!

Надоело. Если кто-то из них просто выбросил материалы – подам в суд.

Наташа с утра обрадовалась: дадут по пять сотен каждому. Прости меня, Господи, что я живу так хорошо, и не наказывай впредь. У многих сегодня нет денег на хлеб, а я собираюсь покупать дорогую шубу.

Как выглядит наш городок в глазах приезжего человека? Если Саргассово море считают кладбищем кораблей, то наш райцентр вполне можно назвать кладбищем заброшенных зданий.

Это единственный в моей бродячей жизни городок, где машины ездят прямо по тротуарам, где мне несколько раз не ответили на приветствие. Со стороны это были уморительные картинки: женщина на шестом десятке лет склоняет перед встречным знакомым голову для приветствия и раскрывает в улыбке рот, чтобы произнести «Здравствуйте!» «Объект» молча проходит мимо. Первый раз я тихо ужаснулась, посчитав себя непонятно в чем, но смертельно виноватой перед этим человеком. Второй раз просто усмехнулась и подумала об очередной достопримечательности городка. После третьего решила здороваться только в том случае, если «товарищ» меня поприветствует. Видимо, товарищи ожидают от меня того же.

Этот же городок сыграл немалую роль в моем развитии: стала разбираться в финансово-бухгалтерских делах, поскольку на каждой планерке мы что-нибудь считаем.

В разгар предвыборной кампании мы с Наташей веселились: «Вот победит наш кандидат, и нам кинут по сотне за самоотверженный труд во благо всех журналистов России!»

Нам выдали страховые полисы. Из десяти пунктов, в которых владелец «имеет право» и «обязан», один буквально убивает уровень развития нашей милой Родины: «имеет право на госпитализацию в палату на 4 – 12 мест».

Ну и вот: вчера меня урезали в правах пониженным авансом, а сегодня редактор:

– Н. П., подумайте о чем-нибудь в новогодний номер. Валера весь в своих профсоюзных хлопотах. Мадам... Пашка занят старушками. В понедельник на планерку соберемся. Подумайте за выходные!

Дай мне, Господи, силы ни о чем не подумать и ничего не сделать. Прости меня, Господи, за такую дикую просьбу.

Слава богу, душа встала на место. Все, связанное с урезанием аванса по сравнению с другими журналистами, точившее душу четверг, пятницу и часть субботы, стало мелким, ничтожным, не стоящим внимания.

Стало стыдно: насколько унизила себя этими цифирными выкладками.

Спасибо тебе, Господи, что ты дал мне покой хоть сейчас. Если в понедельник редактор спросит о моих планах в новогоднюю газету, прощобечу:

– Что-то принесет во вторник А. Что-то послала в пятницу «Три А». Пригодится или нет – не знаю. Лично я неплохо отпахалась за декабрь на кандидате.

Больше не скажу ни слова и в том случае, если редактор станет шумно выходить из своего умёнка.

Радостно, если мое успокоение пришло после чтения публицистики этого мурманчанина «Как я был крестьянином в России и в Норвегии». Обидно, потому что причина для успокоения стара как мир: очищение, обновление придет из глубинки. А глубинки той, прости меня, Господи, самой надо давно обновиться и очиститься не менее столичан.

Пожалуй, успокоилась душа примитивом: не являются ли мои вечерние–утренние монологи–кукиши перед руководителем, перед лодырем, перед алкоголиком тоже своего рода алкоголизмом. Только длится моя болезнь каждый раз не дольше двух–трех утр и вечеров и не требует опохмелки. Значит, мне еще крупно повезло. Ибо несколько дней до очередной жизненной пакостёнки я живу в радости. У чистого алкоголика такой радости

вообще нет.

А ДУША–ТО МЕЛКОВАТА

Вчера появилась из гостей бабуля. Принесли с Сережей дров, на кухне напилили, и бабуля кричит из кухни:

– Сережка, давай таревку, супу тебе налью!

Из кухни слышно только в мою комнату. Бабуля и кричит — для меня, чтобы потом уж лично подчеркнуть: «Теперь люди куска хлеба человеку не подадут!»

Чтобы еще раз клюкнуть жадину, бабуля выходит из кухни, останавливается у моих дверей и снова напоминает Сереже про «таревку».

Бабуля и мне бы с радостью налила эту «таревку», но мне – прости меня, Господи, – даже блина из ее рук не проглотить. Я как сейчас вижу: бабуля вытащила кость из унитаза, потерла руки о фартук, и отправилась пить с Сережей чай с блинами и «боранками».

Приятного ей аппетита. Какое счастье, что есть на свете люди не безгливые.

Вчера купила второй пяток килограммов семечек для синичек и, такая умиротворенная, пошла искать приличных яблок. Яблок не было, но в первом же магазине имелись семечки по четыре рубля за килограмм, а я платила по... пять.

В первую секунду пожалела выкинутую пятерку, а потом мне стало весело: по мнению моих соседей я ведь и все пятьдесят выкинула. Посмеявшись над собою, пожалела жителей глубинки: все–таки в городке выбор продуктов больше, и они значительно дешевле.

Еще немного помыслить в данном направлении – и вообще начнешь жалеть, что родилась не в Чехии и не в Норвегии. Но если всерьез, то я лучше буду жить в России в голоде и в холоде, чем в довольстве и сытости где–нибудь за границей.

Правда, меня никуда и не звали.

МОИ ГОДА, НО НЕ БОГАТСТВО

Жду, что меня пригласят на встречу Нового года сестра или подруга.

Могут и не пригласить: слишком часто отказывалась.

Вперед наука.

ГАЛУШКИ ЗЫЛА И РОТИК И ЧИСТ

Наша редакция в пятницу запасалась мукой. На нашей «драндулетке» и по квартирам развезли.

Только Мадам не позволила везти домой. Почему? Да зачем же наша милая сталинистка станет пятнать себя в глазах соседей: возит пропитание мешками на редакционной машине.

Так ведь сегодня все возят, но не так же открыто. Мадам предусмотрительна по–хозяцки: и галушки зыла и ротик чист.

ХРУЩЕВ, КОВЕР И ЛЕТО В ДЕКАБРЕ

Ура! Я проспала. Утром просыпалась, но, не глянув на часы, снова заснула. В доме холодина, а в постели настолько тепло, что приснилось лето. Где– то в прижелезнодорожной школе я почему–то оказалась непонятно в роли кого, потому что сидела за партой. Вдруг входит Никита Сергеевич Хрущев. Все за моей спиной потеряли дыхание. Я тоже не матрос с Авроры. Даже не могу вспомнить: здоровались мы с Хрущевым за руку или нет. Зато отлично отложилось, что он, спросив или заметив мое произношение, с каким–то блаженством произнес: «Во–о–ологда!»

Потом Никита Сергеевич исчез, а где–то на путях зашевелился состав. Я расстроилась, что он не увидит меня из окошка и, не скатав ковер, который тут же по его просьбе выткали для меня, побежала разыскивать состав.

Состав ушел, но начальник станции, видевший отношение Хрущева ко мне, попросил посмотреть новую дорожку, которую он вскоре откроет для пешеходов. Идем мы с ним, а вокруг такое лето благоухает, а на моих часах половина девятого.

Собираюсь и одновременно «вооружаюсь» – если редактор сделает замечание, отвечу: «Вы полтора года опаздывали, но я молчала!»

Вооружилась я понапрасну. Редактор прибежала в наш кабинет только через пять минут с приказом: «Сделать по информации!»

Информации делать не стану. Пристанет, отвечу: «Пусть Паша делает подборку информации раз в неделю из своих администраций полтора года, тогда станете приказывать мне!»

РЕДАКТОР ГАДИТ ПО МЕЛОЧАМ

Наташа второй раз ставит на место машинистку. Жду большой грозы.

Этот редактор–де–факто приказала Наташе:

- Собери деньги! У Мадам день рождения!
- Почему? Мне неохота, а профсоюзник у нас В. В.!

Машинистка одарила трепещущую Наташу тем взглядом, который стоит рубля, и стала собирать деньги сама.

Империя на глазах рушится.

Стоило ли мыть шею, если «гости» не приехали. Приготовила столько тайных мини и макси монологов, а планерки в понедельник не было.

Секретарь по–прежнему «уволен». Помощник из соседней редакции не прибыл или не зван. О Наташином секретарстве редактор не заикается. Сама за четыре года редакторства, постоянных «полетов» по стране и области отвыкла работать систематически. И вот итог: у нас сегодня не выходит газета.

Редактору не хватило времени на макетирование в пятницу или в субботу, а денежки уже получила за обе должности. Если бы она относилась хоть чуток уважительнее к своим «дуроломам», то и бог бы с ней и ее приработком: все–таки сама не старуха и дочь в невесты смотрится.

И вот при таком–то раскладе дел она вчера приказала нам с Наташей сделать по информации и срочно. Наташа мгновенно сделала три, я – ни одной. Но приказание редактора кабинетом нашим перекрыто, а газета не вышла.

Опять отвечать на сердитые звонки. Опять лгать. Ведь не скажешь добрым людям, что у нас секретарь алкоголик, а редактора как и назвать – не знаю.

Вчера Мадам отмечала в коллективе день рождения, и редактор не преминула «плюнуть» в ее «денрожденческое» настроение.

Мадам приготовила горячее с расчетом, чтобы все пообедали в редакции. Газеты все равно нет. Типография отпущена, но редактор запретила садиться за стол к Мадам раньше конца рабочего дня.

ЖИЗНЬ ПРОСТА, КАК ВАЛЕНОК

На моих глазах редактор и Мадам, в пику друг другу выращивают из взрослой девушки Оксаны нероботъ, а я только констатирую факт. Мне стыдно, но я давно решила держаться на расстоянии и от редактора, и от Мадам. Они страшно похожи. Обе же отлично понимают, что первая работа Оксаны навсегда определит ее трудовое лицо.

Паша после вчерашнего дня рождения пришел после обеда. Это никого не удивило. Зато опоздавшая Наташа была встречена с шумом и грохотом.

У нас с Пашей параллельные телефоны, и я сначала отвечала на все звонки, но меня достала директор КБО, многократно попросив непременно передать Паше, чтобы он ей позвонил. Ответила: «Извините, но я не знаю, когда он появится, как же я вас стану обнадеживать?» И после этого не брала трубку.

Как все в этой жизни просто решить: не бери трубку.

Во трудятся, братцы–славяне. Побежала в магазин «Оптика» за материалом в десять утра. Пришла на работу, а здесь только Валера и Мадам, да шофер успел подъехать. А день газетный. Пожалуй, вся типография искренне обрадуется, если редактор вернет опального секретаря.

Наташа на досуге рассказала заключение истории «по судохождениям» отличного специалиста, детского врача. Его на улице оскорбила группа доармейцев. Они над ним издевались. Врач потом пошел домой, взял ружье, и застрелил одного из расслабившихся в сексуальной истоме насильников.

Судебное дело тянулось годы. Появился новый закон о материальном возмещении, и родной российский суд вынес окончательное решение: заплатить матери расстрелянного насильника пятьдесят тысяч.

Наташа подсчитала: нищему медработнику придется положить зубы на полку вместе с женой и детьми лет на пять.

Прости меня, Господи, но я считаю, что мать юного насильника взяла грех на душу. А на днях повесился муж этой женщины. Вся эта история слишком тягостна. Я умолкаю, оставаясь при своем мнении.

Я решила не подавать в суд на нашего пьяного секретаря, если он не найдет четыре моих материала. И стану при этом дважды нехороша: не сдержу перед собой слово и не перечислю полученные от секретаря деньги в отделение детской больницы для детей–отказников.

Там я познакомилась с главным детским врачом и определила его перед Наташей Человеком с большой буквы, не зная, какой ад он носит в своей душе годы и годы. Зная, подчеркиваю – будь я в возрасте комсомолки, стала бы делать жизнь с него.

Нашему коллективу надо молиться на редактора: только начало первого, а в редакции шаром покати. Паша вообще «не показались» в привычном для него ритме с десяти и до двенадцати. Мне опять пришлось беседовать с директором КБО, которой надо срочно дать информацию на радио о поступлении новых материалов, о краткосрочных исполнениях предновогодних заказов...

У меня свои заботы: получила три отличных материала от Три А». Хорошо бы редактор дала ее вести все в одном новогоднем номере. Нашей бы сырушке и серушке иметь с десятков таких дельных корреспондентов в разных концах района, другого секретаря с редактором, и при этих журналистах газета играла бы всеми цветами радуги.

ПОЗДРАВЛЯЮ С НАСТУПАЮЩИМ

Хоть бы не было войны: редактор пришла на работу раньше меня, но и я сегодня впритык притепала.

Валера «роет землю копытами», не выходя из фотокамерки. Это тот случай, когда уместно сказать: на Шипке все спокойно, сырая и серая районка хороша и без снимков. Кольнет сердце только в тот момент, когда читатель, рассерженный переносом газеты или программы на день–два, скажет: «Выписываю вашу газету только из–за программы, и той не можете по–человечески напечатать!»

Что тут скажешь, если самое обидное справедливо выдано. Поэтому всю предновогоднюю неделю лепечу в ответ: «Вы лучше позвоните редактору, а я вас поздравляю с наступающим!»

Редактора застать на месте не легче, чем вчерашний день на улице встретить, но человек слегка расслабляется, иногда и поздравления для меня тоже не пожалеет.

С КЕМ ПОВЕДЕШЬСЯ

Ездила на Новый год в Череповец, к сестре.

Странно: всегда не любила праздники. Раньше потому, что, лишившись обыденной работы, чувствовала какую–то пустоту. Сегодня эта пустота обозначилась – одиночество. Оно и погнало меня в Череповец. Дел–то хватило бы, но личные дела радуют только

тогда, когда вырываешь для них время из рабочих будней.

В Вологде на вокзале впервые почувствовала, что «из деревни»: там какой-то умник оставил открытыми только двери, выходящие на перрон, а ведущие в город перекрыли все.

Зимы и раньше бывали холодными, но таких новогодних подарков пассажирам не делали. У меня хоть багажа нет, а каково тем, кто обвешан авоськами, с надеждой дергает следующую дверь, чтобы потом обреченно тепать до следующей. И так – по периметру немаленького вокзала до перрона.

Второй раз стало стыдно за Вологду в магазине овчинно-меховой фабрики: к большинству грубоватых, но теплых северных дубленок пришили нежнейшие белехонькие песцовые воротники. Пожалуй что и в старину творились подобные глупости, а то откуда же пошло выражение: идет, как корове седло.

Сама я тоже дважды «потеряла лицо». Пальто в вагоне повесила на плечики. Мой земляк из Вожеги пожелал открыть именно ту полку, где висело мое пальто, и таким образом притиснул к стене мое новое ламовое, как какую-то затрапезную фуфайку. Мне стало до слез обидно. Держа свое драгоценное пальто на коленях, тихонько сказала: «Пусть кто-нибудь сделает вам так же, и вашим детям тоже!»

Сказав, испугалась: уж сколько лет и подумать что-нибудь дурное в адрес человека не позволяю себе. Жена земляка, вероятно, испугалась за детей и попросила мужа не трогать полку. Он подчинился, ласково спросив: «А ты свое пальто не помнешь?»

Она ничего не ответила. Пальто того не стоило, но настроение было у всех испорчено. Земляки улеглись, а я сидела, держа свое драгоценное на коленях, и потихоньку исходила злостью и стыдом за свое новогоднее пожелание.

В Харовске ко мне притиснулась женщина: «Буду сидеть, пока меня проводник не устроит!» Я, все еще страдая от оскорбления, поднялась: «Вы сели на мое плацкартное место, а я стану ждать решения проводника?!»

Я слегка, но решительно дернула женщину за рукав. Она вскочила. Я открыла среднее место, чтобы лечь, не замечая, что угол шубки женщины притиснут сиденьем.

Таким образом, я держу конец сиденья закрытым, а женщина пытается открыть его. И обе мы правы в своей неправой правоте. И усилия обеих тщетны, пока женщина не вскрикивает: «Вы же порвете мне шубку!»

Сиденье я отпустила в тот же миг, но стыда и раскаяния в душе моей не было. Словом, я была в стане «вульгарис».

Уходя, женщина сказала: «Будь ты проклята!»

Череповец тоже сразил. До отхода поезда было время. Пошла прогуляться по привокзальному парку. Он зарос крепкими молодыми деревьями. Давно ли был шум и крик на всех перекрестках Череповца: «Только и умеют у нас, что уничтожать!» Власти настояли, старые деревья убрали.

Сделав один прорез парка с запада на восток, намеревалась прогуляться еще не раз с такими светлыми мыслями о череповецкой своей молодости. Мне навстречу шла молодая женщина с собакой. Собака была необычайно красива: средних размеров, черная как уголь. Особенно хороши были ноги: длинные, тонкие, в красивых пушистых «опорочках». Я еще любовалась красавицей, а она, неслышно обойдя меня, прыгнула мне на спину и стала там усиленно елозить.

Мы не в бане, изнасилования бояться нечего, но ощущение отвратное: ясно, чем занимаются в стенах квартиры хозяйка и собакин. Еложение длилось секунды. Подбежала растерянная хозяйка, и прямо на моей спине огрела насильника поводком. Едва ли человеческий муж после такой ласки станет вилять хвостиком.

Дома, где-то ниже талии, нашла маленькое белое пятнышко. Возможно, собака вдохновило мое новое ламовое пальто, которому не повезло дважды.

Вот жизнь пошла: все время придется сжимать пространство свободного передвижения. Раньше в парке могли помешать только хамы и алкоголики. В этом полку

теперь прибыло.

СЕКРЕД

Секретарит у нас по–прежнему редактор – секрет, значит. Планерки не проводятся. В газете полно ошибок. Наташа похвалила зарисовку Валеры. Глянула – прежняя голубая муть, подправленная редактором, вероятно.

Неплохой новогодний этюдик Наташи секрет дала такой кирпичной, что читать его можно только под пистолетом. Под пистолетом же читаются и стихи Валеры в последнем номере года:

«Написаны тома о вас
Романов, повестей страницы.
Но дрогнут бледные глазницы.
Когда припомнится сей час:
Горячий бой, вперед бросок,
Оскал фашистского солдата.
Уж не грохочут автоматы,
Калеча у полей лесок...
Там памятник стоит
Друзьям вашим погибшим
Одет в шлифованный гранит.
Заря над лесом, словно
Отблеск боя. Не надо вспоминать,
Но стоит...
Душа по–прежнему болит...»

В первом номере нового года литературная страница, где стихи Александра Роскова, члена СП, пусть и не «фонтан», но написаны чисто. Что касается Паши, Валеры и местного автора, то они просто рифмовали для души. В стихах Паши есть чисто русские строчки, но есть и такие, которых от него ожидала:

Солнцем и ветром оваян,
Сжился со стадом коров»;

«Что сами мы не те, что прежде – Печать судьбы поверх лица.
Но мать в пленительной надежде
Как прежде, ждет нас у крыльца».

Мне надо бы радоваться власти секреда: который день работаю вразвалку. Запас есть. Мои материалы относит секретку Наташа. Вчера секрет спросила: «Н. П. совсем не хочет ко мне заходить?» Я об этом как–то не думала, но, оказывается, и впрямь заходить не хочу.

Перед выпуском новогоднего номера она сказала: «Валера погряз в добывании продуктов!» Пусть так, но в новогоднем номере у него большая подборка информации. Качество их обычное для Валеры, но ведь мужик пахал, когда о нем так дурно отзывалась секретдша.

Продукты добывались нам же.

Наташа попросила редактора поместить поздравления маме своей подружки. Редактор: «Только за плату!» Отлично, если бы сама она была столь же щепетильна по отношению к редакционным средствам.

Наташа завтра должна быть в Москве, в МГУ, куда приглашаются будущие абитуриенты. Пора, пора бы ей получить диплом. Сама–то поступила на три года позднее

ее теперешнего возраста. Моя дорога к вузу была слишком не прямой. Пусть пути–дороги других будут заметно ровнее. Пусть.

Сходила в Сбербанк. Могу положить свои две с половиной на год за 75 процентов, или по сертификатам – на 90. Я–то, спроста, рассчитывала на все 120. Так хочется скопить за счет вологодской квартиры на какую–нибудь часть домика, чтобы топить печку, пока есть силы носить дрова и воду.

Прости меня, Господи, что мне сейчас так хорошо живется и не наказывай в будущем. Разве я так уж много хочу: сидеть у огня топящейся печки.

Вчера Рубцову исполнилось бы шестьдесят.

Наш секрет уже стопталась. Во вчерашней газете некролог бывшему заврайфо озаглавлен – «жил, не боясь». Ох, и дала бы прикурить она бывшему ответсеку за такой шедевр! И не менее за фото пожилой четы. Я не сразу и заметила эти несколько пальчиков, дотянувшихся до плеча мужа через его погрузневшую фигуру, которые стали на плече просто белым пятном. Зато Валера, значит, вышел из декабрьского подполья. Теперь станет изредка клепать что–нибудь и на благо родной газеты.

«ЖУЛЬ»–ОПРОСЫ

Мадам, благодаря высокой прическе очень эффектная женщина, если молчит. На той планерке, где нашу роднушку назвали «бульварным листком» я, разойдясь, сказала что–то примерное: «Пиша о людях глубинки...» В президиуме сидела подруга Мадам. И на первой же планерке после того совещания Мадам спросила: «Что ли надо говорить «пиша»?»

Кажется, у секрета с Мадам что–то вроде перемирия или хотя бы временной передышки. Пусть, все одинаково хорошо. А что же плохо? Наша газета увлекается жульничеством. «Жуль»–опросом. Изредка его делают Оксана и Наташа. Однажды редактор сказал мне про эти «блиц–интервью» Оксаны: «Наверное, сама придумывает?» Я, машинально: «Ну и пусть, лишь бы было интересно!»

«Жуль»–опросы теперь у нас постоянно. В новогоднем номере сама редактор «жульопросила» на доброй половине второй полосы. Но экспресс–интервью Мадам редактор высмеивает второй год. У нашего бедного пахаря почти все можно осмеять. Она отчего–то не думает над тем, как будет смотреться ее добросовестный опрос на страницах газеты. Задает пятерым или шестерым из местного руководства примерно столько же одинаковых вопросов. Ответы многих состоят из отрицания или утверждения. Если по радио эти «да» или «нет» неплохо слушаются, то в газете они абсолютно неинтересны.

Эти же блиц–опросы в соседней газете срабатывают на полную катушку: задан был один горячий вопрос, есть фото отвечающего человека. Есть и приличное число подписчиков. Правда, в соседней газете все четыре корреспондента грамотные. Корректор – и корреспондент на полставки он же – вообще журналист не районного масштаба.

«ЕГО ЖЕНА»

Одним махом «проскочила» роман «Его жена» Эммануэль Бернхайм. «Через месяц после выхода книги роман получил одну из самых престижных литературных премий – премию Медичи, что выдвинуло Бернхайм в первый ряд современных французских писателей». Немного успокаивает в последней фразе слово «современных», да еще «одну из самых престижных», а не самую престижную. Все–таки «Его жена» сработана уж слишком для массового читателя. То, что в предисловии сказано: «искушенный читатель ...разгадает философскую подоплеку изощренно выстроенных притч», – то это еще бабушка надвое сказала.

После чтения «Его жены» в памяти остаются какие–то мусорные обрывки от количества презервативов до желтых пакетиков, в которых оные содержались. Все остальное старо и вечно, как мир: женщине необходимо рядом крепкое мужское плечо.

Может быть, «Его жена» искажена переводом.

С моими глазами тоже творится что-то неладное: Чарльза Буковски глаза читать не хотели, а Бернхайм – только пока.

НЕПОНЯТНОЕ СЧАСТЬЕ

Радостное ожидание чего-то, начавшееся еще в пятницу. Перечислим возможные радости: придет положительный ответ из журнала «Север», пришлют деньги за дрова, выдадут гонорары за оба месяца... Или случится что-нибудь крайне неприятное, поэтому душа просто старалась полноценно отдохнуть в ничем не омраченный день.

В субботу бабуля опять вернулась из ночевки сильно «хлестанутая». То ли ее сына похлестали в пьяной драке, то ли вообще порезали, то ли невестка его опять неприлично «погладила». Злоба бабули требовала выхода, а тут ее собутыльница с первого этажа сообщила: У Сережи были гости с ночевкой, и бабуля залетала с причитаниями между кухней и моей комнатой:

– Да ты что, Сережа, думаешь! До добра пьянки не доведут! Вон моего сына всего изуродовали...

Сережа, съевший у бабули толику сухарей и много тарелок супу с кашей, молчал или негромко «дакал».

Бабуля разрядилась, но ей был нужен триумф с моим участием в воспитании Сережи, и бабуля подскочила к моим дверям:

– Павловна, ты была дома, когда он привел алкоголиков?

– ?!

– Павловна, ты...

Я молчала, потому что бабулины сынки за эти месяцы достаточно пооставляли пьяной мочи с тошнотой в нашем туалете. Сережа привел пьянков первый раз.

Ничто не ранит человека сильнее пренебрежения, и бабуля, не услышав моего голоса, еще резвее залетала между кухней и моей комнатой, но в ее причитаниях появились новые нотки: «Пойду в домоуправление, что и за квартира у нас! Мы – две женщины, придут пьяные и убьют нас...»

Чуть позднее бабуле пришлось причитать еще раз. На кухню я теперь не хожу и не убираю там. Она у них предельно загажена. Сережа только пилит на кухне дрова и ест, если бабуля приходит. Бабуля не дождалась меня и помыла кухню, и запричитала: «В уборщицу меня превратили, в уборщицу!»

Бабуля плохо видит, поэтому залила чаем весь унитаз. Раньше я молча протерла бы, а сейчас вышла в коридор:

– Товарищи, кто запачкал унитаз – помойте!

Сережа чай не заваривает, поэтому в коридор вылетела бабуля:

– Ой, совсем надо мной издеваются! То в говно носом тычут, то в чай! Пойду в домоуправление, пойду! Скажу, кто живет с пропиской, а кто без прописки! Скажу!..

Случись этот разговор до отмены паспортного режима – мои поджилочки зазвенели бы. Бабуля по причине преклонного возраста слегка отстала от быстрогобегущей жизни и не знает, что бьет меня вчерашним козырем. Но сколько же злобы в этом облетающем одуванчике.

Сегодня вообще какой-то дикий день. Пошла гулять, и только и делала, что меняла направление пути. В нашем городишке отчего-то сморкаются оземь не только люди, потерявшие лицо, но и вполне приличные на первый взгляд.

Впереди меня с хрустом сморкнулось несколько мужиков подряд. Успела вовремя остановиться, а потом чуть не угадала под соплю женщины в мехах. Пришлось сигануть в сугроб, иначе бы ее «вожжи» оказались на моем лаповом пальто.

Я тоже хороша: умудрилась сегодня, в праздник, придти на работу. Слишком уж много стало праздников. И смех и грех, но в этом топтании около закрытых дверей редакции есть свое счастье.

ОПЯТЬ ВЕСНА НА БЕЛОМ СВЕТЕ

Опять редактор грозитя навести порядок, но сегодня было и что-то новое – приказано вести подшивку газет каждому корреспонденту. Это может показаться смешным, поскольку газеты подшиваются в каждой редакции, но здесь даже такое не было принято.

Приказано корректору вести подшивку трех центральных и нескольких районных. Это естественно для всех редакций, но здесь...

Корректор занервничала: загружена письмами. Редактор не стала миндальничать: «Вы отказываетесь от регистрации писем?»

Кто же в наши дни откажется от того, что можно сделать в обычный рабочий день и за дополнительную плату, имея при этом свободного времени с гору Казбек.

На планерке сидел новый ответсек. Меня часто упрекают в твердости характера. Боюсь, что у этой женщины характер из самых тугоплавких металлов. Я через неделю после смерти мужа не понимала, для чего у меня в руках ложка с супом. Она уже собирается напаять на себя такой неудобный хомут.

Ее редактор приглашал в секретари давно. Муж ее имел приличный пост в торговле, сама она занималась коммерцией. Первое впечатление расплывчатое. Но ее установки на будущее нашей газеты напоминают далекое прошлое, когда она была здесь корреспондентом.

Только хотела написать, что в редакции стало на одного пьянка меньше, но как отринуть память: на юбилее газеты наш новый ответсек была отвратительно пьяна. Значит, этот вопрос остается открытым, но, может быть, она станет делать интересную газету или хотя бы грамотную.

Представляя ответсеку корреспондентов, редактор: «В. В. ведет промышленность», «Наташа запомнилась по криминальной хронике и «по пожарам». «Н. П. должна вместе с Пашей вести село».

О Мадам ни слова. Мадам почти сразу же сцепилась с редактором: «Надо требовать полное использование отпусков!» Все, кроме редактора, так и поступают. «... надо требовать вести из администраций от всех!» Все и делают, кроме Оксаны и Паши. Оксаны не было, а Паша сидел рядом с Мадам и чернел лицом. Что ему не стыдно ходить в содержанках – понятно. Но отчего он так не любит себя? Сделать строчки много же легче, чем быть пинаемым па каждой планерке.

Мадам опять сделала «материал века» – о свалке. Там не было главного: общения с людьми, которые копаются на свалке. «Бить» Мадам не хотелось, но она так форсисто подавала еще не написанный материал, что я не удержалась от критики.

Со мной по части писания материалов Мадам давно не спорит, но подчеркнула: «Писать же об этом надо?» – надо, но короче. А называть несчастных женщин, роющихся в мусоре «дамочками» – неприлично.

Редактор, довольная сверх меры: «Н. П., вернитесь снова к этой теме!»

Сердце в пятницу радовалось не напрасно: Наташе понравилось на дне открытых дверей в МГУ. Редактор пообещала выплатить гонорары за оба Месяца. Спасибо редактору хотя бы за то, что она не взяла нового ответсека сразу же после презрительных слов нашему прежнему пьянку: «Замена тебе есть! Наташа!» Мы с Наташей давно «переживали» вероломство редактора и, скрепя сердце, успокоились.

Валеру на этой планерке практически высекли. Редактор привычно запела:

– Фото не контрастны, их мало...

– Пусть скажут корреспонденты, что им надо снять...

– Ты должен был потратить три пакета пленки. Бухгалтер сказала, что взято десять.

Вместе с ответсекком сделайте ревизию всего, что осталось. И снимать будете оба, – чьи фотографии окажутся лучше, тот и останется фотокором на полставки.

Все слова, слова, слова. Пню ясно, что дни Валериного приработка сочтены. Но каков наш редактор? Можно подумать, что она два года не знала, чем занимается наш Валера за дверями фотокаморки! И куда поставляет продукцию.

Сказать по совести, мне претит, когда журналист на планерке занимается правкой материалов. Валера всю планерку читал и почеркивал свои шедевры, это при его-то развитии. И при усиленной атаке, которую вела редактор. Она заодно уж отхлестала Валеру и за то, что не сделал ни одной страницы. Оксану же так расхвалила за страницы, что Наташа шепнула мне по горячим следам:

– Она ничего, кроме страниц, и не делает!

А в это время редактор неизвестно в который раз повторила: «Н. П. – единственная в авангарде соревнования по поездкам в командировки!»

Так хочется, чтобы в газете появился хоть какой-нибудь заваливающий порядошонок.

После общения с Мадам даже в спокойных и дружественных тонах мне стало дурновато. Еще раз убедилась, что эта розовощекая «вампиристка» мою душу.

Редактор попросила задержаться Наташу:

– Почему Н. П. не хочет идти в твой кабинет?

– ?!

– Тогда посажу Оксану к Н. П., а Паша к тебе сядет!

– Мне все равно, с кем сидеть!

А я в это время беседовала с адвокатом. У нее отличное произношение: «На’лила чаю». Мне с ней легко. Оказывается мимо газеты идет масса интересных материалов. Договорились с ней о первой теме: права подозреваемых, задержанных, обвиняемых...

А вскоре эта интеллигентная женщина дважды предала меня редактору...

БЫТИЕ И СОЗНАНИЕ

Редактор на планерке пренебрежительно (кто бы поверил, что она обреталась в райкоме партии не в роли уборщицы): «Кандидат от коммунистов, единственный из всех должен редакции восемь сотен!»

Вчера наш Сережа что-то продал из своей комнаты за бутылку. Продавать там давно нечего, и бабуля встала стеной на защиту Сережиного имущества. Кричала у моих дверей так, что барабанные перепонки скрипели. Моей реакции не последовало, а Сережа все равно унес и продал. Бабуля причитала не переставая: «Что и за квартира!» И настолько достала меня, что я тоже забеспокоилась о своих фандугасах. С нашего Сережи после дела можно будет взять только кукиш с маслом, если ему или его приятелям вздумается порезвиться на моей территории.

Вот уж действительно: бытие определяет сознание. По радио звучит реклама, где есть слова: «... Вспомните, какие солнечные были дни...» Вместо солнечных» послышалось «Сволочные». Таких ассоциаций пока еще не бывало. Городок доконал.

Вчера у Наташи хватило ума метать бисер перед директором типографии, который за то, чтобы «всех этих чеченцев!» Наташа после поездки в МТ У вся в сумятице счастья, – это нелегко. В таком раскрепощенном настроении заговорила с Пашей, чтобы он сделал материал из жизни гомосексуалиста, нашего штатника. Паша испугался запачкаться! Наташа мне:

– Какой же Паша у нас неразвитый!

В Чечне опять убиты несколько заложников. Диктор: «Если требования боевиков удовлетворят, то они выпустят всех заложников!»

Разве убитые уже не составляют часть «всех»? Воистину: «Вставай, вставай, однополчанин, бери шинель, пошли домой!»

Наша газета по-прежнему неграмотна, хотя сегодня ее делали секретарь и редактор вместе. В заметке майора, журналиста, – «стоит любых денег и хоромов». Заголовок на первой странице – «Убийства на... улице Дружбы». Наташа еще добавила тонкость юридическую: совершены два убийства и одним человеком в одном месте, поэтому грамотный во всех смыслах заголовок таков: «Убийство на улице... Дружбы».

ОДИН «ЛОБ ИСЧЕЗ»

Задолжала родному коллективу 336 строк. Запас заметно больше. Живем – не тужим. Зато четыре моих статьи теперь спросить не с кого. По отдельности оба начальника успешно отчитались. Надо было спросить обоих, лоб в лоб, но теперь один лоб исчез.

ВОИТЕЛЬНИЦА МАДАМ

Редактор обрадовала: «Опять значительно повышен гонорар!» Прошлый год при таких словах мы только что не кричали «Ура!» В этом году никакой реакции – поумнели. В прошлом году вместо примерно первоначальной сотни гонорара круглогодичные пахари Мадам, Валера и я получали в середине года до трех сотен и выше. Потом гонорар утекал куда-то настолько, что и в сентябре денег на него просто не оставалось.

Наташа тоже обрадовала: «Сегодня дадут премию в честь Дня печати!» Ставку. О гонорарах молчат.

Получили денежки. Купила сливочное масло и копченую селедку – Праздник. За стенкой коллеги отмечают День печати. Наташа, Оксана и я – Ушли домой. Хорошо, что все мини-пьянки перенесены в кабинет Мадам.

Один свой устав в монастыре редактора Мадам все-таки закрепила: прошлый год на День печати редактор благословила каждого такой премией, какую ставку с приработком человек имеет. Судя по величине премии, самыми нероботами оказались мы с Мадам: у нас и по сей день нет приработка.

В этом году Мадам откуда-то узнала о величине премии до ее получения. Подняла страшный шум, пригрозила пойти в администрацию. Меньше Мадам получили корректор, Наташа и Оксана, остальные – чуть больше.

Наташа второй год при начислении праздничной премии выдает мне свое возмущение редакторским произволом: «Нечего себе, я ежегодно теряю сотню!»

Мне весело: мы с Мадам, не имея приработка, рядом с ними ежегодно теряем по тысяче. Еще веселее становится, если вспомнить, что неробот Паша спокойно кладет в карман эту тысячу, прирабатывая на радио.

ВСЕ КРУТИТСЯ, НО МУКА НЕ МЕЛЕТСЯ

Вчера гуляла по старым улочкам городка и умилялась до слюнооточия: вот такой бы домик мне приобрести через два года... А этот можно спокойно поделить на двух хозяев...

Наташа привезла из Москвы газету «Московский университет». В статье доцента кафедры гражданского права юридического факультета Е. В. К. – «Браки заключаются на небесах, брачные контракты – у юриста» осеклась на первой фразе: «Запад все активнее покушается на наши права и свободы». О каком «покушении» идет речь, если нас за уши тянут в цивилизованное общество? И совсем уж оскорбительная фраза: «Очень рискованно обращаться в расплодившиеся повсюду консультации...» Слово «расплодились» более уместно для обозначения приплода крыс и тараканов – так-то доцент обласкала своих бывших воспитанников.

У нашей газеты, кроме внештатника Е., практически нет помощников, но мы и не стремимся приграть нового автора. Звонила «Три А», ее хорошие материалы подготовлены задолго до нового года. До сих пор лежат. Посоветовала «Три А» позвонить редактору. Это унижительно, и газета теряет автора. Требовать место в газете, как это делает Мадам, считаю унижительным для себя. И не вижу здесь положительного начала.

Сейчас меня дважды «поцеловали» собаки. Собачка из среднего подъезда слегка и от радости постоянно открываю ей двойную дверь. Ее подружка за компанию так долбанула меня по губам, что моя пломба присвистнула и малость хрустнула, а я невольно вскрикнула: «Ты же мне зуб выбила!»

Игрун еще несколько раз пытался повторить «зубодробление». Зато мой друг стоял рядом и молча просил прощения. Да, да, – его взгляд был настолько осмыслен, что я теперь не удивляюсь фразе «умная собака».

На досуге с пристрастием прочла январскую газету. Новому ответсеку не

позавидуешь: даже в заметках Наташи две «ляпы», перечислять «закавыки» Мадам, Валеры и Паши – времени жалко.

Машинистке и Паше достаточно «указано» свое место, если редактор еще раз заведет речь о переходе в кабинет Наташи – подчинюсь.

Сегодня утром развеселилась: заметила, что походка у меня стала какая– то стариковская. Поправилась. Теперь стану при ходьбе напоминать марионетку: забудусь – пойду по–стариковски, одумаюсь – подберусь. Только теперь уж едва чем могу себе помочь: заметила, что каждая часть тела произвольно дергается сама по себе: одно плечо торчит в одну сторону, другое – наоборот. Руки живут отдельно от плеч. Талия ломается на части. Ноги идут вперед, в стороны и назад почти.

Мне весело. Вскоре буду точно соответствовать давно слышанной грубоватинке. Внук, куда–то торопясь, злится на старушку:

- Бабуля, ты шевелись!
- Я–то тороплюсь, да ноги не спешат.

Мы тогда с внуком переглянулись и расхохотались. А теперь и сама вскоре стану напоминать ветряную мельницу в ураган: все крутится, но мука не мелется.

Прошла планерка: прочистили Валеру и меня. Валеру чистить бесполезно, его не надо было брать в газету. Валера даже не знает, что значит «базовая школа». Он просто не понял или сделал вид, что не знает, за что его ругают, но когда редактор снова подчеркнула, что коммунисты не заплатили за выборные материалы, то Валера, как в театре, пробурчал в сторону: «Да, коммунисты бедные, они певичек по стране не возят!» Это шпилька в адрес кандидата от журналистов с его великолепной концертной бригадой.

Редактор тоже не права, запрещая Валере свои общественно–политические заметки подписывать: зам. секретаря компартии района по идеологии. Материалы за моей подписью чистить едва ли придется, но секретарь взяла два письма, мною подготовленных. Тут уж меня не свернуть: приносит редактор письмо, правлю по ее рекомендации – взять суть, какой–то один момент... Присылают мне письмо – то стараюсь сохранить в нем автора в чистом виде. Слегка брезгую, когда из приличного письма делают сладкую мармеладку.

Редактор была в своем репертуаре: «строчкогонь», «жлобы», «васи»... Особенно всех утомил Паша, когда запутался с начальником РОВД. Вопрос был поставлен конкретный: когда? где? что? А тот бедный начальник то обещал дать Паше информацию, то большой материал. То, возможно, не сделает на четверг, то, возможно, не успеет и на субботу...

В это время я глянула на ответсека: она слушала Пашу с таким видом, точно бы по–матерински предлагала оторвать для него собственного тела. Мы с Наташей переглянулись. Секретарь:

- Н. П., вы так иронично улыбаетесь!

На планерке я промолчала, а зашла чуть позже:

– Прошу не делать мне замечаний с высоты кресла ответсека. Как мне улыбаться – без вас разберусь! Мне не семнадцать!

- Давайте на первый раз простим друг друга!

Господи, неужели к нам пришел еще один человек, который станет «косить под Христа»? Паше снился Христос...

Мадам опять всю планерку тяжеловесно резвилась, вставляя палки в речь редактора. Это легко: редактор второй год выдает словесные копии. Это наказуемо. Редактор тут же и посчиталась с Мадам: женщина выдает замуж дочь, по сему случаю просила редактора выписать авансом сотен пять, – отказано.

Я, получив аванс, устроила себе маленький праздник: сделала стрижку и купила кофту.

Вечером секретарь предложила переделать мне письма самой. Письмо, принесенное редактором, ужала до требуемого строкажа. С присланными «Три А» пусть секретарь поступает, как сочтет нужным. Самый безболезненный вариант – дать рассказы о трех

жителях поселка по отдельности.

МЫ ВСЕ «ЗАЛОЖЕННИКИ»

Редактор, отпахав в таком маленьком районе двадцать лет, не знает, к какой администрации относится С., центр одного из колхозов, теперь акционерного общества. Валера собрался в командировку в С. Редактор:

- Это же не твоя администрация!
- Мгм!.. Мгм!..
- К какой администрации относится С.?
- К Ш–ой!

Валера, беседуя, произносит неоднократно слово «заложников», редактор, высмеивая Валеру, сказала что-то не менее интересное, но я не записала.

Вперед наука: надо приходиться на планерку вооруженной.

Сегодня хороший день: сделала беседу с отличным человеком – Я. И. Д. Он – участник Отечественной с семнадцати лет, учитель, вел в школе кружок технического конструирования действующих моделей машин и электровозов.

Есть два момента, которые не вошли в газетную хронику: в нашем Великом Устюге наряду со старыми названиями и новые сохранены. Счастливые жители Великого Устюга, а я теперь в родной Вологде, как в чужом лесу: почти все улицы переименованы на старый лад.

Окончание блистательной кружковой эпопеи тоже в духе сегодняшнего дня. На всесоюзном соревновании кружков радиоуправляемых электромоделей в Киеве Я. И. Д. занял первое место по скорости движения электровозов, по перевозке грузов – второе. Каждый кружковец получил приличный подарок, на покупку радиодеталей выделено полторы тысячи рублей.

На 700 Я. И. Д. с ребятами, сохранив все квитанции, привезли радиодеталей. Оставшиеся 700 директор школы приказал сдать ему. Деньги пропил.

Вести кружок Я. И. Д. отказался.

И ТОЛЬКО СТЕНА СЛУШАЮТ

Я. И. Д. – мой земляк. Он назвал Пашу пустым человеком. Неужели мои земляки проницательнее архангельцев?

Ответсек, наводя мосты после громкой читки материалов «Три А», несколько раз зайдя ко мне в кабинет, сказала: «За две недели вы ни разу не зашли в мой кабинет, не дали ни одного материала!»

Мы едва отработали под ее руководством шесть дней, для двух недель это все–таки громко звучит.

Разговоры редактора давно всерьез никто не принимает. Обидно, если ответсек тоже станет говорить стенкам.

Наташа отдала ответсеку полторы странички, где она размышляет о ребенке, впервые задавшегося вопросом: «Мои родители бедные люди?»

Ответсек, прочтя, спросила Наташу:

- Ты это откуда–то переписала?

Поздравила рыдающую от оскорбления Наташу с признанием ее способностей на уровне нового начальства.

СВЕТИТ СОЛНЦЕ В КАЖДОЕ ОКОШКО

Сегодня первая мысль после сна: как на экране крупным планом, пункты написания Наташиной статьи о молодом мужчине, совершившем два убийства. Одно – нечаянное, другое – намеренное.

Наташа подметила: редактор запрещает Валере пропагандировать идеи коммунистов, а пропаганду христианства Пашей принимает «на ура». Лично я об этом не думала.

Россияне все время дрейфуют на льдине – чи расколется она далеко от суши, чи нет. Коммунисты 70 лет изгоняли религию, теперь стало все наоборот. Когда–нибудь опять все станет наоборот, но, слава Богу, что солнышко по–прежнему светит в каждое окошко. Это из материала о матери–одиночке: окна ее квартиры выходят на восток. По утрам солнце светит в каждое окошко, за которыми сияют глазенки замороженных солнышек.

Секретарь спросила Наташу:

– Когда подготовишь беседу с убийцей?

– Через месяц! – Наташа шокирована – ей не нравится, когда так называют ее собеседника.

– Это долго, – прерывает строптивные мысли Наташи секретарь, – надо хотя бы через две недели...

Наташе тоже наука: впредь не открывай планы ответсеку. Никакого материала об этом несчастном, всю жизнь плывущем в бытовом дерьме, ни через две недели, ни через месяц секретарь не получит, если материал не будет отшлифован.

Молодой человек, с которым Наташа общалась в комнате свиданий, не смотрелся ни тупым, ни злым, ни диким, ни умным, ни глупым, ни добрым. Это – неплохо сделанная «вещь», влекомая непонятно куда, непонятно за чем по реке, которая зовется жизнью.

Сегодня зав. РОО наивежливейше со мной раскланялся, что мне стало весело. По приезде в район сразу и с удовольствием окунулась в проблемы школьной жизни. Зав РОО один из моих первых материалов не глянулся. Он позвонил Валере и подчеркнул: «... Она вторгается в учебный процесс, ничего в нем не понимая!» И наш Валера не сообразил ответить: «... В учебный процесс учителя начальных классов вторгается тоже выпускница педфака». С тех пор о школе написано много, и постоянно «со вторжениями».

На прошлой планерке было обещано начальством «вычистить» материалы Валеры. В четверг «вычистки» стояли в газете. От Валеры в них осталась только подпись. Ни за что бы не позволила ставить свою фамилию под этими оденками.

Первый материал сделан редактором чисто. Во втором секретарь допустила одну «ляпсусину».

ПОДАРИЛА КУДЛАТИНКА ПРАЗДНИК

Получается, что собаки чувят мои мысли. Иду себе по улице, собачка рядом со мной хватает что-то из снежной кучи и убегает. Думаю: сколь же ты запущена, кудлатинка ты моя несчастная...

Собачка возвращается, кидает мне под ноги вполне приличную косточку и начинает играть с нею: кидает, подхватывает. Беседа с кудлатинкой, слегка подыгрываю: наклоняюсь, тяну руки к косточке, осторожненько, чтобы за нос не хватанула.

Собачке настолько нравится общение, что она несколько раз перекачивается колесом около своей косточки. Голос кудлатинка ни разу не подала. Начинаю понимать пожилых людей, которые говорят о своих питомцах: «Она только сказать не может, а все понимает!»

Моя кудлатинка явно думала: «Что толку, что ты умеешь говорить. Вот идешь по такой красивой улице и ничего не замечаешь, потому что все время перемалываешь, что сказал тот и что ответил этот. Мне все эти сказания до косточки. Я не только сама в жизни в каждую секунду радуюсь, но вот и тебя повеселила!»

Кудлатинка вскоре исчезла почти незаметно, но праздник в душе остался.

СЕКРЕТАРЬ СТАРАЕТСЯ

Макет субботнего номера, по словам Наташи, традиционен. Мало в этом понимаю, но макеты редактора были как–то светлее, что ли... А тут привычное для пьяного ответсека, но ведь старается же, старается новый секретарь.

До начала планерки меня завели Валера и Мадам. Валера разговором о чеченской войне. Мадам сделала два сообщения: в этом тихом райцентре на днях позвонили в

администрацию: «Через ...цать минут ваш домик взлетит на воздух. Спасайтесь!»

Информацию Мадам о звонке в администрацию редактор отменила. Вторая зарезанная информация Мадам: в крупных организациях городка ведут агитацию за оставление Ельцина президентом на второй срок после июньских выборов. Женщине, руководящему работнику железной дороги, сказали: «Не станете вести пропаганду в поддержку Ельцина, подумайте о новом рабочем месте!»

Возбуждение Валеры и Мадам прошло и меня, и я глуповато пролепетала на планерке: «Если надо, то я в понедельник утром принесу еще какой-нибудь материал из командировки». Глупо, глупее не придумаешь. Зачем мне приносить какой-нибудь поторопленный материал из командировки, если этих материалов на вторник у меня с избытком в секретарской папке.

На планерке редактора не было, поэтому много командовала Мадам. Планерка шла в русле подсчета строк, начисления гонорара... Выяснилось: Паша у нас стал буквально передовиком января. Материалы, оставляемые редактором для страницы «Откровение» в течение нескольких месяцев, все зачтены Паше. При таком раскладе можно назвать лодырями скорее нас с Мадам, чем Пашу

На прошлой планерке редактор и Валера добрый уповод выясняли: в чью сельскую администрацию входит деревня С. «Ребенок утонул» в разговоре. 13 командировку Валера так и не поехал. Он понял, что редактор не хочет этой поездки, потому что «село» ведет Паша.

Отлично. Паша ничего не пишет. Валера не поехал. После командировки в Л. непременно съезжу в С. Заметано.

Мы станем делать обзоры газет. Опомнились. Сейчас далеко не в каждой районке этим уж и занимаются. Просили сделать первый обзор меня. Сказала: «Сделаю только в том случае, если каждый сотрудник станет пахать в каждый номер, и постоянно».

Пока же делать обзоры неинтересно. Все осталось по-прежнему. Утомляет пустое говорение по одному месту. О своей командировке в Л. сказала не меньше пяти раз: за неделю предварительно в начале планерки, потом была вновь подвергнута допросу в конце той же недели, сказала еще отдельно секретарю в кабинете, а на вчерашней планерке опять несколько раз уточнила: «Встречусь с начальником отделения, зайду в школу-сад...»

Закончила последний материал, который пойдет не раньше середины следующей недели. Зашла в кабинет секретарь и подала мою зарисовку о дежурной по переезду. Зарисовка черна от правок. В первую секунду буквально схватилась за виски: такой черноты в моих материалах и в первый год работы не было. Во вторую секунду занялась анализом и стало смешно. Насчитала больше двух десятков поправок и пошла к корректору за некоторыми словарными уточнениями, а потом еще раз обговорила все правки с моей маленькой грамотейкой. Наташа вся кипит от возмущения: «Я бы на вашем месте пошла и разругалась!»

Я оказалась виновата в двух случаях: просмотрела слово «ситуация» вместо «сигнализация» и заблудилась в словосочетании «отчего-нибудь». Мы с Наташей обсуждали вконец замаранную зарисовку, вбежала секретарь:

- Сколько можно талдычить об одной зарисовке!
- Не смейте говорить мне «талдычить»!
- Это не вам!

Секретарь побежала доносить редактору, а та только что откуда-то «свалившись» на наши бедные головы. И зла невероятно. И на такой же ноте спросила:

- Для чего. Н. П., едете в Л.? Это же администрация Наташи!
- Уж не счесть, сколько раз говорила. Пожалуйста, скажу еще...

Редактора парализует мой смех, и она почти кричит:

- Н. П., не нравится – можете увольняться!
- Скорей всего надо Вам увольняться!

После моих слов редактор вспомнила о бедных синичках, о том, что в декабре расслабилась... Как такое перенести человеку, который на полном серьезе пахал во благо всех журналистов именно в декабре. Смеясь, спрашиваю:

– Это я, выходит, расслабилась в декабре?

Редактору стыдно, спасается криком:

– Не шедевры и писали!

– А зачем вы в таком случае просили писать еще и еще?

Но самое главное в том, что я в течение всего этого пустого словоизвержения несколько раз повторила:

– Это нам уже много раз говорили! Нет времени слушать! Мы пойдем работать!..

А впереди нас еще ожидает стотысячная разборка между редактором и Мадам. Женщина взяла отгулы, но запаса строк впервые в жизни на эти дни не сделала. И редактор, искрясь от злобы, приказывает:

– Если кто увидит Мадам, пошлите ее ко мне!

Все, что говорит наш редактор, смеху подобно! Кто и где увидит Мадам, если ее нет в городе. Допустим, кто-то увидит, но как бедной Мадам, взявшей драгоценные отгулы, застать на месте нашего летуна?

На вечерней планерке секретарь «просила пARDону», неоднократно повторив в мой адрес:

– Взяли бы и зашли ко мне, если с правкой моей не согласны. Ведь всякое случается!

Я, излишне величественно – если вспомнить, что нас с Наташей только что колошматила редактор – молвила:

– О зарисовке все скажу во вторник, на планерке!

Скажу, а толку что?

Дома меня тоже ожидал сюрприз от хозяина:

– Н. П., в феврале мне потребуется комната...

– Раньше лета и разговор вести не стану!

– Ну, тогда в мае...

– Ты напрасно, Сережа, завел этот разговор. Я схожу к первому руководителю НГЧ и попрошу разрешения пожить в твоём жильё до сентября, но это уже будет бесплатно...

СУЕТА СУЕТ

Сегодня бабуля наглядно продемонстрировала: ум и хитрость не родня. Вчера у Сережи ночевала женщина по имени Нина. Вчера был день поминовения святой Нины. Никаких параллелей не провожу: простое совпадение. И ничего страшного не вижу в том, что эта женщина осчастливила моего хозяина.

Меня мутит другое: сколь же плохо жила и живет эта несчастная Нина со своим мужем, если смогла лечь в одну постель с моим хозяином. От него пахнет немытым телом, у него большие и мокрые губы.

Утром бабуля, непонятно для чего хитря передо мной, сказала:

– Хорошо, что Нинка-то рано ушла домой!

Мне стало весело. Хитрая бабуля дважды села в житейскую лужу: сообщила мне имя нашей ночевщицы, а то, что «Нинка ушла рано» – ложь. Поздно вечером, выйдя в коридор, почти столкнулась с фигурой, шагнувшей из Сережиной комнаты. Фигура, увидев меня, юркнула обратно. Сережа в любом виде обратно не уходил: шел по назначению и согласно планам – в туалет, на кухню.

Я не среагировала на экзерсисы бедной старушки, но она что-то почувствовала со своей животной хитростью, и спросила Сережу:

– Говоришь, до полуночи у тебя мужики толклись?

Ум и хитрость – не родня. Бабуля забыла, что сама привычно прокричала у моих дверей с вечера:

– Ну вот, Сережа, твои мужики токо ушли, а моя ахочя следом пришла!

В командировке в Л. запомнились несколько красивых выражений: «Мы не халтные порато» (мы не очень жадные), «Если земля заляснет» (затвердеет), «Я своей коровы в ту деревню не продам, у них пастбища худые, там над ней станут граить» (издеваться, плохо кормить).

Осенью мы сделали совместную командировку в эти края: Оксана, Наташа и я. Мы с Оксаной вышли за материалом по пути, безлошадные. Наташа покатила в Л. И привезла оттуда расширенную информацию о количестве скотины на подворьях, о пустующих домах, о числе фермеров на территории этой администрации...

Информацию дали на первой странице, на «первом» месте. У редактора с секретарем и мысли не возникло, что надо бы основательно проучить Наташу: держишь машину в руках – стыдно привозить одну информацию, на получение которой достаточно десяти минут... по телефону. А вот вчера Наташу отругали непонятно за что: она уже несколько месяцев неплохо пашет для родной газеты.

Тогда же, открывая мне дверцу машины, счастливая Наташа прощепетала:

- В моей администрации тринадцать фермеров!
- А как они работают с землей?
- Я спрошу по телефону!

Тринадцать фермеров, зарегистрировав свои крестьянские хозяйства, получив приличные льготные кредиты и приличный кус спелой древесины, занимаются тем, что вырубают лесок и продают его за пределы района.

Иные, успев ухватить пай в акционерном обществе техникой или купив ее на льготных условиях в том же А, занимаются извозом.

В среднем на фермерскую семью, где ни один человек не работает на производстве, приходится меньше трех коров. Тогда как семья обычного рабочего и пенсионера держит не меньше двух коров. Но на душе фермеров висят гектары, а что с ними? Надо посмотреть земельку, если меня редакция пустит в эту Л., когда сойдет снег.

Что говорили местные жители: часть бывшей пашни фермеры используют под сенокос, на части... выпасают собственный скот, а часть за пять–шесть фермерских лет попросту заросла ивушкой.

Этого издевательства над пашней, если только бог существует, он нам не простит. Почему же я не пишу в газету об этом сволочном отношении к земле–матушке? У меня редактор уже «посеяла» четыре не менее острых материала.

КОНСЕНСУС

Все–таки принесла утром материал на машинку, несчастная трудоголица.

Зашла Наташа:

– Редактор прибежала в пятницу, спросила: «Н. П. разве не приехала?» Читали вашу зарисовку вместе с секретарем!

Читая, «пришли к консенсусу»: раньше секретарь исправила на «... уйдя и оставив», то теперь в газете идет мой вариант: «... уходя и оставляя». И далее все – в примерном ключе.

СОТРЯСЕНИЕ ВОЗДУХА

Похвалюсь: сдала материалы по субботу включительно. Завтра сделаю на вторник. Пишется отлично. Похвалила на планерке Мадам, теперь она утепляет меня в своих танко–бульдозерных любезностях. Валера, взявшийся делать обзор газет, куда–то испарился. Секретарь «обзирает» сама. И дала по сережкам Валере, Наташе и мне – не умеем беседовать с героями материалов, задаем однотипные вопросы.

Я, прости меня Господи, подумала: глупа, как курица. Наташа дала отпор секретарю:

- Если мы будем беседовать с певцами, то и вопросы найдем нестандартные!

Секретарю в ответ сказать было нечего.

Странно, отчего она не подготовит несколько ответных вариантов для бунтующих корреспондентов. Нет достаточной эрудиции, а говорит только для того, чтобы сотрясти

воздух.

После взяла слово Мадам: похвалила материал Наташи о педучилище, страницу Оксаны, а потом капитально «уселась» на мои шедевры. Мадам все пела, а я вдруг почувствовала, что сейчас обзову секретаря «глупой курицей», если не выйду из кабинета.

Извинившись перед сладкоголосой Мадам, вышла.

Сколь же подло я стала думать о людях, работая второй год в этой газетенке, если в пачке Мадам усмотрела только ее желание разжечь меня на рукопашную с секретарем.

Лучше всех был на этой планерке Паша: он за неделю ни одного материала за своей подписью не выдал. Секретарь даже нашла повод отметить работающего Пашу:

– Паша сделал материал, а Валера приносит следом о том же!

Паша с Валерой сидят в одном кабинете, могли бы и договориться.

МОЛОДЫМ ВЕЗДЕ У НАС ДОРОГА

Мы повторяшки. Надо ради интереса напомнить Наташе, посчитаем: сколько раз секретарь повторит про нероботя Валеру и стахановца Пашу.

После планерки зашла Наташа:

– Зря вы ушли, там о ваших материалах было столько хорошего сказано!

– Не сердись, дитя мое, меня давно оценили и не в вашей говенной газетенке!

Наташа принесла на показ отличную мини–размышленку по теме: приходите в телеателье. Отлично. Молодым везде у нас дорога.

Я тоже сегодня выдала редактору шедевр: «Прошу вашего разрешения на то, чтобы не посещать планерки в кабинете ответсекретаря».

Настырная Мадам все–таки сделала в газете одну из своих «горячих» информации: о навязывании народу Ельцина. А наш Валера тут же подготовил информацию «За Ельцина». Информацию Валеры не приняли в производство, но он дал эту «заельцинскую» депешу на областное телевидение.

Смешно и сравнивать: сколько человек прочли нашу сырушку и серушку, а телевизор посмотрела вся область.

Уважаю Валеру, если у коммунистов все такие настойчивые, то их время не за горами. Сегодня у Паши день рождения, и коммунист Валера выдал сакраментальное:

– Паша, не теряй свое лицо!

Посмотрела газеты Котласа: ни одного материала, об авторе которого хотя бы с большой натяжкой могла бы сказать: «Товарищ пишет хуже меня!» А макеты сколь хороши... Почти в каждом номере и на каждой полосе материалы и материальчики исполняют «пляску Витта». Каждую страницу хочется есть глазами.

Правда, статьи за январь тоже ни одной не видела: информации, беседы, зарисовочного плана материальчики...

У меня тоже была возможность работать среди таких асов.

Секретарь меня писать научила: уже не ведет углубленной правки. Валере тоже позволили сделать размышленку, не почистив ее, и Валера выдал: «Литературная гостиная», как именовали собравшиеся уютное фойе кинотеатра, где были удобные столики с креслами, цветомузыка, буфет и молодежь, готовая слушать стихи, была посвящена творчеству русского поэта, актера, барда Владимира Высоцкого».

Паша, видимо, станет теперь, прости меня, Господи, штамповать «божественные» страницы. Паша делает великое дело, но ни одного материала не смогла одолеть из его шедевров. Прости меня, Господи, – наверное, взяла грех на душу, читая тягостные размышления о каком–то Петре, по собственному желанию ушедшем из жизни, подумала: все это отдаст мракобесием.

Машинистка нас развеселила: в слове «улыбчивы» я не написала «ч», и она прибежала за уточнениями. Раньше бы просто оставила место. Теперь бежит, как настеганная, – неужели боится секретаря?

Мы сегодня без редактора: куда–то уехала на несколько дней. И то диво– дивное, как

это ближние и дальние окрестности пережили такое длительное отсутствие нашей руководки.

В соседнем кабинете гуд, раз нет на месте редактора. Все по-прежнему. Только ответсек сама читает газету с корректором. Если дело так и дальше пойдет, то любо, братцы, любо. Портить мои материалы секретарь больше не станет, читая вместе с корректором, меньше ошибок оставят. Ибо подчитчикам Паше с Оксаной все равно, хоть много хором, хоть много хоромов.

Это счастливые люди.

СИЖУ НА СЛОВАРЯХ

Сегодня счастливый день. Наташа начинает «грызть газетный гранит». Принесла «Общую газету», где отличная статья Валерия Кузнецова. В ней систематизирован по пятибалльной системе определяемый интеллект. Наверное, можно как-то в баллах оценить быстроту реакции, умение вести диалог, умение промолчать...

О каком, интересно, интеллекте могут говорить россияне, если они привычно сморкаются на мостовую, а матерятся – спасу нет. На вологодском теплоходе, совершавшем круиз местного назначения по реке Сухоне, где жил или бывал поэт Рубцов, плыли представители всех видов литературы и искусств из обеих столиц. В свободное от встреч с местными жителями время все творцы предпочитали изъясняться чистейшим русским матом и скабрзностями.

Уверена – они считают себя интеллектуалами.

Получила письмо от редактора «Белого парохода» М. П.: «Ув. Н. П.! Получили Вашу статью. То, что вы написали о Рубцове, опираясь на источники и подвергая их критическому анализу, безусловно, интересно. У Вас аналитический склад ума, хорошая введливость, умение взвешивать все «за» и «против».

Но, Н. П.! До чего же неряшливо оформлена Ваша рукопись! Слепой текст через один или полтора интервала, отсутствие абзацев. Я едва дошел до середины. Извините, но у меня всего два глаза, и я ими дорожу. Вы же – сотрудник газеты. Неужели Ваш ответсек принимает такие тексты в набор? Не поверю! Пройдут через секретариат – типография завернет. С ними же невозможно работать.

Не обижайтесь, пожалуйста. Я в альманахе – един в трех лицах, а то и в пяти. Читать по строке, разбирая текст, я не могу – нет времени. Перепечатывать — нет возможностей, за такой объем — по сути дублирование – машинистке надо выложить полсотни. Увы!

Давайте, Н. П., условимся так. Вы перепечатываете свою статью по нормативу: 60 знаков в строке, через два интервала. 30 строк на странице. При этом не забываете абзацы и замените на машинке ленту или печатайте на другой машинке.

Кроме того, хотел бы «нацелить» Вас на творчество современных литераторов – наших земляков. Нужны рецензии на книжки, выходящие в районах и областном центре, на публикации в «Севере» и «Белом пароходе». Требуются аналитические статьи о творчестве, а точнее литературных новинках наших с Вами земляков, живущих за пределами губернии, имею в виду Личутина, Аввакумову, Фокину...

С уважением и пожеланиями творческих удач, с надеждой на сотрудничество.

М. П.»

Стилистику оставила в неприкосновенности.

И взяла грех на душу: не ответила.

Редактор «Белого парохода» не знает главного. Он пошлет мою статью на рецензию члену общественной редколлегии альманаха, вологодской поэтессе Фокиной, и она срубит на корню мой шедевр. Прошлый год она закрыла ему дорогу в вологодскую газету «Свеча».

Вот такая у нас с ней любовь великая.

Времена сильно изменились: раньше писала без забот, а теперь каждый раз приходится лезть в словарь. Секретарь почти не правит. Не считать же правкой строку,

где было: «Как видите, Галина Николаевна знакома...» У секретаря выправлено: «Так вот, Галина Николаевна знакома...»

Взяла у корректора один из словарей на постоянное пользование.

Секретарю больше ни слова не скажу: пусть хоть телегу в лошадь запрягает.

Пожалуй, животный мир меня признает. Вчера вылез из-под тумбочки паучок-домовичок. Вестей мне сегодня было предостаточно.

КАРАУЛ, ОБВОРОВАЛИ!

Второй раз удивляюсь: сколько же денег моих, кровно заработанных, осело в чьих-то карманах за мою кочевую жизнь! Да еще при таких бухгалтерах, какой был в соседней районке: неоднократно привлекавшийся к ответственности и отбывший срок за финансовые махинации.

Готовясь к пенсии, прошу бухгалтера выписывать мне листочек, где все записано: заработано, вычтено, причитается. В январе получила авансом двести, а бухгалтер, выписывая мне остаток для получения на руки, поставила аванс триста.

Почему же не бьет тревогу наша боевая машинистка, если у нее в остатке целая сотня?

СЕКРЕТАРЯ НА МЫЛО!

В субботней газете на первой странице три моих материала из Л. Но, боже, сколь же бедна фантазия у нашего нового секретаря! Все сжато. Заголовки размышленок практически слиты с текстом...

Значит, ответсек не считает нужным работать с материалом из глубинки. С чем я ее и поздравляю.

УТРО НАЧИНАЕТСЯ С РАССВЕТА

А в нашей коммуналке с разборок. Сережа:

– Н. П., отдайте деньги за квартиру!

– Бог с тобой, Сережа, февраль еще только начался!

– У меня завтра день рождения!

– Что же ты в один вечер «посеял» квартплату за январь – оставил бы на день рождения!

– Отдайте сегодня, я знаю, что вы получили зарплату!

– Что-о-о? Ты за мной следишь?

Тут выскочила бабуля:

– Это я сказала, что ты, Павловна, получила деньги. Он сказал, что ты должна.

Оказывается – он должен. Зачем я только и завела с ним этот разговор. Зачем он сказал неправду...

– Вы на дороге к богу, а все время лезете не в свои дела, затеваете скандалы. Вы только хуже сделали Сереже: я теперь не отдам ему денег до конца февраля. Вы наказали Сережу. Вы противная старуха.

Таких ругательных слов я бабуле еще не говорила, но мне ее не жаль.

Вчера меня дважды приглашали на планерку. Считая, что планерка у секретаря, сказала:

– Я к вам на планерку не пойду!

Секретарь вернулась:

– Планерка у редактора.

Иду и мысленно «жонопачу первый угол от дверей»: «Если редактор посмеет кольнуть: «Спасибо, Н. П., что пришли на планерку!» Отвечу: «Это вам спасибо, что появились на рабочем месте. Вероятно, где-то в Австралии аэропорты не принимают, и вы в городке приземлились!»

Зашла, а редактор:

– Здравствуйте, Н. П.!

Планерка шла в обычном ключе. Опять колошматили материалы Валеры, которые ему

же и вернули. Сидела и поджимала губы, чтобы не сказать: «Может, и мои статьи вернете, согласна и на громкую читку!»

После планерки повторила редактору в присутствии Наташи: «Не стану ходить на планерки к секретарю. Она неразвита!»

На этой планерке Мадам зачитывала ноту, где проанализировала малую часть огрехов в работе редактора и бухгалтера, ни разу не лишивших себя премии, и сказала:

– Если мне не вернут хотя бы часть премии, то я подаю в суд!

На следующий неделе станем разбирать «случай с Мадам» в присутствии представителя районной администрации.

Тяжелей командировки, чем в С., у меня пока не бывало. Дорога занимает больше пяти часов в автобусе, переполненном выхлопными газами. Пассажиры даже не роптали: в следующий раз может и этот шофер не поехать. А я отвлекала себя писанием дорожной новеллы: «Смог не только в Лондоне. Мальчишки и девчонки середины двадцатого века, слушая учителя географии, вздыхали: «Побывать бы в Лондоне. В этом городе столько людей и машин, что выхлопные газы не рассеиваются на улицах даже под утро.

В напряженные дневные часы машины идут сплошным потоком. Над мостовыми и тротуарами висит такой густой сиреневый туман, что прохожие то и дело сталкиваются друг с другом. Туристы, жители горной Швейцарии, экологически чистой державы, просто падают в обморок на улицах Лондона. Побывать бы в Лондоне...»

Мы в Лондон не поедem. И денег нет, и надобность отпала. Все можно испытать ближе и значительно меньше потратившись. Купите билет на автобус 4002, скажем, до С. И все пять часов в вашем распоряжении – дыши не хочу – натуральный лондонский смог середины двадцатого века.

Мальчишек и девчонок в нашем салоне не было. Взрослые, почихав и покашляв, успокоились. Я, поразмыслив, даже возгордилась: ну и хлюпики же, оказывается, эти швейцарцы! Вот россияне народ самостоятельный, ни в одной загазованной стране мира в обморок падать не станут.

На обратном пути воздух в другом автобусе был чист, как на Северном полюсе. Температура такая же. Всю дорогу мечтала только об одном: выйдя из автобуса, выдам стометровку до дома, нагреюсь...

Водитель оказался знакомым по прежним командировкам, и любезно высадил у крылечка. Ощущение холода в ногах исчезло только на следующий день в бане.

В журналистском плане командировка была привычно интересной.

А КОЛЛЕГИ ЖДАЛИ ДРАКИ

Сначала о приятностях – они такая редкость. В райбиблиотеке: «О вашей повести есть отклик в журнале «Север» № 10 за 1995 год».

Чье сердце не «курлыкнет» при этих словах, если даже разум и знает, что повесть стоит в ряду обычных. Вношу этот отклик и потому, что мои критические эссе неплохо оценены, а повесть никому особо не глянулась. И вот Александрова Т. А., г. Череповец, Вологодской области: «Просматривая номера за 1993 год, хочется остановить внимание на № 9. Очень глубокое впечатление от повести Н. Б. «Дом на плаву»...

Поразила меня повесть Н. Б. своей горькой правдой. Я тоже сталкивалась с тем темным и грязным, о чем пишет автор, и у нас были пьющие люди на теплоходе... Ведь никто не заставляет «увеселяться», как «увеселялась» команда в повести Н. Б.»

Надо низко поклониться и коллективу журнала «Север» за то, что открыли подборку писем откликом о моей повестушке, потому что дальше идут отклики на вещи фундаментальные: «Останов» В. Кошелева, «Калевала», Исторические произведения Д. Балашова и даже Галины Скворцовой.

Теперь о наших редакционных буднях. Завтра состоится профсоюзное собрание, где Мадам станет отстаивать свои права на премию. Я вышла из профсоюза, но свое слово в защиту Мадам скажу.

Редактор опять кинула большенный валун в нашу болотину. Не дай бог отдать сердце нашему редактору – она станет резать его на маленькие кусочки, не забывая спрашивать: «Не надо ли резать помедленнее?» Ее нелогичная логика – основное оружие в управлении нашим коллективом. Она все и на каждом шагу делает так, чтобы мы безостановочно грызли друг с другом. Примером может служить очередное распределение гонорара.

Корреспондент	Сделано строк	Гонорар
Мадам	190	135
Н. П.	норма или больше	135
Валера	145	175
Наташа	175	145
Паша	норма или больше	138

Наташа нервничает:

– Я бы на вашем месте молчать не стала!

Мне весело: стану я мельтешить на старости лет, если и в молодости об этом не помышляла.

Хуже всех Мадам: зимой прошлого года она выцарапала себе дополнительную двадцатку, когда нам с ней дали одинаковую сумму.

Коллеги были в трансе: неужели ожидали, что побегу лаяться? Мадам, привычно столкнувшись по дороге, извинилась.

За прошедшие сутки в Чечне погибло четверо россиян.

Наша бедная бабуля, испытав меня на прочность со всех немислимых для нормального человека сторон, сменила пластинку. И теперь пытается похвальбою моих материалов.

Редакция в трансе и по другой причине: редактор отправила нового секретаря в Архангельск за векселями, которыми станем теперь расплачиваться с типографией. Оказывается, многие наши женщины были бы не прочь побывать в области, если уж сама редактор устала кататься.

Наташа после очередного редакторского восхваления начинает чувствовать необыкновенную журналистскую высоту. И общается со мною прохладно. Мне – видимо, сказывается возраст, – хочется, чтобы Наташа ежедневно повторяла: «Благодаря Вам, Н, П.!» Умные жили на Руси люди. На века ими сказано: «Старость – не радость!»

Благодарю тебя, Господи, что дал мне умение скорописи!

Прости меня, Господи, что бываю недовольна жизнью!

МСТИТЕЛЬ ВАЛЕРА

Собрание перенесено из-за болезни Валеры.

Валера в январе удалял несколько зубов. Плохо себя чувствовал, но все равно ходил на работу. Ему вернули много материалов, поэтому он и не сделал норму строк. Валера ушел на больничный из мести, за несправедливое лишение премии.

Если считать мой гонорар праведным, то Валера должен был получить меньше сотни.

Секретарь, слава богу, вернулась жива-здоровая. Вскоре сделают общую планерку. Моих материалов в секретарской папке полно. Да и едва ли станут лишать премии за февраль: Паша ведь ничего не пишет.

Господи, прости меня, что я так счастлива, когда вокруг так много горя. Моя радость – и от синички, безбоязненно ныряющей между рамами. Этот беззащитный комочек несет в себе столько тепла и нежности, что я, как Маяковский про Евпаторию, восклицаю: «Ах, как жаль мне тех, которые не кормят птиц зимой!»

Пожалуй, не стоит ехать в Париж. Там есть свои «села Степанчиковы». Читаю «Семью Резо» Эрве Базена, там нарисована такая родная матушка, что стоит сотню таких, какой была моя неласковая мачеха.

«Семья Резо» – из трех книг. Первая понравилась, не считая излишних отклонений в глубину рода Резо.

Вторая поначалу не понравилась: много умствований, и далеко не всегда они соответствовали развитию парня восемнадцати лет, будь он хоть из самых–разсамых Резо.

Неприятно кольнуло уже повторенное в одной из книг Эрве Базена: лишившись невинности, абсолютно одинаково обрадовались и деревенская девушка начала века, и студентка второй половины двадцатого (?): наконец–то сбросили этот «неудобный нравственный хомут».

Так или иначе, но, читая «Семью Резо», в который раз уже пожалела, что выросла на книгах, где обозначалось только действие героев при полном отсутствии мысли писателя.

НЕУЖЕЛИ ИНТЕРЕСНО?

В субботней газете на первой полосе информация: в городе появилась первая фальшивая купюра в пятьдесят рублей. Это становится вполне обычным явлением.

Если это столь обычно, то о чем и писать? Только о рубрике, которая стоит над этой информацией – «Это интересно». Зато мне лично грешно обижаться на секретаря, если не считать, что сокращая, она поставила слово: «размер» стада», и еще вместо «РОО» появилось древнее «РОНО». Да строки выкидывает сотнями. Мне строк не жалко: еще напишу, но материалы от этих «выкидышей» становятся протокольно–сухими, особенно страдают зарисовки.

Прости меня, Господи, но такого неразвитого секретаря встречать не приходилось. Мое предложение: «Иные колхозы и совхозы утратили свою первоначальную значимость не потому, что люди разучились работать. А потому, что повсюду действовала уравниловка: лодырь и пьяница мог годами получать одинаковую зарплату с работающим человеком». И вот секретарь правит – заменила «работающего» человека «работающим».

Или в предложении: «На вечере пели песню «Не могу я тебе в день рождения...» Секретарь или редактор ставили после слова «песню» тире. Пожалуйста – сама стала ставить тире в аналогичных случаях. Теперь меня правят уже наоборот, и все при деле.

У нашей бабули в гостях сын–алкоголик. Пришла, а на кухне гремело такое злобное: «...», «с...», «б...». Вышла в умывалку, и тут алкоголик заметил меня:

- Мы не слишком громко разговариваем?
- На то и живые люди, чтобы разговаривать!

Ничего более умного в голову уставшую не пришло, но на кухне несколько минут слышалась вполне человеческая речь, а потом все вернулось на круги алкогольные: «б...», «с...», «х...». И все это адресовалось матери, которой шел девятый десяток.

ПОВТОРЯЮСЬ

Секретарь:

- Н. П., идите на планерку!
- Я не стану ходить к вам на планерку!
- Вы написали редактору объяснительную?
- Объяснять мне нечего. Я написала редактору заявление о том, что не стану ходить на ваши планерки!
- Почему?
- Вы слишком неразвиты!
- Есть еще какая–то причина, чтобы я знала, над чем работать?
- Этой причины вполне достаточно!
- Если все идут на планерку, то и вы должны идти. Вы, что ли, какой–то особенный человек?
- Мы все в этом мире особенные!

Признаюсь, трижды согрешила против истины: поменяла местами два последних предложения секретаря и написала свою последнюю реплику, на самом деле не

сказанную. Но самый главный грех в том, что считая секретаря неразвитой, говоря ей об этом, – рабски волновалась.

И все–таки о самой главной причине отказа от секретарских планерок я умолчала. Она страшно мелка, и пусть останется в тайне.

Пришла Наташа, сообщила ей про свою дерзость. Наташа была слегка в шоке: секретарь портит не только мои материалы. На днях Оксана выдала заголовок: «Не нужен телескоп, чтобы увидеть звезды», а секретарь поставила: «Споемте, друзья!»

ВРЕМЯ УПРАЗДНИЛО ПАШУ

Прошел профком, на котором мы сразу «сели в лужу». У машинистки муж – помпрокурора, и она сказала:

– По новому положению, если членов профкома меньше пятнадцати, достаточно одного профгруппорга!

Мои коллеги собирались избрать кого–нибудь вместо Паши, члена профкома, позорно сбежавшего, когда Мадам «села» на него со своими премиальными заботами.

Значит, нашего Пашу упразднило само время.

А бедной Мадам, пытавшейся пробудить сочувствие в сердце мужчины, Паша ответил:

– Нина, читай библию!

Мадам огласила наш годовой среднемесячный строкаж:

Мадам	234,5	1
Н. П.	226,1	3
Валера	155,7	6
Паша	136,9	6
Оксана	161,2	6
Наташа	147,1	1

Последний столбик показывает число месяцев, когда норма строк не была сделана. В среднем каждый из нас обязан писать по 175,3 строки, чтобы газета выходила по–прежнему.

Мадам на собрании была в своем репертуаре. Валера сидел рохлей. Машинистка постоянно вспыхивала, но той неоглядной вульгарис, которая никому не дает по собственному желанию рта раскрыть, в ней стало поменьше. Мы с Наташей опять «погладили против шерсти» редактора. Я, похвалив Мадам, поскольку одна интеллигентная женщина в минувшей командировке сказала: «Ваша Н. Н., если требуются для материала, то и в канализационную трубу залезет!» Мадам растерялась, не поняв хвалят ее или порицают. Машинистка: «Эти слова можно разное понять!» На что я с удовольствием отчеканила: «Никакого второго смысла здесь нет!» Зато Наташа всех определенно сразила, сказав: «Н. Н., вы можете, если вам не вернут премию, подать в суд за служебное преследование со стороны редактора».

Мне показалось, что после слов Наташи машинистка как–то особо обрадовалась: есть, что сказать редактору.

Профсоюзное собрание приняло решение: вернуть премии Мадам, Валере и Оксане.

Секретарь продолжает свирепствовать, вычеркнула в беседе Наташи с майором Михайловым слово «бравата» и фраза стала полусозревшим колосом. Обиженная Наташа, вычитывая материал, самолично вернула слово в текст. Весело мне: секретарь сделала вид, что на Шипке все спокойно.

Этот тошнотный майор Михайлов рассказывал Наташе, как дико он обращался с пленными чеченцами... Не стала слушать Наташу. Писать «о доблести» наших воинов в Чечне никогда не стану: дикость в этом прекрасном из миров была до нас, будет и после нас не меньше. О Михайлове пишу потому, что он «сел в лужу» в одной из школ района.

Там, на встрече с бывшим «чеченцем» какой-то русский Гаврош прилюдно обозвал Михайлова. С Гаврошей спора нет во всем мире, но видимо, и с майора-россиянина можно взять тот же клочок шерсти: майор толкнул Гавроша на глазах у всех собравшихся.

Родители Гавроша пригрозили майору судом, если не будет публичного Извинения. И вот Михайлов принес Наташе записку по поводу прошлой публикации врачей – «Белый билет от психиатра», где, в числе прочего, есть такая фраза: «Пользуясь случаем, хочу принести извинения Денису Г., ученику М-ской школы и его родителям за допущенную грубость и нетактичное поведение с моей стороны».

Наташа предлагала убрать слово «грубость», но майор не позволил: «Нечего смягчать!» Это бы упорство – да на достижение благих целей.

Майор, как та офицерская вдова, сам себя высек, а мог бы с помощью Наташи написать трактатик о воспитании уважения к бывшему солдату: «Воевал, ранен. Нервы. Солдат, защищавший в Чечне (хотя что там мы все-таки защищали?..)»

Можно было поступить еще проще: сказать примерные слова на той встрече в ответ на оскорбление неразумного Гавроша. Парень бы запомнил солдатскую мудрость на всю жизнь, а его родители, если они не от пупа глупые, еще и дома бы поучили сынка уму-разуму...

ЮРИЙ ОЛЕША ИЛИ ПЛИНИЙ?

Третья книга «Семьи Резо» заметно лучше первых двух. Очень приятно: сейчас бывает наоборот. В данном случае не мешала восприятию текста и глубина авторской мысли, вложенная в уста мужчины, которому за сорок. Его обаятельные дети архисовременны, все мысли у них еще впереди. И слава Богу – для чего стареть раньше времени?

Все время, читая книги зарубежных писателей, испытываю чувство униженности, стыда перед далеким зарубежьем. Сколько лет я сама и сколько лет мне говорили примерную фразу: «Юрий Олеша сказал: «Ни дня без строчки!» А в «Семье Резо» черным по белому написано: эта фраза принадлежит Плинию. Если каждый советско-русский интеллигент еще может что-то припомнить про Юрия Олешу, то едва ли каждый сможет ответить на три информационных вопроса о биографии Плиния: где? когда? что?

ДУРНЫЕ ПРИМЕРЫ ЗАРАЗИТЕЛЬНЫ

Еще с моей самовольностью редактор ничего не решила, а Наташа с Оксаной мне заявили: «Если секретарь и дальше станет себя так вести, то мы тоже откажемся ходить к ней на планерки!»

Зато Мадам абсолютно иначе все видит: несколько раз забежала к нам поутру, надоедливо повторяя: «Как не было у нас в редакции порядка, так и нет! Как не было у нас редактора – так и нет!»

Понимая, что психика Мадам задета больше, чем, к примеру, у нас с Наташей, все-таки продолжила разговор по-серьезному:

– А есть ли вообще, на ваш взгляд, в городке человек, который стал бы хорошим редактором?

Мадам задумалась. Я насторожилась: неужели в городке так уж много людей, способных занять место редактора? Но Мадам выдала:

– Наш сегодняшний секретарь! Она трудолюбива, если только не заразилась от своего покойного мужа... – Мадам тоже ушла на покой, подыскивая подходящее слово... – не заразилась снобизмом и не считает, что бедная газета перестанет выходить без нее. Боюсь, что заразилась!

Редчайший в моей летунской биографии райцентр, где нет подходящего человека не только на должность главы администрации, но и редактора днем с огнем не сыскать.

МОСКОВСКОЕ ПИСЬМО

Вчера «обидела» хозяина комнаты. Он:

– Н. П., отдайте деньги за квартиру.

– Февраль еще не кончился.

– Вы обещали после двадцатого...

– А ты забыл, что по твоей милости мне пришлось терпеть скандалы от бабушек, что однажды требовал деньги второй раз, получив их за месяц вперед? Теперь стану отдавать их только в начале следующего месяца...

– Тогда пусть приходит мой зять, и с ним разбирайтесь...

– Сережа, ты о чем говоришь–то?

– Тогда не отдам вам письмо! Вам пришло письмо из Москвы!

Слыша, что из Москвы, думаю о Петрозаводске, о журнале «Север», о моей статье о Рубцове...

У Сережи добрая душа и он тотчас же выносит мне письмо. Конверт плотный, но маленький. В нем ни за что бы не уместился журнал «Север», если бы мне задумали послать его из Петрозаводска через Москву. На конверте адрес объединенной редакции христианских радиотелепрограмм: 017076, Москва, а/я 40. И, наверное, местные адепты уже наклеивают на конверты адреса жителей. Но, боже, – сколь же небрежно они этим занимаются: в моей фамилии откуда–то взялась вторая «б», зато исчезли «х» и «т». Имя тоже не мое. Сам журнал «Верую» со вкладочкой–буклетом «Твоя жизнь может измениться» – очень приятен на первый взгляд. И вызывает во мне только грешно–завистливые мысли: так бы красочно издать мои бедные статьи, рассказы и критические эссе.

Прости меня, Господи. Прости, но я – вечная атеистка.

МОЕ ДУРНОЕ ВОСПИТАНИЕ

Вчера позорно сбежала с предпраздничной планерки: меня раздражают глупосказанности секретаря настолько, что не могу совладать с нервами. Уже после моего побега Наташа решила похвалиться:

– Имярек написала материал!

Секретарь:

– Какой жанр?

Наташа:

– О каком жанре можно говорить, если девчонка впервые пишет в газету?!

Видимо, было в адрес Наташи еще несколько глупосказанностей, и она ушла с планерки с головной болью. Моя голова не крепче Наташиной, ее не грех и побережь уже. Да мне бы и не высидеть, слушая примерный диалог Мадам:

– Чтобы у нас получился интересный праздничный номер, надо всем сделать по материалу! Вы бы тоже написали что–нибудь!

Секретарь:

– Я ведь давно не работала в газете. Подскажите мне – куда лучше всего пойти, о ком написать?

Мадам цветет: с ней советуется сам секретарь... Зато Наташе стало дурновато, и она сказала мне после планерки:

– У нее же диплом журналиста!

Я:

– Ох, Наташенька, причем здесь диплом! Не стоит она того, чтобы из–за нее комплексовать такой хорошенькой и умной головке. Наш секретарь просто играет «простенькую» уж вовсе, а для Мадам, Валеры и Паши это и есть самый подходящий вариант секретаря. Плохо другое: играет простушку, значит, крупная рыба попалась в наш водоем...

На самом деле мой монолог был заметно длиннее и глупее написанного.

ФЛЮГЕР

Сколько же на свете умных людей, способных без слов и мгновенно оценить человека до самого доньшка. Беседую с милыми женщинами в управлении образования. Спросили о редакторе: плохо говорить не хочется, хорошего сказать нечего, отшутилась:

– Да вы же лучше меня ее знаете!

Главный специалист управления не ушла от темы:

– Она кажется такая... – При этих словах женщина так неповторимо качнула своей хорошенькой головкой с плечика на плечико, что я от восхищения только языком причмокнула:

– Сказать о нашем редакторе точнее невозможно: она именно флюгер. Все время крутится из стороны в сторону. Ее «остановы» зависят не от длительности и глубины размышления, важности данного момента, а от обыкновенного звонка читателя, начальства, собственного настроения.

ОБЫДЕНКА

Вчера коллектив отметил мини-пьянкой День Защитников Отечества. Пришла из Управления образования очень удачно: мыли посуду после праздника. Возможно, я устранилась от коллектива и лишковато, но и на планерках надоели Пашины турусы на колесах: «Я напишу о женщине, которая взяла в семью алкоголика и крепко держит его в руках!» Примерную версию Паша давным-давно рассказывал мне, но только в роли алкоголика был неплохой архангельский поэт, который чуть было «не вышел на панель».

Наш бедный Паша видит только таких людей, которые могут «взять в руки мужика» и, естественно, кормить его. И в то же время он без ума от хозяйственности нашей машинистки. Полдела ей быть хорошей хозяйкой, если муж ежемесячно приносит несколько тысяч, не пьет и не курит. Ее бы на месяцок на место Наташи или корректора.

У нашей бабули опять в гостях сын-алкоголик. Опять пьян, и опять отхлестан собственной женой. Я вошла, когда бабуля, тоже неплохо с утра «вместях с сыном подавшая», кричала:

– Это рази жена? Жена бьет мужа! Мужа бить! Это не жена! Это сука, а больше никто!..

«Беседуют» они на кухне, сын замечает меня, подает сигнал матушке. Бабуля начинает слащавую беседу не по теме, но подпила она лишку, поэтому ее опять уводит «на суку, которая никто!»

ПО ЦВЕТУ ЩЕЙ

Сегодня весь день в редакции. Набранные материалы вычитала. Мою зарисовку о ровеснице из Л. секретарь ужала до протокола. Его можно приставить практически к каждой женщине, которая живет в деревне и работала дояркой.

В зарисовке есть такая фраза: «... легко, судя по цветущей Тамаре Павловне». Но если бы я была в командировке, то в газете прошло бы: «... легко, судя по цвету щей, Тамаре Павловне».

Мне смешно сейчас, было смешно и тогда, когда указывала на ошибку нашему корректору. Она очаровательно мила:

– Я хотела спросить вас, Н. П., про «щи», но вас же не было вчера в редакции!

Наша корректор в своем репертуаре: справиться по тексту материала сама... не догадалась. О секретаре и говорить не хочется.

Зато мои размышления о стихах и частушках местного поэта секретарь почти не испортила. Поставив в рубрику громкое слово «Рецензия», она самолично убрала только два абзаца. Первый бы не испортил песню, если «рецензия». Отсутствие второго заметно смазало окончание заметушки.

Наш бывший пьянок работает сторожем в детском саду. Моя дерзость по отношению к новому секретарю не нравится коллективу. Особенно страдает машинистка, потому что

уже не может забежать ко мне и, разбрасывая слюни над моею головой, визжать: «Вы уважаете только себя! Вы и пишете только про синичек!»

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ИЗ ОБЫКНОВЕННЫХ

Современные дошколята умеют не только мыслить, но и грамотно, сжато выражать их. Навстречу мне со внуком идет пожилая дама, занимавшаяся воспитанием подрастающего поколения. Прохожу мимо, а дама заканчивает фразу:

– ... Значит, соответственно, маленькому надо еды меньше, чем взрослому...

Внук перебивает:

– Ну да! Что ли маленькому бегемотику надо мало еды?!

ПЕРВЫЕ В РЯДУ ОБЫКНОВЕННЫХ

Сколь же плохо наша редакция связана с болевыми точками городка. В райбольнице прошла конференция по спиду, а нас даже не пригласили.

Секретарь вернула Наташе заметку, написав небывалое для нас слово «возврат». Наташа прибежала вместе с Оксаной. Голос ее дрожал, лицо было Нервно и незащищено:

– Н. П., что здесь не так написано?!

Дело было к вечеру, я тоже устала, поэтому сделала оговорку:

– Наташа, если что не уразумеем, то оставим «приговор» до утра!

Однако все было на виду: первый абзац безупречен, второй надо присоединить к первому, а все остальное требует доработки. Поэтому с легким сердцем заключила:

– Если сама утром не найдешь окончание размышленке, то я тебе его подскажу!

Мой ответ заметно обидел Наташу, но не могу же я с утра и до вечера говорить о секретаре дурно только потому, что она неразвита. А утром–то оказалось: что-то примерное «вещала» Наташе и секретарь, но ее словам Наташа не поверила.

25 ФЕВРАЛЯ

Сегодня моя синичка выдала целую трель. Правда, речь в ней пока не о весне. И все-таки, видя, что я хочу добавить семечек в ее кормушку, мои красавицы теперь уже почти каждый раз исполняют для меня танец–фантазию в полете. Синички так живописно порхают около окошка, что напоминают бабочек или балерин на сцене. Если же в такую минуту я еще и разговаривать с ними начинаю, то их порхание разнообразится настолько, насколько, наверное, оживает смертельно уставшая балерина, когда слышит бурное «браво».

Зимой синички питались молча, зато братцы–воробьи дрались и кричали из–за каждого семечка.

ЗАХУДАЛОЕ КОЛХОЗНОЕ СОБРАНИЕ

Была планерка в кабинете редактора. Она откуда–то «свалившись», поэтому:

– Ребята, я газет не смотрела!

«Ребята» к таким оборотам давно привыкли, не понимают только одного: для чего было и проводить эту планерку «на уровне» редактора. Неужели только для того, чтобы в сотый раз услышать:

– На планерку все обязаны ходить, и вы, Н. П., в том числе!

И далее все шло в таком же духе. Наши планерки и всегда–то напоминают захудалое колхозное собрание, а сегодня эта захудалость выпирала на каждом шагу.

Редактор для чего–то расхвалила беседы Оксаны настолько, что Наташа почувствовала себя обойденной. Еще и секретарь редактора поддержала.

Редактор веселится на пустом месте:

– У нас только два внештатника и остались: Н. И. и Л. В. (первая – помощница Мадам, вторая – моя).

Мадам игнорирует веселость редактора, а я «подстилаюсь»:

– Это вы мне и подкинули такую женщину, она просто умница!

Секретарь не выдерживает:

– Только материалы она пишет одинаковые, надо бы с ней работать!

Редактор, удивленно:

– А что вам не нравится?

Секретарь молча бесится, а потом не выдерживает:

– Н. П., вы сделали норму строк, так ничего планировать не станете в февральские номера?

Мне весело: в ее папке полно моих заметок – планируй на здоровье, но Мадам не выдерживает:

– Многие вообще не делают нормы строк...

Секретарь ее перебивает:

– У вас только 194 строчки! Это на зарплату, а для премии недостаточно!

Эти слова невозможно принять всерьез, поскольку Паша, Валера и Оксана весь год не работают даже «на зарплату», поэтому Мадам опять проявляет привычную настойчивость:

– Не может этого быть! Вы плохо считали! У меня должна быть норма!

Тут уж редактор вальяжно перебивает:

– Что вы все о строчках да о строчках!

Чистый концерт: ставить в номер нечего, норма только у нас с Мадам, из остальных придется просто выбивать строкаж, но как достать этих остальных: Паша где-то болтается, Оксана берет отгул, Наташа едет в Северодвинск на семинар руководителей юнкоровских постов. У Валеры сделано меньше 150 строк. И Мадам резюмировала:

– Ну вот и надавите на него, а что вы нас с Бахтиной поддеваете?

Секретарь, почти брезгливо:

– Да кто вас поддевает?

Она, бедная, совсем запуталась: только что нас с Мадам неоднократно «подстригала» по поводу и без.

Сообщив о материалах на ближайшие мартовские номера, я дополнила:

– Еще привезу что-нибудь из К...

Секретарь перебивает:

– Что-нибудь из В. и что-нибудь из К.

Она говорит это с такой злобой, что редактор благодушно расцветает:

– Я что-то не пойму: с юмором говорите или как?

У нас все идет «или как». Я тоже не пойму, чему так уж радуется редактор: даже серых и сырых материалов в запасе нет, машина используется в поездках по магазинам заметно больше, чем в командировках за материалами, фотокора настоящего нет. Зато общая усталость выпирает изо всех щелей настолько, что Мадам выражается весьма запашисто:

– Если не возьмем фотокора, то нам усратья, но не дать нормы строк!

Сегодня все «свободные полеты» Мадам заканчивает оскорбительно:

– Ездит Бахтина в командировки, и спасибо ей за это! И еще этот!..

Больше добрая Мадам ни словечка не выдала, а под «этим» подразумевался наш трудяга Валера.

Все, на планерках «ставлю точку», напишу, если у нас случится что-то необыкновенное, но такое привычное для большинства редакций. Например, секретарь или редактор напомнят:

– Что-то мы, братцы-славяне, давно не бывали в С... Что-то мы совсем Упустили из виду наш любимый К.!

На секретаря мне тоже обижаться грешно. Вчера только что не столкнулись с ней у магазина. Секретарь, увидев меня, еще издали почти закричала на всю улицу:

– Здравствуйте, Н. П.!

Я, как лошадь на лугу, сделав быстрый шаг в сторону, непонятно и молча мотнула головой: то ли от слепней отмахнулась, то ли секретарю ответила. Она же, воодушевленная такой «дружественной нотой», выступает далеко не первый раз.

27 ФЕВРАЛЯ

Сегодня синички в обед впервые не попросили добавки.

У нас сегодня первый день отключили телефон. Обидно: у меня была договоренность с Л. В. Вот и ляпни после этого нашему секретарю о будущем материале – она потом станет весь год повторять: «Вон Н.П. тоже обещала, а что сделала?»

В хорошей беседе с главным специалистом Управления образования есть одна мысль, которую в газету не пустят, но она мозг выест, если ее не выложить на бумагу: бабушки, дедушки и старшие братья–сестры, берущие опеку над полуброшенными ребятишками своих родных, по сути исправляют свои собственные недоработки во вчерашней жизни, кому–то недоданную теплоту, участие.

28 ФЕВРАЛЯ

Странно: прихожу на работу почти к восьми, а Валера уже «молотит» на машинке, вечером «молотьба» продолжается в полном одиночестве. И странно дважды: отчего редакционное начальство не смогло научить писать такого записного трудоголика. Если не смогли, то зачем второй раз брали человека на работу, которая доставляет ему столько ежедневных унижений?

ЛИЧНЕНКА

И старость наступает. Прошлый год при большом желании можно было найти седую волосинку в моей русой головке. Сегодня сами в глаза лезут. А нашей бабуле не дает житья сын–алкоголик, выгнанный из семьи не без физических упражнений на его потасканной физиономии. Прости меня, Господи, что я им брезгую. Его деликатнейшее ко мне отношение вызывает тошнотные спазмы в горле, но пьянок ничего не замечает. На бабулю тоже страшно смотреть: бледная, потерянная, на ходу шатается, жалуется на давление...

Надо бы просто прижать покрепче ее одуванчиковое тельце и всплакнуть вместе с ней, но я все время вижу иную бабулю, которая бегала по коридору и злобно визжала: «Пойду, пойду в домоуправление! Скажу, скажу, кто у нас живет без прописки!..»

Счастье, если вскоре уедет в деревню, если нет – то от одного вида бабули волком взвоешь. А в мире наступила весна. В обед моя синичка радостно прокричала свое «тиу–тиу!» И я кинулась за новой порцией семечек, а синички уж и след простыл.

На улице такая благодать: солнце, тепло, птицы, как сумасшедшие, щебечут. А радио передает о Сергее Есенине: обилие славных женщин, любивших поэта, но он «постарался каждой плюнуть в душу». Особенно неприятны уточнения, мягко говоря, глуповатые: одна из жен – внучка Льва Толстого. Мне неловко перед обожателями и почитателями великих людей с их потомками, но я абсолютно не выделяю внучку Толстого среди всех других жен поэта. Если же вспомнить, как сам великий Левушка в юности колобродил, то еще неизвестно, кто кому оказал честь этой постелью: внучка Сереженьке, или он внучке.

А Зинаида Райх потом стала женой Мейерхольда. Надо бы сказать иначе: Мейерхольд стал отцом детишек Сергея Есенина, милого российского забулдыги, но великого поэта.

Лучше не знакомиться с личной жизнью больших поэтов, когда на улице весна, когда опять верится во что-то светлое и чистое. В этой «личненке» большого поэта всегда столько отвратностей, что поневоле начинаешь жалеть своих сестер, одаривших отвратника своим вниманием. В этом плане самой большой жалости заслуживает «самая последняя женщина, любившая поэта», через год погибшая на его могиле. Едва ли она была психически полноценна. Едва ли могут похвалиться этим и все остальные мотыльки, слетавшиеся на любовный костер певца голубой Руси.

Не надо знакомится с личной жизнью больших поэтов – лучше просто читать их стихи. Отчего-то помнятся из детства-юности стихи Есенина о собаке, всех щенят которой хозяин утопил в полынье. А только за одно это стихотворение Сергея Есенина надо называть большим поэтом.

МУЖИКИ ВОРУЮТ

Вернулась из командировки. Самое жуткое из беседы с управляющим: мужики воруют. В России воровали всегда, но современные россияне воруют, чтобы напиться. С той же целью тащат все, что плохо лежит, и хранительницы домашнего очага.

Такого в России не бывало.

Приходила Наташа, принесла приятную весть: выдали зарплату, пока без премии и без гонорара. Наташа только что вернулась из Северодвинска, с курсов юнкоровских постов. Наташа чувствовала себя на курсах, как рыба в воде. Там было все отлично, но корреспондента «Учительской газеты» угощали в отдельном кабинете. Если молодой человек там не подавился, значит – все в порядке, Россия будет вскоре жить по-прежнему.

У нас в редакции опять «пошутили». Наташа: «Редактор, секретарь и Валера решили, чтобы не возвращать премию Мадам, лишить этой премии всех поголовно, и вас, Н. П.!» Я – вот сталинистка! – справедливости ради убиться рада:

– Ну, уж если всех – то бог с ней, с премией!

Наташа перебивает:

– Ну уж нет! Мы подняли шум! Я сказала бухгалтеру: «Не имеете права высчитывать без моего согласия то, что мне уже выдано! Тем более, что выдано законно!»

– Правда, нет такого права?

– Мы проконсультировались у юриста! И теперь в родном коллективе принято перерешение: премию не станут удерживать со всех!..

ИРИНА

Самое приятное в последней командировке, кроме красивой природы, хороших людей и вечно прекрасного таинства восхода солнца, было знакомство с учительницей начальной школы Ириной Олейник. Девушка умна, умеет себя вести, очень ответственная. Во время нашей беседы то и дело алела маковым цветом, но ни от одного критического замечания не отказалась. Очень долго думает, прежде, чем что-либо ответить, но это «долгодуманье» ее только украшает: значит, слов на ветер не бросает.

Прощаясь, Ирина сказала:

– Раньше не читала вашу газету, простите меня! Теперь стану читать!

– Милая девочка, в твоём возрасте я даже областную газету не считала достойной моего внимания!

Славная девочка Ирина, славная, но ей двадцать пять, а подходящего парня в округе – ни одного.

НА ХОДУ БУХГАЛТЕР СПИТ

Которую ночь пишу во сне материалы, какие-то отрывки остаются в памяти утром. В таком-то творческом настроении и подумалось: все «переводы» синичьего щебетания на язык человеческой речи очень далеки от реальности. «Тиу-тиу» на самом деле звучит как «сиу-сиу», а то и совсем иное слышится. Может быть, у них тоже есть диалекты и говоры, а может быть, и возрастная градация присутствует.

Прости меня, Господи, но сколь же спяща наша бухгалтер! Сдаю командировку, извиняюсь:

– Я теперь должна двенадцать рубликов! Взяла авансом лишку! А оплата командировочных не изменилась?

– Да, я скоро проверю все командировки. Оплата командировочных повышена, но не сильно: за день по восемнадцать рублей!

– Ка–а–ак? Когда стало по восемнадцать?
– Я уточню, но ведь не сильно и увеличены: раньше было по пятнадцать!
– Ка–а–ак? Я же все время отчитываюсь по десять?
– Что вы переживаете, вас никто обманывать не собирается! Видите, по ведомости вам причитается...

– Лучше не произносите слово «обманывать» – не посмотри я авансовый отчет, так и подарила бы кому–то сотню!

Это отвратительно, но опять придется проследить за бухгалтером. Позвонила в райфо: оказывается, командировочные повышены уже больше полугода. При нынешней ежедневной инфляции – во что превратились мои кровные? Как тут не понять надоедливую Мадам, которая что-то ежедневно подсчитывает! И поневоле лишние вопросы в голову лезут: кто платит за нашего спящего бухгалтера немалые суммы недочетов строгих финансовых проверок? Если сама бухгалтер, то ей приходится работать на одни штрафы. Значит, в этот бездонный котел уходят наши общие редакционные денежки. При таком редакторе с бухгалтером надо удивляться, что и нам какие–то крохи достаются.

НОВЫЕ НОВОСТИ

Секретарь вывесила строкаж за февраль: норму не сделал только Паша. Рядом с этим документом века вести не менее для нас непривычные: неграмотности, выписанные из наших материалов. А вчера сама секретарь не исправила в рукописи Оксаны слово «поскриптум». И даже грамотная Наташа не обратила на него внимания.

Вчера пришлось весь вечер слушать матюги той Нинки, которая ночевала в нашей коммуналке в день поминовения святой Нины. Господи, сколь же красив и сочен голос у этой матюгалки, ей бы в дикторы, а тут изо дня в день – «б...», «с...», «ш...»

НАХЛЕБНИКИ

Пришла в восемь. Телефон уже раскален: «Похлопочите куда–нибудь! Улица Дзержинского сидит без хлеба!»

Куда хлопотать? О задержке пенсий материалы в газете почти каждый день: отклики граждан, информации журналистов, ответы руководящих товарищей...

Вот когда «нахлебническая» политика государства и народа дала сбой. Дальше будет хуже, во всяком случае, сегодня надо каждому пенсионеру иметь более надежный приработок, а пенсию считать только дополнением.

У нас вчера в редакции было вообще жарко: в газете помещено распоряжение главы администрации на тарифы услуг в городской бане: с первого марта одна помывка будет стоить пятерку. За пятьдесят процентов по талонам отдела социальной защиты населения администрации района моются: проживающие в неблагоустроенном жилье инвалиды первой и второй групп, инвалиды детства, одинокие и неработающие пенсионеры, получающие минимальную пенсию, многодетные семьи. И вот кто–то из наших грамотеев поставил запятую после слова «жилье». А большая часть стариков и живет в неблагоустроенном жилье. Можно представить, что в этот день творилось в собесе, где первое лицо – подруга Мадам, а ее заместитель – подруга редактора.

ДЕРЖИ КАРМАН ШИРЕ

Вот тебе, бабушка, и купила домик по выходе на пенсию. Положила свои две с половиной на сертификат на девяносто процентов годовых, все так хорошо просчитала, а вчера заглянула в Сбербанк: проценты упали до семидесяти. Станут ли падать дальше? Скорее всего, да.

Вчера встретила Мадам в туалетной комнате, бедная женщина не успела «надеть маску», поэтому являла собой комок нервов: на дворе вовсю март, а ее январская премия все еще в пути, поэтому и наша февральская гуляет а неизвестности. А машинистка еще и

упрекнула Мадам, что «из–за нее опять страдает весь коллектив». По словам Наташи, она в эту минуту горячо под держала бедную Мадам. Дай–то бог нашему теляти нашего волка зыисты, но уж если наша машинистка «разгаяла» рот, то сколько бы милая Наташа не трепыхала крылышками, ей закрыть этот рот не по силам.

Редактор во вчерашней газете опять «жюль–опросила». Все «соучастники» говорят языком редактора – языком человека, который ежемесячно получает более тысячи, а только на одни дополнительные командировочные может спокойно не умереть с голоду даже с дочерью вместе. Самое неприятное в том, что простые люди, которых редактор называет только «васями», восторженно отзываются об этих вояжах в народ. Это так интересно, когда конкретные люди прямо на улице что-то корреспонденту отвечают. В такие «героические» минуты я стараюсь закашляться, чтобы спрятать лицо в платок. И немного радуюсь за непосвященного человека: пусть хоть эта гадкость жизни не мутит его душу.

В этой же газете наш секретарь взяла интервью у депутата Госдумы по Котласскому округу, но каков первый вопрос секретаря:

– Алексей, зачем вам это нужно? Вы в Москве, мы в глубинке...

Господи, да если этого «Алексея в Москве» не заботит глубинка, то на кой ляд его и выбирали!

НАШ МЕСТНЫЙ ФАЛАЛЕЙ

Прошла премиальная планерка. Редактор была то в роли клоуна, то в роли кухарки. Господи, как она изгалялась над бедной Мадам!

– Сколько вернем премии Н. Н.?

Я:

– Полностью!

Редактор:

– Половину! Давайте голосовать!

Проголосовали: Валера, Наташа, Оксана и я – за полный возврат. Редактор, секретарь, машинистка, корректор – за половину. Поскольку голос Паши был решающим, то у него опять была возможность сыграть роль Фалалея из села Степанчиково: «Так какую получаем премию? Такую и вернуть! Вернуть все пятьдесят процентов!»

Невразумительное бормотание Паши обе стороны тянули за собой. Я тоже увлеклась:

– Он же и говорит: «Вернуть все!»

Редактор:

– Он же ясно сказал: «Вернуть пятьдесят процентов!» И все–таки окончательное решение за мной: вернем половину премии. Она и этим будет довольна!..

Последнее предложение на разные лады редактор повторила несколько раз в течение премиальной планерки. Повторять все гадкости, которые она выкричала бедной Мадам, отвратительно. Не менее отвратительно, что весь этот кухарски–клоунский тон Мадам только при мне терпит второй год.

Во время обсуждения премии Мадам секретарь почти завизжала на расходившийся коллектив и бедную Мадам. Я не выдержала:

– Не кричите!

– Так они же не слышат!

В конце Мадам попросила слова:

– Пусть бог накажет того, кто меня обидел!..

Я опять встряла:

– Ради бога, извините меня, Н. Н., но просить бога о наказании не совсем прилично...

Мадам, не отвечая, продолжила:

– Теперь вы все убедились, как правильно у нас начисляют премию! Мне не нужна премия! Я добивалась своего только для того, чтобы вам наглядно продемонстрировать...

Мои нервы заколотило:

– Значит, вы демонстрировали, а у меня сердце колет...

Меня перебила корректор:

– А ей что наше здоровье – она всех нас скоро в гроб вгонит!..

Корректора перебила редактор:

– Мне звонила одна женщина! Ей очень не нравятся ваши материалы...

Редактор опять катила бочку арестантов, но позднее оказалось, что речь та женщина вела о материале Наташи.

Я предложила сходить к той женщине. Все промолчали, а потом за Мадам взялась секретарь. Это хлеб самый легкий: любой из материалов Мадам можно расчихвостить «от затылка до пяток». В этой же компании и Паша с Валерой, но, поскольку били одну Мадам, то я не выдержала:

– Почему она все время должна чего-то доказывать, пиша, только при мне второй год в каждый номер заметно больше нормы...

Тут что-то гулькнул Паша о возвращении премии ему и Валере, но с Пашей у меня разговор короток:

– Работа Валеры и Паши далеко не то же самое, что пахота Н. Н.!

Паша промолчал. С премией Мадам решили и перешли к общей премии за февраль.

Секретарь:

– Сколько потребуем строк с Оксаны? Она часто на подчитке с корректором.

Я:

– 180 строк!

Секретарь:

– Я тоже так считаю!

Нормы не оказалось только у Паши, но странно: откуда он мог набрать 150 строк в номер, если за февраль не написал ни строчки? Значит, кто-то берег на душу грех по содержанию Паши за наш счет.

Надо было решить еще один важный вопрос: учитывать при премировании корреспондентов один строкаж или все пункты. Если считать все пункты, то придется лишать премии практически всех, в командировки ездим только мы с Валерой. Поэтому я предложила:

– Один строкаж!

Осталось решить вопрос с Пашей: полностью лишить премии или наполовину.

Мое предложение:

– Полностью!

Мадам:

– Наполовину!

Кроме меня – да Наташа воздержалась – весь коллектив проголосовал за предложение Мадам. Отлично: лодырь еще и премию получит. Больше в дележе премии не участвую.

ПРОДАЮТСЯ И ПОКУПАЮТСЯ

Наташа последнее время была какой-то особенно взвинченной. Отнесла это за счет болезни малыша. За счет поездки в Северодвинск, за счет возможного поступления в МГУ... К тому же Наташа моложе меня на тридцать лет, нельзя же требовать от нее степенности пенсионера.

Сегодня Паша вывесил в коридоре стенгазету. Наташа, многократно выбежав в коридор, но так и не заинтересовав меня Пашиной газетой, не выдержала:

– Какую-то глупость написал Пашка!

– Про тебя или про меня?

– Про всех. Я у него какая-то восторженная. Машинистку он любит как мать. Неужели вам не хочется прочесть то, что про вас сказано?

– Что же?

–... Сквозящий взгляд, поставила себя в особый ряд!

– Наташа, но ведь я в самом деле в особом ряду оказалась. Даже ты не обратила внимания на «поскриптум», а кто из вас сказал хоть словечко в лицо редактору, кроме Мадам. Позаглазно–то с утра и до вечера ее в дерьме купаете? Кто из вас назвал в глаза секретаря неразвитой, а позаглазно–то...

Мои претензии коллективу не стоили слишком уж тяжелого вздоха Наташи, и я машинально спросила:

– Что тебя мучит, дитя мое?

– Не знаю, как сказать! Мне стыдно, но и промолчать не могу! Лучше скажу!..

Господи, я столько раз останавливала откровения Наташи, чтобы она потом не стыдилась «раздевания» перед чужим человеком, а тут меня ровно черт за язык дернул:

– Скажи – станет легче!

– Меня купили!

– ?!

– Я продалась!

– ?!!

– На самом деле я не сделала норму строк за февраль! Мне норму строк поставили!

Могу ли я осуждать Наташу? Чтобы быть гордой и независимой, надо пахать в каждый номер. Импульсивная Наташа систематически не умеет. И это был все–таки единственный человек в редакции, с которым хотелось петь.

А наш секретарь – действительно акула с видом трески. Она закабалила Наташу и разделила наши с Наташей души. Но о чем плачет моя душа? Чем же Наташа лучше Паши, которого редакция давно содержит? Чем она лучше машинистки, бухгалтера, корректора, Валеры, которые на моих глазах второй год покупаются и продаются?

Наташа, опять куда–то сбегав, вернулась счастливейшая:

– Ой, я такой большой гонорар получу, если ничего не изменится!..

В кабинет зашла с извинениями Мадам, и я, счастливая, что не надо мусолить гонорарную тему с «купленной» Наташей, извинилась:

– Мы с тобой потом договорим!

Прости меня, Господи, но я солгала. Ничего больше не стану «договаривать» с Наташей. Ничего.

В конце премиальной планерки, подписывая командировку, завела с редактором светскую беседу:

– Нечаянно встретила в туалете Мадам...

– Ее что – дрисня прошибла?

– Ее лицо было предельно измученным. Она же – больной человек, надо ее пожалеть все–таки!

Редактор, выждав паузу, заговорила:

– Не поедете на праздник в свою вотчину, в Вологодчину?

... И НЕКОМУ РУКУ ПОДАТЬ

В конце прошлой беседы мы заключили с Наташей невысказанное соглашение: делать вид, что у нас с ней все идет по–прежнему. Интересно, что с приходом нового секретаря у нас действует двойная грамматика: российская для всех, и секретарская для моих материалов. В «жюль–опросе» редактора прямая речь выглядит естественно, когда, скажем, говорит Татьяна Егоровна семидесяти лет:

– Уж думала, что и не дожить до весны...

В моей заметке, после секретарской правки, скажем, говорит воспитатель Лидия Ивановна: «Неделя прошла необычно...»

Секретарь ждет, когда я стану бунтовать. Устанешь, голубушка. Наших деревенских воробьев пустой мякиной не проведешь.

Моя бабуля, наверное, сведет меня с ума или себя всерьез тронет. Опять позднихонько выскочила из кухни в одной рубашонке. Они купили с Сережей газ на двоих, и бабуля

уверена: я и сижу долго потому, чтобы их газом на дармовщинку втихомолку пользоваться. То из-за дверей своей комнаты выскочит, то из-за шкафа, то из темной кухни...

В первый раз, увидев что-то легонькое беленькое, шмыгнувшее из-под вешалки, схватилась за сердце: все, голубушка, – испахалась на благо родной газеты, белые черти мерещатся... Теперь выхожу из комнаты резко, – если эта утлая лодчонка столкнется с кораблем, то ей придется пойти на мель. Бабуля, постоянно шмыгающая из темных углов, умудряется не столкнуться, семафоря издалека:

– Думала, что забыла газ выключить!

Какая стала заботливая! Был газ на троих – забывала, и не проверила ни единожды.

Редактор тоже весь коллектив взбудоражила: нам обещана великая материальная помощь от свадеб-похорон-крестин и до вставления зубных протезов... Перед добром ли это?

Мой хитрый план умолчания с Наташей сразу же не выдержал испытания. Она, который уж раз за год, задает мне опять свой вечный вопрос:

– Если бы не было в коллективе Мадам, то мы могли бы жить спокойно?

Нервная система «купленной» Наташи, наверное, дает сбой, и она забыла,

что я ей недавно на примерный вопрос шутя ответствовала: «Если все станете честно и добросовестно пахать, как это делает Мадам, то и при ней можно жить спокойно!» теперь эти слова «честно и добросовестно» прежде всею уколуют милую Наташу, и я слегка виляю в сторону:

– Подождите – она уйдет через год на льготную пенсию, и тогда все образуется!

Мне стыдно, но я держу камень за пазухой: «Все образуется в том случае, если вместо Мадам, Валеры и меня придут три бессловесных пахаря, которые не станут замечать, что редактор бывает в редакции налетом, что Паша получает зарплату за здорово живешь, что Наташа...»

ПРАЗДНИЧНАЯ ПРЕЛЮДИЯ

Моих материалов в праздничном номере нет, а на планерке секретарь сказала: «Кое-что пришлось даже убрать!» Я машинально и спокойно отметила: «Убрали мои материалы, если что-то принесли редактор или Паша».

Занесла секретарю две новые заметушки. Она:

– Почему не здороваетесь?

Я, машинально:

– Не с кем!

Она мне в спину:

– А со мной?

Через несколько минут открывает дверь в мой кабинет:

– Вы, Н. П., даже в праздник не можете не хамить!

Такого обвинения мне за всю жизнь не приходилось слышать, и вот итог: секретарь сказала мне все обычным голосом, а я, открыв дверь и на весь коридор:

– Не смейте мне хамить!

За февраль получила чуть больше восьмисот. Медпункт в К., моя последняя командировка, получил на квартал, на неотложную помощь тоже восемьсот, и медработники меня уверяли: «Этих денег нам вполне хватит!»

Стало интересно: если мою получку соотнести со стоимостью продуктов, то больше или меньше зарабатывает сегодняшний районный корреспондент? Потратим мою получку на хлеб: восемьсот делим на три рубля шестьдесят копеек – купим 222 буханки. На старые деньги за них заплатили бы только сорок пять рублей.

Стал цениться хлебушек.

Если сегодняшняя тысяча равна двум старым сотням, то Наташа продана за тридцатку. Ее полная премия сегодня 150 рублей. Сегодня на эти деньги можно купить

чуть больше 33 килограммов песку. Значит, 33 х 90 (старых копеек) – 30 серебряников.

Наш сегодняшний взбаламученный и перекрученный мир остался прежним: подлость по–прежнему стоит тридцать серебряников.

КАК ХОРОШО БЫТЬ БЕЛЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

Утром проснулась в страшной тоске. Все надоело: война между редактором и Мадам, между Мадам и коллективом, между пахарями и лодырями... Господи, на какие ничтожественности надо тратить душевный покой, когда его так мало в запасе! А тут еще бабуля посредством Сережи вздумала учить меня политесу. Привычно и молча выхожу в умывалку, и хитрая бабуля воркует:

– Сережа, ты со мной не поздоровался...

Сережа с бабулей здоровался, даже я слышала, а вот со мной он уже не здоровается до следующей квартплаты. Моя добрая знакомая, отдавшая Сереже приличные ботинки покойного мужа, вскоре была страшно шокирована:

– Он со мной даже не здоровается!

– Много хотите, голубушка, отдавали бы ему ботинки по частям – он бы и здоровался, пока не получил последний кусок каблука или подошвы!

А бабуля все еще выпевает:

– Мотри, Сережа, здоровайся, я ведь старенькая!

Не скажу, что мне жалко бабули. Не скажу, что мне безразлична ее старческая убитость, но «кто с мечом к нам придет!» Задумавшись о хамстве старенькой бабули, запнулась: а кто, интересно, в редакции мне ни разу не нахамил? Ответ пришел мгновенно: только Оксана и Наташа. Хамство стало нашей повседневностью, не уступающей утренней чистке зубов и полосканию рта после еды. На очередной планерке бия Мадам, редактор уничижительно прибавила:

– Вы даже секретарю команды подаете: куда и какой материал ставить...

Мадам дружески усмехнулась секретарю:

– Скажи, Оля?

Оля, глядя между Мадам и редактором:

– Все было не совсем так.

У нас в редакции все идет именно по этому принципу. Не дай бог, если весь мир в данной плоскости прозябает.

Слава богу, пришла настоящая весна. Завтра еду в Т. как белый человек: не пригородной забегаловкой и до рассвета, а пассажирским — в девять! Кто раньше мешал ездить этим поездом? Меня не поймут даже мои ровесники, а молодым станет просто смешно: мне всегда хотелось приехать пораньше, чтобы сделать материалов побольше. Больше уже этого не хочется – а кому это надо? Если только Мадам отметит: привезли много материалов и критических. Бедная Мадам помешана на критике, а меня интересует только жизнь человека. С количеством материала тоже вопрос решенный: не больше двух за день командировки.

ПРИВЫЧНЫЕ ТУПОГЛУПОСТИ

Без меня прошла планерка и мне не пришлось слушать наши привычные тупоглупости. По словам Наташи, больше всех досталось пахарю Мадам, а в заключение редактор сказала:

– Наташа, ты же видишь, какой у нас микроклимат! Уговори Н. П. перейти в твой кабинет! Дело ли это, чтобы Паша бегал писать материалы в радиостудию!..

Мы с Наташей посмеялись и решили тянуть с моим переходом до отпуска, но днем случилась «гадость»: где-то задержалась с обеда Мадам, а Паша, не написавший в феврале ни строчки, в середине марта вздумал «роботнуть» после обеда. Кабинет оказался закрытым, а ключи Мадам все время носит с собой.

Редактор рвала и метала в сторону бедной Мадам. Ее ор дополнялся писанием

объяснительной, возможным прогулом Мадам, где-то «гулявшей» три часа! И вот я сижу в компьютерном кабинете Наташи, где – так уж мне кажется – пахнет кладбищем, где у меня сразу же заболела голова и запершило в горле.

Зато я в одном уверена: все мы в редакции с жиру бесимся или плаваем по верху полыньи. Нас бы – на место учителей из поселка Т.: кроме сегодняшних российских бед, здесь имеется и своя собственная. Воду поселок достает из глубины 80–90 метров. Во время войны воду возили в цистернах с ближней станции. Позднее построили водокачку. Новый насос сегодня поселку не осилить. Как только откажет старый – поселок обречен. Молодые где-нибудь устроятся, а как будут доживать пенсионеры – одному богу известно. А моим милым учителям из поселка Т. уже сегодня можно стоять с протянутой рукой: зарплаты не выдают, приличные огороды и личное подворье при прежней жизни не заведены...

Как тут не раздражаться на коллег-журналистов, на каждой планерке делящих на зоны личного пользования Великий или Тихий океан. Паша на планерке был весь такой изработавшийся: на первой странице у него большое интервью с директором банка. Паша сидел весь такой несчастный от жалости редактора, которая сказала, адресуя упрек Мадам: «Паша, таким нервным я тебя еще не видела!» И бедный Паша сгоряча и в который уж раз пообещал, что поедет в командировку в С. Наташа раздражена: «Как можно быть таким, как Паша? Второй год обещает поехать в командировку!» А часто ли сама Наташа покидает редакцию? А боевитая Мадам тоже ведь второй год в командировку собирается?

Мадам опять подняла вопрос: «Почему никто в редакции не получает письма на обработку?» Мадам хотелось бы спросить иначе: «Почему все письма идут Паше?» Этого она не смеет сказать, потому ее все и бьют, начиная или кончая даже лодырем Пашей.

Редактор спокойно так спрашивает Мадам:

– Как же я отдам кому-то письмо спортивного вождя района, если он просил отдавать их только Паше!

Редактор привычно и беспардонно лжет: «вождь» однажды при мне принес материал, и редактор спросила: «Отдать Паше?» Вождь, довольно равнодушно: «Мне все равно!»

ТИХИЙ ОКЕАН НЕ РАЗДЕЛИТЬ

Глупо: начинаю не любить Наташу. Она сильно изменилась. Иногда в разговоре со мной у нее проскальзывают покровительственные нотки. Иногда она чем-то напоминает мне нашего секретаря. Особенно похоже они смотрят или молчат. Секретарь меня не волнует, но с Наташей что-то творится неладное. Наташа опять получила премию от пожарников. Немного щекотно: едва ли тот пяток информашек, которые дает Наташа вкупе с какой-нибудь беседенкой, стоят доброй сотни.

Значит, дорогая моя Н. П., вам неприятно: Наташу ни за что сотней наградили, а как же быть лично с вами? Вы и всего-то дали информашечку о ремонте бани, да две беседки сочинили с кассиром и мастером, но одна из кассирш берет за помывку с вас только половину, а другая вообще не берет ни копейки. За год тоже не меньше сотни таким-то манером в вашем кармане останется. Так, может быть, сначала себя немного разлюбим, а потом уж Наташей займемся? Так, что ли?

Последний штрих редакционного издевательства: на дворе давно март, а положение о премировании редактором все еще не утверждено. Горюет и высказывается только одна Мадам. Я молчу, но у меня на душе из-за справки пенсионной тоже соловьи не поют. Никто ведь не знает, что взбрет в шальную голову редактора. И как можно работать от души в такой обстановке, когда не знаешь, каким мешком тебя за трудолюбие из-за угла треснут.

СКАЗКА ПРО БЕЛОГО БЫЧКА

Опять невольно стала свидетельницей мини-пьянки. У кабинета машинистки стоял

рулончик бумаги, и я зашла спросить: нельзя ли и мне от этого рулончика «отстегнуть» самую малость.

Захожу, а от меня к окну, напоминая травленных тараканов, пошли Паша с Андрюшей на побегушках. Если бы мужчины, просто кивнув мне, продолжали разговор, то я бы и внимания на них не обратила. Они же, скрывая подпитие, не только ко мне, но и друг к другу спиной повернулись, а это было уже смешно...

Машинистка прибежала через несколько секунд, как нахлестанная:

- Вы чего приходили?
- Хотела бумажкой разжиться, что лежит у ваших дверей!
- Это А. И. купил для себя!
- Да мне безразлично: купил он или взял!
- Нет, не безразлично: он деньги заплатил!
- Да мне все равно!
- Нет, не все равно: он денежки платил!

Еще не хватало мне сказки про белого бычка. Замолкаю. Машинистка уходит, повторяя: «Деньги были заплачены!»

Пришла из чайной комнаты Наташа, обиженная:

- У машинистки телефон уже работает!
- Можно подумать, что жена помпрокурора впервые «сидит» на вершине редакционной лестницы!
- Я высказала обиду общества!
- Общества? Громко сказано! Эго бунтуют рабы в темной комнате и под одеялом!

БУНТ РАБОВ

На улице такая благодать, а тут расстроенная Наташа:

- Ну почему на свете столько подлости?
- ?!
- Пашке дали для поездки на свадьбу к дочери пять сотен!
- Почему бы и нет?
- Ему дали тайком от коллектива!
- Значит, Пашу–лодыря ублаготворили, а пахарю–Мадам в подобной ситуации кукиш с маслом предложили!
- Вот в чем вопрос!

Но бушуем мы с Наташей по–рабски – у себя в кабинете. Я бунтую только за компанию с Наташей, а сама по себе давно не обращаю внимания на наши редакционные гадкости.

НИТЬ АРИАДНЫ

Сегодня приехала пятнадцатилетняя Леночка Ф. Она – несомненно редкое явление в мире литературы. Ее стихи обычны: розы, мимозы, кровь–любовь, но проза бесподобна, не сразу и определишь литературные витания Леночки. Назову их нитью Ариадны. Я чуть было не испугалась, узнав, что Леночка приехала из дальнего хозяйства: что же будет дальше, если все деревенские девчушки станут размышлять в мире прозы на таком непривычном для литературы уровне? Все оказалось просто: в деревне девочка живет только второй год, они приехали с мамой из Ленинграда.

Мои восторги так сразили Наташу, что в первую секунду она страшно позавидовала девчушке. Мне стало весело: в ее возрасте я бы тоже позавидовала, но только ни за что бы не выдала наружу состояние своей закомплексованной души.

ОДНА – «СЪЕДЕНА», ДРУГАЯ – «ПОКУСАНА»

Вернулась из Т. во вторник. В среду там побывала группа из райадминистрации. В ее числе – подруга нашего редактора. Редактор: «Н. П., возьмите информацию о встрече!» –

«Глупо, – подумала я, но раз сказал начальник, что снег...» Вот уж не повезло нам с этим снегом: какой цвет ни назови, но в природе снег непременно и таким бывает.

И вот я в кабинете подруги нашего редактора:

– Мне приказано взять у вас интервью или информацию о поездке в Т., где я была вчера...

Круглое личико подруги редактора смешливо вытягивается:

– Но это же глупо...

– Приказы не обсуждаются...

Подруга редактора смеется:

– Если я стану давать интервью, то Н. И. съест меня! Этого не говорите редактору! Скажите, что я очень занята, что просила извинить меня...

За год работы под началом подруги Мадам подруга редактора изменилась до невероятности. Еще прошлый год это была тактичнейшая и любезнейшая женщина, сегодня, заметив, что перед ее кабинетом собралась почти толпа, как-то по-рыночному взмахнув холеной ручкой, почти закричала: «Эй, заходите все!»

Редактору легко «съесть» нашу Мадам: неразвитую и малограмотную. Но чтобы подруга Мадам, женщина такого же усредненного развития могла «уесть» интеллигентного человека и психолога до появления у него замашек кухарки на полевом стане – это загадка.

Прошлый год подруга редактора самоуверенно вещала: «Мне с обеими приходится ладить!» Видимо, в жизни ладить с обеими невозможно: наша Мадам «съедена», а психолог «покусана».

МОЖНО ВОРОВАТЬ ВПОЛНЕ ПРИЛИЧНО

Редактор и Наташа отстегнули от денег, заплаченных железной дорогой за буклет по 250 непонятно за что: редактор нашла клиента, который сам пришел с предложением, а Наташа работала в обычные рабочие часы. Более того, высокомерно отшивала нашего прежнего пьянка, когда он приступал к Наташе с газетными заботами.

Наташа, придя из редакционных «верхов»:

– Редактора в Москве обворовали: в сумочке было две тысячи! Редактор просит материальную помощь, а бухгалтер сказала: «Нет!»

– Бухгалтер сказала «Нет»? Не смей ты меня! И сама забудь об этом: редактор возьмет эту материальную помощь тогда и столько, сколько заблагорассудится! Взяла же она ее в прошлый год и без вашего разрешения! Может, ты тоже получила?

Последний вопрос еще висел на языке, когда я поняла, что поступаю неразумно. Конечно же, какой-то мизер профсоюзница Наташа зачерпнула в этом тайном котле. И теперь бедное дитя может подумать, что мне тоже дороги в жизни нету без редакторской подачи.

ВСЕ ВЫХОДИМ В СЧЕТОВОДЫ

Прошла планерка. Крику было – итогов никаких. Кричали опять же о получении премиальных. Редактор предложила писать двести строк без премии. За 210 строк – одна премия, за 220 – другая...

Словом, работать станет некогда – будем с утра и до вечера считать строчки. Секретарь предложила дополнительные условия, при несоблюдении которых корреспондент лишается премии. В числе прочих было и корректное отношение. Сама, отработав без году неделя, на прошлой планерке, по словам Наташи, опять визжала на коллег.

Интересно: считает ли она корректным свой донос редактору на нас с Наташей? И прочая, и прочая...

ЛЕВАЯ ПЯТКА МАДАМ

У нас с Наташей с утра болят головы. Позвонил Г. В недавнем прошлом слесарь птицефабрики с пединститутским дипломом:

- Идет второй месяц, а на мою критику все еще нет ответа!
- Но мы же с вами договорились, что позднее сделаем материал!
- Никакого материала с вами я делать не стану!
- Что же вы тогда хотите?
- Чтобы в газете появилось мое несогласие!
- Но в той заметке не было ничего оскорбительного!
- Для меня – есть!
- Приходите в редакцию, решим все на месте!
- Я в редакцию не пойду!
- Хорошо, приду я, можно сделать это на следующей неделе?
- Нет! Только сегодня!
- Хорошо! Какое время вас устраивает?
- От семнадцати до девятнадцати!

В это время вошла бедная Мадам:

- Наташа, ты сказала Н. П. о вчерашней планерке?

Пришлось еще раз переживать всю вчерашнюю муть. С Наташей это легко и просто: понимаем друг друга с полуслова. Но любая беседа с Мадам становится неподъемной тяжестью. Особенно брезглива присказка Мадам о том, что она свои материалы пишет левой пяткой.

Делаю вид, что слушаю Мадам:

- Нам бы надо всем объединиться!
- Что вы говорите, Н. Н.? С кем мы можем объединиться? С Пашей и с Валерой, но они весь год работали спустя рукава. Они против редактора не пойдут, они в ее власти!

Так мы и переливали из пустого в порожнее, пока, к счастью, снова не зазвонил телефон. И я пошла на встречу с Г. Он импозантен, пока молчит, открыв рот, сразу же садится в лужу: «А что вы хотите?»

Наташа его определила точнехонько: новый русский. Своей пустопорожней упертостью напоминает нашу Мадам. Придется помещать в газете извинение: грозит судом, но пытаюсь еще раз отыграть полный назад:

- Я не спешила потому, что мы собирались делать материал...

Г. меня мгновенно подрезал:

- Если мы надумаем делать какой-то материал, то у нас для этого есть член Союза журналистов и бывший редактор!

- Это кто же?

–А. И. В.!

- Ясно: не соответствую рангу!

- Да нет, но...

В это время в кабинет Г. франтовато ввалился Андрюшка на побегушках. Увидев меня, фамильярно ослабил:

- О, какие люди в Голливуде!

Поскольку мы с этим бывшим редактором лично не общались, то сделала вид, что вышесказанное ко мне не относится. Бывший мгновенно посерьезнел и вскоре ушел из кабинета. И тут я не удержалась:

- Член Союза журналистов и бывший редактор – на побегушках у коммерсанта Г.!
- Не будем обсуждать человека за его спиной!

РАСЧЕТ НАТУРОЙ

Наташа завтра должна ехать в Северодвинск на слет Всероссийский юнкоров и руководителей юнкорских постов. Ни командировки, ни денег не дали. К вечеру кинули «кость» на сотню. Надо бы две.

Наташа согласилась ехать на свои, командировку возьмет и там. Редактор, насладившись униженностью Наташи, потом все с лихвой оплатит.

Сегодня перевозбужденная Наташа недобро «точила зубки» на материале Паши настолько увлеченно, что пришлось ей польстить, и вполне искренне:

– Успокой себя тем, что его не возьмут ни в одну газету выше районной!

Андрюшка на побегушках, а точнее – коммерсант Г., дал Паше денег на

поездку в Москву. Наташа было сунулась туда же, но Андрюшка ответил что-то невразумительное:

– Надо работать!

Наташа не сдержалась:

– Чтобы в мой кабинет больше не заходить!

Слава тебе, Господи, глава администрации из Л. согласилась извиниться перед Г. Завтра дам в газете информашку.

Зато наш редактор опять «пошутить» изволили:

– Наташа, мне звонила замначупр (ее подруга): ваш семинар перенесен на апрель. Сейчас нет денег!

Наташа стала звонить в Дом творчества, чтобы предупредить товарищей по несчастью: куплены билеты, вызваны ребята из района... Потом мы «украли» толику редакционных денег и позвонили в Северодвинск. Оказалось, что слух был привычным редакторским «свистом». Поразительно: как наш редактор себя не уважает. Вечером, мило изумившись словам своей подруги из Управления, редактор кинула Наташе еще одну «кость». Третьей, не зная, что будет вторая, Наташа добивалась весь день от знакомых коммерсантов. Дела шли настолько туго, что у меня сердце запोकывало и голова разболелась. И наконец – то в конце дня в наш кабинет зашел мужичонка, ужасно смахивающий на Есенина, достал толстенную пачку денег и небрежно отсчитал десятками сотняжку. Водитель бизнесмена, сущий облом, полупрезрительно рассматривал нас с Наташей. Наташа набрала сил для улыбки:

– Как будем рассчитываться?

– Натурой! – совсем уж презрительно процедил облом!

У Наташи слезы на реснички, а облом продолжил:

–... Ну, там, яйцами, курами...

Редактор тоже решила опять прошвырнуться в Архангельск. Значит, Паша с Наташей по городам и весям путь держат. Мы с Мадам станем всю неделю пахать за четверых, а Валера с Оксаной пойдут в пристяжных.

Живы будем – не помрем.

НАШ ДОБРЕЙШИЙ ОТВЕТСЕК

В свое время ушла я от пьяного секретаря, слегка испугавшись небывалой грязи. Секретарь, по словам редактора, постоянно ей что-то на меня доносил. Не знаю, что можно было на меня доносить, но стоило мне похвалить пьяного ответсека, как редактор многозначительно и намекающе прерывала: «Вы еще его просто не знаете, это очень подлый человек!»

Не знала, а теперь знаю: прежний ответсек был ничуть не подлее остальных. И, убедившись, что я с доносами не бегаю, однажды открылся до донышка. Приняв деньги за очередное объявление, сказал:

– Заметили, Н. П., сколько я взял с него, а мог бы взять треть или половину! Богатый! Пусть платит! Зато с нашего «травотерапевта» возьму заметно меньше, чем следует!

У секретаря и мысли, видимо, не возникло, что я могу отреагировать на его подлость как-то иначе, чем омерзительной ухмылкой сообщника. А мне секретарь стал просто отвратителен. Молодая пара, которую нагрел наш добрейший ответсек, мне запомнилась какой-то суматошностью. Цифра, названная секретарем, видимо, страшно смутила молодого человека, и он стал лихорадочно рыться в своих карманах. Потом дошла

очередь до карманов и сумочки его спутницы.

Молодые все–таки наскребли требуемое. Я, еще не зная о разбое секретаря, смотрела на них почти с безразличностью, вспомнив народное речение: эти вшивые богачи...

На следующий день, встретив пару в городе, не знала, куда глаза девать, хотя они едва ли узнали меня. Помучившись этим омерзением день–другой, ушла из кабинета секретаря, хотя мне там прекрасно работалось, несмотря на постоянную суматоху и сутолоку редакционного нерва.

И, помучившись день–другой, все рассказала Наташе. Она, привычно на несколько секунд превратилась в соляной столбик, который не может ни принять информации, ни оттолкнуть ее. Секунды прострации проходят, и Наташа изумляется:

– Не может быть! Он же не должен брать денег! Их берут только бухгалтер и машинистка!

– Не знаю, что должен, но что делал – видела своими глазами!

– Но какой смысл, если он все равно выписывает квитанцию! Хотя...

Мы подумали об одном. И мысли наши были отвратительны: квитанция на двух листочках. Один из них отдается клиенту...

УНИЖЕНИЕ СТРАХОМ

Смотрю вторую газету подряд: моих материалов нет. Опять испытываю гадливое чувство страха: не будет нормы – не получу премии, не хватит зарплаты для пенсионной справки. У меня уже минус больше сотни строк, а в этом месяце еще выйдут только две газеты. Вот же гадство: вся жизнь уперлась в строкаж, а на улице настоящая весна: синицы поют мне с каждого дерева. Если нет никого поблизости, то я говорю им «спасибо». Синичка умолкает на миг, чтобы я еще раз успела сказать ей «спасибо», а потом еще звонче продолжает свои праздничные трели.

Мадам тоже выдала небывалое:

– Не стану больше ходить на планерки!

У меня опять хватило ума постараться попасть в струю Мадам:

– Да, нас с вами уже поздно учить писать!

Мадам прерывает:

– Учиться никогда не поздно!

Беру душу в кулак, чтобы не брякнуть: «Что же не учишься?»

Мадам, выждав паузу, продолжает:

– Не пойду потому, что я там всех раздражаю!

Этому решению все в редакции обрадуются, но, боюсь, что Мадам опять «находится в свободном полете»: она не может не быть в эпицентре внимания.

СМЕХ, КОТОРЫЙ ПОХОЖ НА ПЛАЧ

Расту. Меня «учат» второй раз. Секретарь под вечер неслышно впорхнула в кабинет: она мала, худа, на ногу легка. Парик, слава богу, сняла: ничего и нигде не торчит.

– Н. П., я ваш материал возвращаю!

– ?!

– Имеется совсем другая информация! У вас только мнение телятницы! Опять придется извиняться!

– Но я своими глазами...

Слава богу, что я замолчала. Не стала доказывать «своему господину», что душой и телом перед ним чиста, что ни убивать, ни поджигать его не собираюсь, что замороженных телят своими глазами видела, что моя милая Нина Николаевна – человек в деревне уважаемый, что комбикорма на фермах воруют по всей России, что...

Это все талдычат гены крепостного раба, а что должно было в мгновение ока промелькнуть в голове современного раба? Полнейший примитив: у секретаря в тех деревнях живут родичи, она сама имеет там дом или дачку, собирается иметь... Это же все

так понятно! Понятно и то, что к моим журналистским грехам прибавится еще один: не выйдет в свет беседа с милой уму и сердцу телятницей.

В такой-то великой понятливости поднесла я к лицу зеркальце и попыталась посмеяться над собой, но глаза меня не слушались. Не пала бы моя гордая крепость под каким-нибудь инсультом.

ВОТ ТАК И ЖИВЕМ

Вчера вечером природа вещей и явлений подарила мне маленькое чудо. У меня за окнами висят громадные сосульки. Вечером, в прединсультном настроении глянула за окошко: на сосульках горело какое-то красное мерцание. Испугалась, но все оказалось проще пареной репы: свет лампы отражался на красной вазе, стоящей на окошке, а далее через оконное стекло попадал на сосульку. В другом окне заметила, что свет от вазы с таким же успехом гуляет в ветвях деревьев через дорогу от дома...

Так или иначе, но все утро из головы не шли слова из песни: «Вам возвращая ваш портрет, я о любви вас не молю! В моей душе упрека нет, я вас по-прежнему люблю!» Смешно, пора бы уж петь... А что уместно петь на шестом десятке – не знаю. Зато другое стопроцентно: все прединсультные страхи стали какой-то туманной дымкой, бестелесны.

ПОЙ, ДУША, ПОЙ!

Душа пела не напрасно. Нам увеличили зарплату почти в два раза. Теперь хватит для справки одной зарплате.

Слава тебе, Господи, за покой в душе и за любовь к работе.

Посмотрела материал секретаря в сегодняшней газете: пытается рассуждать о церковном посте. Как журналист, секретарь заметно слабее редактора. У той изредка находила одну-две «ляпы», у секретаря таких до десятка, стиль рассуждений уж слишком волнист: все время как бы повторяет разговор сначала.

У нас в редакции новости на старой основе. Прежний ответсек целый день «добавлял» горячительное в гордом одиночестве. Редактор опять в отлете. Ко мне с утра зашел наш внештатник:

- Все у секретаря, а вы почему здесь сидите?
- Я не хожу к секретарю на планерки.
- Но там накрыт стол!
- Собрались по случаю дня рождения.

Давать такие объяснения – приятности мало, тем более, что у моего собеседника язык без костей. Да и многие ли станут таить в себе такую новость при недавнем уволенном пьяном ответсеке?

ВСЕ о НАТАШЕ

Наташа Северодвинским форумом предовольна, а более того собой: на того произвела неизгладимое впечатление, тот в нее без памяти влюбился, тому она только кивнула свысока... Она отметила только журналистов центральных газет и самого профсоюза областных журналистов...

Все слова Наташи близки и понятны, а молодость так быстро проходит: пусть покупается в лучах уходящей юности с ее неизменными атрибутами. Зато родная сторона встретила Наташу сурово. В Северодвинске представители всех районов выпустили газетки, чуть больше обычной тетрадной страницы. Наташа шутя сделала эту газетку со своими подопечными ребятами, посещавшими Дом творчества по линии юных журналистов, но один из ее девятиклассников полностью списал откуда-то свою заметушечку. И это «преступление века» злобно продернули представители из Уфы на своей «страничке».

Вся эта история не стоит выеденного яйца, но в соседнем с нами районе сочли его преступлением века без кавычек. И вот, сидим мы с Наташей, и так-то приятно беседуем.

Влетает наш редактор:

– Наташа, покажи газеты! Мне соседний редактор по телефону говорит: «Целый день тебя разыскиваю! В Северодвинске такой конфуз вышел, такой конфуз!»

Наташа, заалев:

– Никакого конфуза не было! Я думала, что Т. П. много умнее!

Соседний редактор и в самом деле умна, но ее посланница, тоже не глупая женщина, не сумела сделать в Северодвинске эту газетную крохотулю. Отыгралась на Наташе – благо, и повод нашелся.

На этом местные «приятности» для Наташи не закончились. Отпахав в Северодвинске, Наташа с чистой совестью взяла в понедельник отгул по собственному усмотрению, поскольку птички нашей на месте не было и в понедельник не ожидалось. Та появилась и накричала по телефону на директора Дома творчества: «Наташа прогуляла понедельник! Поездка в Северодвинск – вообще не газетное дело! Я Наташе поставлю прогул!»

Что-то подобное Наташе повторили еще три или четыре человека. И мне пришлось выступать в роли мамки неутешному дитяти, но теперь у меня за пазухой «сидел» здоровенный бульжник, который назывался «Если, то...» Если вспомнить, что Мадам сидит в редакции с точностью до минуты, то Наташа, прогуляв, совершила злостный проступок. Если вспомнить мотыльковую пригодность Паши, то прогул Наташи можно смело обозвать детской шалостью...

Беспардонность нашего редактора общеизвестна, но все-таки, все-таки: рассказав о прогульщице Наташе каждому встречному и поперечному, она ни словечком не обмолвилась только самой Наташе, о прогуле тоже и не упоминалось.

Секретарь тоже в своем репертуаре. В сокращенной и выправленной ею заметочке об умельце из Ташкента задержалась только одна внятная мысль: не появившись в деревне этот ташкентский мастер, то и гвоздя в округе забить было бы некому. Теперь деревенские мастера имеют право дать мне бой. Хорошо бы написали в газету, но они скорей всего промолчат и будут говорить по деревне: вот же, приезжала «курица», и не увидела в деревне лесу из-за этого ташкентского «куста».

ДОЦЕНТ ИЗ ЛЕНИНГРАДА

Наташа сказал, что Паша где-то во Владимире принят в Союз писателей – показывал «корочки». А я в поселке Л. сделала четыре материала. Самой веселой для жителей поселка станет беседа со старшим мастером участка, особенно в той части, где он упивается борьбой с алкоголизмом. По словам директора неполной средней школы Нины Андреевны, сам старший мастер «не просыхает». Во всяком случае вечером, когда Нина Андреевна провожала меня на последний автобус, мы встретили абсолютно пьяного мастера – он меня и не узнал. А сколь же хорошо он рассказывал мне про своего брата, живущего в Калифорнии, который так удивляется нашим пьяным порядкам!

Этот грех пусть будет на его совести, а мне до слез обидно: этот мастер даже собою удивительно хорош, хоть на племя его оставляй! А сколь приятно было с ним общаться, даже кофе он меня угощал по-особому: «Спасибо, что вы в моем доме откушали!»

Беседуя с Ниной Андреевной, сделала еще одно открытие: наша бедная Мадам, ни разу не бывавшая в этом поселке, тут дважды «наследила».

В данной школе «промелькнула» доцент из Ленинграда, и здесь разыгралась трагедия местного масштаба. Доцент приехала в район по климатическим условиям. Найти место в городке такому узкому специалисту «не захотели».

Доцент-химик, далекая от условий жизни в замурзанных лесных поселках, лавиной обрушилась на местных нерадивых учителей, настолько, что одна из родительниц и до сих пор жалеет упорхнувшего доцента.

Доценту бог судья, но «тупым и неразвитым» ребятишкам опять же достались те же самые «неразвитые и ленивые» учителя. Мадам, не заглянув в поселок, написала разгромную статью. Редактор, только что занявшая это «неловкое» кресло, дала статье

зеленую улицу. Нашумевшая доцент еще как-то умудрилась купить для школы породистого скакуна, чтобы обучать ребятишек верховой езде. Доцент, убегая, между делом продала скакуна, не списав его. И вот с Нины Андреевны, опять принявшей школу, стали требовать подотчетного копытного.

Мадам, опять же «допросив» Нину Андреевну по телефону, пишет вторую разгромную «о дорогой пропаже», о неутешно рыдающих родителях, о поселковых ребятишках, которые, лишившись рысака, опять «станут утопать в грязи и невежестве».

Свидетельствую: раздрай, сотканный в поселке доцентом и Мадам, все еще не улетучился. Во всяком случае, за всю мою летунскую жизнь, полную командировочных приключений, только на автостоянке этого поселка так дико дрался водитель автобуса с местными гаврошами.

МАШИНИСТКУ ОБИДЕЛИ

Вчера машинистка залетела в наш кабинет красная и только что не бросила нам стерженьки прямо с порога. Наташа сразу стала маленькой и несчастной от горя машинистки:

– Пойду, узнаю! Наверно, ее до слез довела редактор!

Вернулась:

– Скорее всего, Мадам сделала замечание, что давно не давали стерженьков.

Непонятно и отчего, но мы все время побираемся со стерженьками. А на следующий день Наташа опять озаботилась машинисткой:

– Все еще не отошла от злости!

– Пусть хоть и никогда не отходит!

– ?!

– Когда у нас с тобой на душе тошно, то мы же не бегаем по редакции и не портим другим настроение!

НАТАША ВЫРОСЛА

Наташа сообщила редактору: будет поступать в МГУ. Редактор в шоке: почему не в ЛГУ – это же наш региональный вуз? И еще было высказано много удивления в разных мелочевочных вопросах, только оскорбляющих Наташу. Главное же оскорбление заключалось в том, что редактору было абсолютно безразлично: на курсы ассенизаторов поступает Наташа или в МГУ.

Ребенок обиделся и высветил мне еще одну грань прежних отношений с редактором. Принимая Наташу на работу, редактор подчеркнула: «Тебе совсем ни к чему учиться, мы и без диплома не станем уважать тебя меньше!» Стало понятно, отчего Наташа так свысока и снисходительно слушала мои двухгодичные уговоры: «Тебе надо обязательно получить высшее образование! Возможно, положение бедной Мадам тебе и не угрожает, но все-таки, все-таки!»

ПАША ВЫШЕЛ В ЛЮДИ

В апрельской газете помещено:

«По-здрав-ля-ем!

В православном городе Владимире с 27 по 29 марта проходило Всероссийское (?) совещание молодых писателей. Его участником был и сотрудник нашей газеты Павел З. Это событие стало для него судьбоносным. На совещании Павел принят в члены Союза писателей России (?)

Во дни Великого поста

Я проходил свое крещение.

И с Богоносного холста

Ко мне сошло благословенье.

Теперь я признанный поэт Многострадалицы России,

Которой спасу все нет
Под тяжким гнетом лжемессии.
Невольно голову склоня
В своем доме опустошенном,
Я все же верю в силу дня
С набатным колокольным звоном.
Я верю: возродится Русь
Через свое грехопадение.
Я весь в слезах, и я молюсь,
Пройдя в писатели крещение.
П. 3.»

Первое впечатление Наташи:

– Посмотрите, Н. П.! Можно ведь понять, что Пашка сам себя поздравляет!

– Да, я подумала о том же, но здесь вина секретаря: вариантов подачи материала великое множество.

О стихах говорить не стала, не посмеялась вместе с Наташей над «признанный поэт» и «Пройдя в писатели крещение».

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО

Во дают, коллеги! На планерке секретарь отчитывается перед редактором:

- Валера не сделал запланированный материал тот, тот и тот...
- Наташа не сдала ни одного материала за минувшую неделю...
- Оксана была всю неделю неизвестно где и неизвестно чем занималась...
- Бахтина ничего не планировала – ничего и не скажу...

О Паше, тоже неизвестно где бывшем и чем занимавшемся – ни слова. Стали планировать следующую неделю. Валера привычно наобещал с три короба, каждый материал пояснял тяготно. Пришла моя очередь. Перечислила все лежащее в папке секретаря, та поджала губы:

– Я звонила – об Александре Е. не очень – то хорошо в деревне отзываются!

– Вот здорово, значит теперь, прежде чем поставить мой материал из деревни, вы станете туда звонить!

Редактор, подписывая командировку после планерки:

– Пусть у вас есть запас – вы у нас человек писучий, но все-таки сдавайте и дополнительные планы...

Я, каюсь, брезгливо промолчала: о моих ли планах надо бы беспокоиться редактору, но мне жалко только умную и способную, но несобранную Наташу. С первых чисел марта она ежедневно подчеркивала, насколько теперь перегружена работой: тот обещал написать заметку, тот пишет, этот просит поскорее пропустить заметушку... А на самом деле она умудрилась не сделать ни одной заметушки. Мне это непонятно. Как она станет жить дальше?

Моя Наташа лжет напрапалу: несколько месяцев подряд лепетала о том, как много денег берет себе редактор с того злосчастного буклета для железной дороги. Сегодня сказала:

– Н. П., редактор себе и мне выделяет по 250!

Оказалось, что взяли по 280, ну и ладно, кому жалко – то. У нас на днях отказал компьютер, приходил для ремонта местный самородок, и заодно редактор обнародовала новое приобретение: модем. Его подключают к телефону, и можно записывать все разговоры, установить автоответчик. Молодого человека редактор сразу же увела за собой, я обрадовалась: они с Наташей могли бы затеять разговор профессионалов, Наташа стала бы привычно подзуживать самородка, и мне пришлось бы выслушать много «научной» белиберды, в которой ничего не смыслу. Но меня сразил вид Наташи: высокомерный и обиженный одновременно. За гостями только что успела закрыться

дверь, и Наташа саркастически выдала:

- Покупает модем, а сама не знает, для чего он нужен!
- Наташенька, ты не права! Она пригласит специалиста, который ей все «разжует».
- Ну, Н. П.! Неужели вы не заметили, что она увела парня: боится, что он меня чему–нибудь научит на модеме!
- А ты разве не знакома с этим модемом?!
- Откуда, если его у нас не было?!
- Познакомишься!
- Разве вы не слышали, что она на время моего отпуска хочет посадить за компьютер секретаря?
- Слышала, но разве так легко «сесть» за этот компьютер?
- Научит, чтобы повысить зарплату!
- Но ты же сама отказалась работать на компьютере...

Еще не закончив, поняла, что сморозила очередную глупость. Отказываясь, Наташа надеялась, что редактор повысит ей разряд. В Северодвинске, по словам Наташи, компьютерщица имеет двенадцатый против Наташиного восьмого. Или та компьютерщица лижет редактору пятки, или там редактор из ума сложена.

Сегодня у нас в кабинете какой–то слезный день. Только что разобралась с таинственным модемом, как пришли почти друг за другом Оксана и Мадам. Обе жалуются на секретарские правки. Чтобы поскорее поставить точку в этих пустопорожних разговорах, показываю свой материал, черный от правок и сокращений. Мадам охает:

- Будет ли у вас после этого желание работать?
- Конечно, будет! Неужели какой–то неразвитый секретарь способен поколебать мои жизненные устои?!

Мадам в ответ так печально вздыхает, что я готова дать себе в лоб: ее–то сокращали и правили все редакционные секретари.

В ОДНОЙ ЦЕПИ

В песне ленинградского барда Виктора Цоя есть такая фраза: «Мы связаны одной цепью!» Я, написав о бане и «заработав» бесплатную помывку, связалась одной цепью с работниками бани. На днях банщицы попросили у меня старых газет. Отказать – неприлично, носить – тоже не фонтан. Ношу. Успокаиваю свою «проданность» тем, что просто покупать старые газеты для женщин все–таки дороговато станет.

ТОРГОВКИ

Наташа купила у редактора на первый взгляд вполне приличный плащ, замша. Молодушка крутилась передо мной и ворковала:

- Секретарь ругала редактора: «Дешево отдала – в Москве такой плащ стоит все полторы тысячи!»

И угораздило же меня в этот момент глянуть в сторону «поющей» Наташи: около верхних пуговиц и карманов сплошное «сало». Такое барахло в Москве не возьмут и за половину уплаченного Наташей, только бы это приобретение было не с больного или покойника. Глупая Наташа. Значит, редактор катает по стране, скупает барахло и таким–то образом они с секретарем делают бизнес. Это для них вещь привычная: редактор же спекулировала водкой в молодости, а секретарь буквально вчера торговала с лотка.

АКЦИЯ

У секретаря подсчитаны строки по каждому номеру. В газете строк всегда меньше, чем идет по отчету секретаря. Значит, еще строчки, занятые рекламой, бесплатными благодарственными материальчиками в честь дорогих юбиляров... ставит Паше, Наташе, возможно, иногда и Валере.

Странно, что Мадам до сих пор не дошла до этой простейшей акции. Значит, не

напрасно говорят, что открытия делают дилетанты. Сказать об этой акции Оксане? Ее в гордом одиночестве лишили премии, хотя нормы нет у многих. Она скажет родителям, те поднимут шум. Редактор быстренько даст ей какую–нибудь платную страницу, несколько отгулов за счет редакции, расхвалит ребенка на планерке неизвестно за что... А я окажусь в помойной яме, вырытой собственными руками. Сказать открыто – нельзя, тайно – противно.

НАС ПОСЕТИЛА МАШИНИСТКА

Наташа, услышав от меня какое–нибудь особое слово или выражение, непременно употребит его в разговоре или в материале. Она, естественно, слышала их и раньше по теле или радио, но там говорили люди из «высших сфер». В пятницу она удобно использовала слово «пиша».

Мы с Наташей тихохонько беседуем около ее сынишки, лежащего на стульях и болезненного посапывающего, как я вдруг невольно вскрикиваю:

– Смотри, Наташа, у твоего сынишки висок набухает и опадает, видимо, в такт дыханию...

В кабинет врывается машинистка. Видя больного ребенка, «главный редактор» привычно открывает рот шире ворот:

- Наташка, что это за слово?
- Пиша!
- Замени!
- ?!
- Каким словом его можно заменить?
- «Готовя»...
- Исправь своей рукой «пиша» на «готовя»!

НАЧАЛЬНИК ПОЖАРНИКОВ

У Наташи с бухгалтером дружинка. Это дает ей малые льготы: начислена, скажем, зарплата за прогульный день. При нашем редакторе возможны и большие прорехи в редакционном кошельке. Наташа ушла на обед после времени, и ее рвут на части. Прибежала деловая редактор, и с порога кричать:

– Н. П., почему Наташа сегодня на работе? Если за пятницу отработывает, то должна только полдня!

Я молчу. Мне смешон и омерзителен «деловой» шум редактора: Наташа ушла в пятницу с больным малышом и заметно после обеда.

Час от часу не легче: я все еще пережевывала глупость редактора, а тут новая напасть. Пришел начальник пожарной части, который подкидывает Наташе премии. Да, с этим товарищем, как и с нашим редактором, можно общаться только за дополнительную плату. Но речь о другом: на прошлой планерке начальнику «пожарников» попало от главы администрации, и вот он не может забыть чистки целую неделю. Сегодня хотел «дать бой» главе администрации более аргументировано, и вот планерка вообще не состоялась. Я ахнула:

– Как же так можно? Такая масса руководителей ринулась к администрации! Одного бензина сколько понапрасну истратили. Так ли уж трудно секретарю было обзвонить всех или сделать объявление по радио!

Начальник по–мальчишески хмыкнул:

– Это еще что! Иногда сидим и ждем выхода главы длительное время, а тут приходит секретарь и объявляет: «У главы болит голова!»

ПОСЕТИТЕЛИ

К нам зашел редактор из Каргополя:

- Где Пашка-писатель?

Мы с Наташей привычно рассмеялись:

– Спросите что-нибудь полегче!

Судя по тону каргопольского редактора, он знает, что в России теперь «полно союзов писателей». Один из них осчастливил нашего Пашу.

Следом пришла «плачущая» Оксана:

– Опоздала на пятнадцать минут, так редактор мне такой устроила разнос! Вскоре пришел опоздавший Пашка. Она ему и говорит: «у, Паша, ну, что же ты? Надо вовремя приходиться на работу!» Пашка стал ей рассказывать про какого-то мужика, и они стали весело смеяться!»

Мне неловко: мой кабинетный крест с Пашей несет Оксана. Пытаюсь успокоить себя тем, что Оксана – дитя с крепкой нервной системой, жизнью – тьфу-тьфу-тьфу! – не битая. Мне постоянно наблюдать Пашины выкрутасы – здоровья не хватает. Правда, для чистки тогда редактор уводила Пашу к себе в кабинет. Паша возвращался бледный и с белыми глазами, но завтра-послезавтра все повторялось...

СТАРСТЬ И ГЛУПОСТЬ РЯДОМ ИДУТ

Желая похвастать, что в свои двадцать я была девчонкой на уровне, принесла фото, где мы вдвоем с моей несимпатичной деревенской ровесницей. И вот – бог меня покарал устами нашей машинистки. Ткнув пальцем в мою ровесницу, она спросила утвердительно:

– Это вы?

Допускаю, что машинистка сказала это из злого лукавства. Она не дарит радость людям просто так, за здорово живешь. Пригласила Наташу за отпускными, та, ожидавшая денег несколько дней, радостно вспыхнула, но машинистка обрезала:

– Не радуйся, придется делиться с Валерой!

Отпускных наскребли только для одного человека, отпускников – два.

Слава богу, вышла на работу Мадам: можно слегка расслабиться.

С Наташей в отделе весело, но – каюсь – жду, когда она уйдет в отпуск. Не хватает здоровья в последние дни. Наташа каждый день в трансе от ляпсусов. Отпускные бухгалтер нашла для нее, а машинистка приказала: делить. Додельвает долги перед газетой. Вчера позвонили в МГУ, и новый удар: обещали общежитие для иногородних, а теперь пошли на попятный. Москве легко – сказали: «Перезвоните в шестнадцать часов!» Перезвонили: «Перезвоните в семнадцать. Не пришел товарищ, который ведает общежитием!»

Тут мое терпение кончилось: «Не звони больше никуда! Приедешь – поставишь человека перед фактом! Обещали – пусть селят!»

«ПОДСНЕЖНИКИ»

Несколько дней встречаю в городке явно неприкаянную душу. Человек средних лет в жароустойчивом костюме сварщика. Издалека видно, что «вытаял» из мест лишения свободы. Сегодня уверенно устроился у нашего подъезда, а рядом топтались еще два «подснежника». Один выступал:

– Твое-то – лафа, ты-то был на общем, а я на строгом...

Господи, помоги им хоть чем-нибудь! Я могла бы уделить им часть гречневой крупы, но они ведь тотчас «купают» на нее выпивку: сужу по своему хозяину.

ВСЕ ТЕЧЕТ, НО МАЛО ЧТО МЕНЯЕТСЯ

Смотрела «ИЛ» № 12–95, и смогла в который уж раз повторить себе: нравственность мира не стала ни хуже и ни лучше за века, которые минули со дня смерти Джонатана Свифта. Оказывается, лично я стараюсь жить строго «по обязательствам» автора «Путешествия Гулливера». Джонатан Свифт в 1699 году в возрасте 33 лет написал: «Когда я состарюсь, то обязуюсь... «Здорово же «опекали» старики молодого капеллана Дублинского собора в Ирландии, если он сделал упор именно на старость.

Что насмешило в «заветах» Свифта: «Не слушать сплетен слуг...» Я бы тоже не стала, но где взять слуг...

Что заставило усомниться: «Не давать советов, если об этом не просят!» Я даже «покаялась» перед Наташей, поскольку все время грешу советами. Это милое дитя напрочь отвергло Свифта: «Знаете, как ваши советы мне иногда помогают!»

Иногда спасают даже. Вспомним эпизод из романа Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке», где мужик заготовливает на речке лед. Нарезает кубы, нагружает в сани. Лошадка и сани стоят на льду. И вот лед проломился. Лошадка вместе с санями стала съезжать в полынью. По военным временам за гибель лошади мужик непременно сгинул бы где-нибудь на просторах Колымы.

За безуспешными попытками мужика по спасению общественной лошадки и саней наблюдали раненые из военного госпиталя. И вот кому-то в голову пришла спасительная мысль, и человек крикнул:

– Руби гужи-и-и!

Мужик мгновенно тюкнул по гужам, и сани в тот же миг скрылись подо льдом...

Что смутило в «заветах» Свифта: «Не любить детей и не приучать их к себе!»

Тут что-то сокрыто веками от сегодняшнего читателя. Возможно, мужеложство бедного Джонатана. Возможно, что-то и более страшное.

КУКИШ ПО–ЯПОНСКИ

Давно закаялась смотреть нашу газету. Редактор пишет грамотно, но всегда скользяще, поверхностно и, как бывший партиец, экстравагантно. Ее уличные «жюль-опросы» читать неловко, они всегда «достаты» в кабинете, и всегда дышат бодростью. Если и заговорит в «жюль-опросе» какая-нибудь старушка о своей мизерной пенсии, то закончит непременно бодреньким: лишь бы дожить до весны.

Прекрасные газетные «прогулки» редактора по Москве смешны: едва ли хоть один из членов правительства когда-нибудь заглянул в нашу районку, где нещадно обруган каждый руководитель российского масштаба.

Получается, что редактор кажет нашей столице кукиш по-японски, держа руку в газетном кармане.

Мадам не всегда грамотна, но всегда социальна.

Валера мчится по той же траектории.

Паша последние два года за своей подписью чаще всего выдает «оды собственному огороду». Пишет о вечерах, где центром был сам или в числе других.

У Наташи чаще других случаются «просверки», но она пишет маловато.

Последнюю страницу Оксаны о нравственности лучше бы и вовсе не смотреть. Ее рассуждения о чистоте наших подъездов слишком уж куцы для девушки, которая два года работает в газете и столько же учится в Поморском университете.

Оксана забежала к нам гордая и поведала, как она высмеяла секретаря, спросив: «Что мне, в Африку звонить за справкой!» Я приняла слова Оксаны за чистую монету и попросила повторить весь героический диалог. Оксана убежала от нас довольнехонькая, а я повернулась к молчавшей Наташе:

– Надо же...

– Вы думаете, она и в самом деле сказала секретарю то, что передала нам?

– ?!

– Может, она только собиралась сказать это секретарю!

Я обескуражено расхохоталась: отцы и дети. Если я всю жизнь во вред себе горю принципиальностью, то почему бы сегодняшним юным и не лгать на каждом шагу. Пример у меня перед глазами.

ЧТО-ТО НЕ ТО

Наташа вернулась из Москвы досрочно, ни с чем: «Говорила редактору – надо

выписку из трудовой! Она сделала выписку из приказа! Придралась еще, что нет печатей и подписи редактора на газетных вырезках!»

Тут что-то не то, – может, раздумала поступать?

ЯЗЫКОВАЯ МАФИЯ

Позднее Наташа сказала: «Не поступила в МГУ, заблудилась в переводе». Тут тоже что-то не то. Или она исполняла художественный свист о своих английских беседах с австралийцами, приехавшими в городок, или в МГУ действует «языковая мафия».

И В ЛЕСОПУНКТЕ, ЧТО ЛИ, МАФИЯ?

А я съездила в 3-й лесопункт, в поселке живет почти тысяча человек. Прежде всего пришла на дом к начальнику лесопункта в начале седьмого утра: так пришел автобус.

– Здравствуйте! Я – Н. П. Б. из...

– Здравствуйте! Что это вы пришли на дом? Я, может, и разговаривать с вами не стану?

Стою несколько секунд у дверей. Хозяин ремонтирует динамик. У него все из рук валится. Подает мне стул. Присаживаюсь опять же у дверей, пытаюсь завести светскую беседу. Это легко: в корзине у моих ног сидят явно больные куры.

Си-ту-а-ци-я.

Выходит из спальни жена: милая, милейшая, просто чеховская душечка Галина Ивановна. Муж приказывает:

– Напой чаем, и я провожу в ...

– Чаю не хочу, а прежде всего мне надо побеседовать с вами!

Галина Ивановна шепчет: «Идите в комнату, там и побеседуете!»

Хозяин «тусуется» между кухней и комнатой, агрессии в нем не чувствуется, поэтому уверенно протискиваюсь между ним и косяком. Болевые точки поселка общие для всех лесопунктов: нет техники, много пьяниц, нет специалистов, потому что прекрасный закон о Северах отправил на пенсию вальщиков и раскряжевщиков в возрасте пятидесяти лет. Молодежь не стремится занять их место: боятся наши детки работы и ответственности. Все больше норовят ходить в помощниках.

Есть в поселке и собственная боль: здесь до последнего дня сохранялось приличное подсобное хозяйство. До конца года его приказано ликвидировать, хотя корм для коров заготовить не проблема, корм для свиней могут приобрести за лесок, которым последнее время попросту затоварились.

Без подсобного поселка придется туго: на дворе апрель, а зарплата выдана только что январская. Плохо придется и всем жителям окрестных деревень с поселками: промышленного производства порослят поблизости нет.

Есть в этом милом домике и личная беда: через семнадцать лет руководства лесопунктом начальника на три года отстранили от дел. «И хоть бы пил, – не так обидно!» – подчеркнула Галина Ивановна, однако ни одной существенной причины увольнения тоже не назвала.

И тут что-то не так, – вот жизнь...

Для успокоения посмотрела литературную страницу за 25-е апреля. Слава богу, она хороша, только одни поэты названы полным именем, а другим достались одни инициалы.

Приходила с жалобой на секретаря Оксана: «Я старалась придумать, чтобы было интересно. Дала материал, как диалог отца и сына, а секретарь сказала: «У тебя все штампованные слова!»

Беда-то в том, что секретарь права, но надо же и объяснить Оксане это! А главное: навсегда закрыть дорогу штампованным словам.

У нас с секретарем теперь толерантные отношения – долго ли протянутся. Она после длительного умолчания зашла в наш отдел:

– Здравствуйте, Н. П.! Вот – я расписала вам письмо из деревни О., просят прислать

корреспондента...

Говоря, секретарь держалась за левое плечо и слегка морщилась. Мое глупое сердце екнуло, и я не удержалась:

– Что с вами?

– Да так! Так вы посмотрите письмо. Узнайте, как туда можно пробраться, дорога там непроезжая, рейсовые автобусы не ходят...

Я, заваленная срочной любимой командировочной писаниной, только развела руками:

– Сегодня-завтра со всем рассчитаюсь, а потом съезжу в эту непроезжую деревеньку с удовольствием!

Завтра еду в деревню на хлебовозке. Иду за командировочными. Машинистка привычно груба:

– Денег нет!

– Нет – гак и не поеду!

Отметилась у секретаря:

– Денег не дают! Требуется приказ начальства!

– Сейчас придет редактор! Все решим!

Через несколько минут звонок:

– Где расходный ордер?

Голос незнакомо грубый.

– Кто звонит?

Машинистка назвалась. Все ясно: редактор прищемила хвост «главному редактору», и деньги нашлись. Выдали две сотни металлическими монетами по 50 рублей и несколько мелких купюр. Это была месть мелкого людёнка. Действуя таким образом, человек, вероятно, со временем просто теряет человеческий лик. Но мне стало небывало весело: что за гальянный коллектив, где даже для движения по служебной надобности надо бегать с жалобами к редактору? И тут мне припомнился наш последний разговор с Мадам. Мы с ней напоминали кукушек, несущих яйца в чужое гнездо. Мадам:

– ... Валера и Пашка не могут писать больше! Вот Наташа могла бы – не хочет!

– ... По-моему, все могли бы!

– ... Заметили: секретарь даже пошла на обман, чтобы не лишать премии вас и Валеру. Сказала: «Материалы были набраны!» А ведь ничего не было набрано! Я проверяла в типографии!

Я замолкаю первой, но мне до жути интересно, знает ли Мадам, что у Паши с Наташей давно идет фиктивный строкаж. Если узнает, то после отпуска милую Наташу ожидает большая таска.

ВСЕ В ПРОШЛОМ

В нашем подъезде покойный. В недавнем прошлом – инженер железнодорожного транспорта, позднее – машинист тепловоза, а потому просто – алкоголик. Полгода тому назад вынудил жену с двумя малыми ребятишками уйти жить к матери.

Деревня О., из которой я вернулась опять же на хлебовозке, тоже готовилась к жизни основательно. Были построены добротные скотные дворы, которые пустуют уже два года. Построен приличный с виду медпункт, и при нем просторная квартира для медработника. Внутри медпункта прежде всего хочется спеть частушку: «Это чья такая веночка и чей такой игрок – оторвать бы ему руки, а гармошку под порог!» Стены в комнатах покорежены: домик сел и штукатурка надулась животиками. Двери скособочены. То ли доски неправильно расположены, то ли использовался разнопородный материал, то ли руки у мастеров стали уж разные.

Ездил я в командировку в выходные дни. По всей деревне топились бани, но даже в шутку никто меня в баню не пригласил. То ли боялись заразиться от горожанки, то ли умом не раскинули. Хотелось бы узнать, но как узнаешь, не обидев мою любимую деревню.

В местной школе два ученика остались. Школа эта известна в районе тем, что ее в свое время с большой помпой открыли для одного ученика. Учитель с медработником живут под страхом закрытия своих малых учреждений.

В подчинении бригадира – шесть трудоспособных. Зарабатывают не больше двух сотен в месяц. И эти крохи имеют потому, что рубят на продажу колхозный лесок.

Из шести рабочих три старых холостяка. У этих стареющих бобылей никого в деревне нет. Они заметно дичают: рядом с ними пахнет тухлым мясом или развороченной помойкой.

Из окна хлебовозки насчитала шесть живописных мостиков от большой дороги до деревенской околицы. У последнего мостика хлебовозка закапризничала. Я с удовольствием выскочила из кабины и побежала на мостик, но тут же с криком полетела обратно:

– Стойте! Стойте! Вам не проехать! Там брошены вдоль движения короткие бревнышки и просто связаны проволокой!..

– Не бойсь! Проедем! Пятерку таких уже проехали!..

ПРЕМИАЛЬНЫЙ БАРОМЕТР

Приходила Наташа, чтобы меня слегка царапнуть: у нее норма строк давно сделана.

САМИ СЕБЕ СВИНЯЧИМ

Не видишь – и не бредишь. Лучше бы уж мне ехать на рейсовом автобусе до отворотки на деревню О., а там пройти пешком. Лучше бы. Сидя в хлебовозке, насмотрелась впервые в жизни, как грузят хлебушек для деревни наши родные российские шоферы: свободные поддоны летят прямо на землю. А потом... Потом шофер поставил хлебный поддон на стул без спинки и влез на него сапогами. Заполнив нужную ячейку хлебовозки, спрыгнул на землю, передвинул стул и снова влез в поддон сапогами. Потом, даже не выколов «оскверненный» поддон, нагрузил его каравайчиками: пышными, румяными.

Больше в жизни не куплю каравайчиков.

Сделать информацию по визуальному наблюдению – весь хлебозавод дружно подаст на меня в суд.

Обратиться к директору – он не станет и разговаривать. Сегодня райком партии команду не подаст. Хорошо накомандовались. Сами себе свинячим.

В бой со мной пойдет – если пойдет – только одна Мадам.

ПРАВДА ВСЕГДА НЕКРАСИВА

Руки старых деревенских женщин предельно изработаны: они не в состоянии держать даже чашку за ручку. Полоща мою пустую чашку, чтобы налить мне вторую, моя хозяйка «положила» внутрь чашки все четыре пальца, придерживая ее снаружи большим. Она убрала пальцы из чашки только под струей кипятка... Комок брезгливости торкнулся в горле и опал. Чай был отвратительный. Отличный творог, залитый свежей сметаной и посыпанный песком, тоже не лез в горло.

Простите меня, мои милые деревенские жители, за эту неприглядную правду. Правда всегда некрасива. Простите.

Прочла об Альберто Санчесе, испанском скульпторе. Его работы мне непонятны. Обычно на подобные словеса Альберто Санчес отвечал: «Им это и не требуется!»

Отлично сказано.

Смотрела старый фильм «Вдовы» – тут все понятно. И, к счастью, не так много глупого, если сравнить хотя бы со «Свадьбой в Малиновке». Все «Вдовы» проплакала. Наплакавшись, сама себя спросила: «Как мы могли с таким народом оказаться в сегодняшнем галюне?»

МЫ ВСЕ – БЕРЕЗКИ НА ВЕТРУ

Вчера планировали праздничный номер, посвященный Дню Победы. Это теоретически, а практически все просто переругались. Пришла на планерку в назначенное время. Коллектив, «перегруженный» работой, собрался минут через десять. Мы с редактором хорошо пообщались:

– Н. П., идите в отпуск в июле!

– Но Мадам же просит июль, а я уж пойду в августе!

– Ну, так знайте! В сентябре к нам приезжает семья. Оба супруга – журналисты. Я сейчас решаю вопрос с квартирой!

Я замолкаю. В сентябре моя пенсия, но точно такую же песню она пела два года тому назад, «святая» меня в газету: «Озадачила главу администрации насчет квартиры: человека «выписала» из Вологды. Обещали помочь с жильем!»

Спокойна я и по другой причине: мне редактора не перекокать. Слишком дорого обойдется: тому наглядный пример – постоянно болеющая Мадам. Тьфу-тьфу, не сглазить бы свое относительное здоровье. Так ведь у Мадам тут еще и друзей полно, а я – березка на ветру. Постоянно в напряжении...

Так и есть – мое нежелание перейти отпускную дорогу Мадам вызывает атаку по всем фронтам. Редактор, начиная планерку:

– Н. П., как чувствовали – не хотели помещать заметку о Саше из М. Вот, пришло ругательное письмо...

Мадам, перебив:

– Это надо было отдельно с Н. П. решать...

Перебиваю Мадам:

– Пусть! Даже интересно!

Секретарь:

– У корректора вообще в ваш адрес лежат письма с матюгами!

– Кто подписал письмо?

– Вы потом прочитаете!

Письмо ложится на край стола. Глянула: подписано – «жители». Не читая письма, несу на стол редактору:

– Это писал подлый человек! И говорить об анонимке в таком тоне мелко и глупо!

После паузы стали, как ни в чем не бывало, планировать праздничный номер. Сам Паша вызвался написать о праздничной демонстрации. Все оживились. Мадам:

– Пиши, пиши! Прошлый год Н. П. писала, а я – позапрошлый!

Редактор:

– Пиши! Пиши! Отгул будет! Надо использовать все формы: репортаж, зарисовка, диалог...

Секретарь молчала, но Паша разошелся: второй год обещает поехать в деревню. Мадам стала переживать о командировочных:

– Ты хоть на дорогу своих возьми, денег – то в кассе нет!

Редактор:

– Берись, берись, Паша, за село! Хорошо бы фермерское хозяйство взять и общественное...

Но... говорили о дороге, да остались у порога...

Мадам в праздничный номер ничего не планировала, а стала просто рассказывать о своих планах на неделю. Редактор тут же пристала к ней с письмом, которое по вине Мадам было задержано с публикацией... Мадам отчитывалась за это письмо уже на нескольких планерках, и всегда говорила примерное:

– Я советовала жителям подавать в суд!

Я тоже дважды занималась этим «проклятым» винным ларьком, поэтому «влезла» между редактором и Мадам:

– Извините, женщины, но я тоже видела ответ главы района на письмо жителей. В

ответе ничего конкретного, все обтекаемо...

Редактор, привычно взбешенная разговором с Мадам, резко дернулась в мою сторону:

- Не суйтесь, Н. П.!
- Благодарю вас! Подобного мне ни один редактор не говорил!
- Прошу извинить, но можете посмотреть: это слово имеется в словаре...

Мой поклон редактору был смешон, но и он, бедный, только еще подлил масла в огонь. Перестрелка редактора и Мадам разгорелась с новой силой, хотя базировалась на той же двухгодичной давности теме:

- Задерживаете работу с письмами!
- Назовите конкретный пример?
- А почему не подготовили письмо К.? Давно уж можно было сделать!
- Так секретарь добавила еще одно по этой же теме!
- Что же вы так ударно трудитесь! Вон, Паша собирается четыре материала написать!

Мы с Мадам невольно переглянулись и открыто улыбнулись, глядя на работягу Пашу, поэтому Мадам ответила редактору не только спокойно, но и с долей иронии:

- Да вы сначала пропустите те материалы, которые лежат в папке секретаря!..

Я сказала примерное, привычно добавив: «Еще привезу из командировки!..» В это время секретарь заперевирала, заперекладывала лежащие перед ней листочки. Потом вскочила и нервно заговорила:

- Все понятно! Все понятно!

У дверей на секунду повернулась к нам лицом:

- Чего и сидеть! Все понятно! Н. П. из командировок без материалов не приезжает!..

Тут уж редактор развила бурную деятельность:

- Вот! Видите – секретарь не хочет с вами в одном кабинете сидеть!

Столь же ретиво позвонила сбежавшему секретарю, и тут выяснилось: последнего письма о закрытии «пьяного» ларька вообще не было. Было только устное заявление! Смех и грех! Редактор непонятно из-за чего наседала на Мадам на нескольких планерках подряд! Тут уж терпение Мадам лопнуло, и она закричала:

- Я тоже напишу заявление, и не стану вообще ходить на планерки!
- Не ходите! Будем рады! Вон Н. П., наверное, не ходит!..

Тут уж я вклинилась:

- Давайте все-таки планировать! Сколько можно поливать друг друга грязью?

Редактор попыталась отбить атаку:

- Вы вообще всех называете необразованными...
- Сказать, как вы называете свой коллектив?

Мадам:

- Скажите! Н. П., скажите!

Редактор:

- Все! Расходимся!

Разошлись, но самое неприятное в том, что редактор, сея вражду в своем коллективе, поневоле делает нас волчонками собственного логова. Кто-то из нас хамит из пристрастия к хамству вообще! Кто-то невольно, отбиваясь от хамства: иначе половиком сделают! И прежде всего я делаю упрек в собственный адрес. Перед командировкой редактор спокойно сказала: «Н. П., отдадите ключ от кабинета секретарю! Мы станем по модему принимать информацию из Архангельска!»

Обычная просьба. В любой другой редакции я бы только кивнула в ответ, а тут полезли в голову супротивные мысли: не оставлю, у редактора есть свой ключ, она привычно лжет... Да где это видано, чтобы редактор передо мной отчитывалась о наличии ключей!

Зато в пристрастности к линии – редактор, Паша, секретарь – я ругаю себя напрасно. Каждую букровку из моих материалов, которая касается лично меня, секретарь убирает без

слов. Но вот сегодня в Пашином материале: «... Впрочем, я, рожденный в суровом 53-ем, воспитан той же эпохой и меня тоже посещает ностальгическое чувство по тем же праздникам «когда всю знамена развевались...» Половина заметки абсолютно личная. Но чем все-таки суров 53-й – смертью Сталина? Выпуском из тюрем уголовников? Впрочем, у Паши все «сурово». На последней странице он приглашает на встречу с «... маститым северным поэтом Дмитрием У.» Хотя даже Логинова и Роскова неприлично называть «маститыми», а поэтический дар Дмитрия У. едва ли выше, чем у нашего Паши.

МОЯ ГОЛОВА НЕ БОЛИТ

Мадам опять просила прощения за то, что она сказала много лишних слов. Господи, как она мне надоела со своими извинениями! Моя голова давно не болит о пенсионной справке, а Мадам все еще не может понять, что наших с ней справок с лихвой для двух пенсий хватит. Даю последний и абсолютно лишний совет:

– Оформитесь куда-нибудь, мало ли в организациях пенсионеров на дополнительной зарплате. Он станет работать и получать денежки, а вам будет законная справка!

– Разве так можно? А я этого не знала!

И тут же «разделась» до наготы:

– Муж мне предлагал: он устроит меня в депо, убирать станет сам.

Си-ту-а-ция!

Ничегошеньки «не знали», но разговоры вели. Странно: в таком приличном коллективе нет ни одного человека, который бы не лгал хоть чуточку.

Весь разворот праздничного номера из моих материалов и заметок внештатника Е. Его материалы обрабатывал Паша. У Мадам в этом номере только информашка. Моя голова не болит, но Мадам печально вздыхает: «Мне в этом месяце ничего не заработать. Секретарь безбожно «режет» мои материалы!» Я тоже печально промолчала: секретарь меня в эти дни не режет, но не будь меня в редакции, наша милая гальюнка насмешила бы весь район за моей подписью: прошел бы «комсилиум» вместо «консилиум». Но тут беды большой нет: грамотный прочел бы то, что ему развитие подскажет, а неграмотному все равно: что в лоб, что по лбу. Но в зарисовке есть такая фраза: «Сделали семь или восемь швов, а хирург знай себе подшучивает: «Посмотри, Женя (медсестра), нет ли там еще дырочки в кишках!» Вместо слова «хирург» набрали «раненый». Как тут не вспомнить любимого Маяковского: «Гвозди бы делать из этих людей!»

Примерных глупостей за два года работы за моей подписью прошло видимо-невидимо. Раньше я кивала на пьяного секретаря, но ведь теперь-то у нас трезвый секретарь. А вот и она: легка на помине.

– Н. П., надо бы сделать пятьдесят строк для страницы из деревни О. Где у вас письмо?

– Ругательное – у корректора!

– Да нет, которое я вам приносила. Или напишете новые строки?

Конечно, напишу. Я сделаю все, что она ни скажет. Поеду в любое время

в любую деревню, но моя душа никогда не обрадуется присутствию секретаря. Хотя, положив руку на сердце, надо признать: в редакции, кроме Валеры, Мадам и меня, появился еще один пахарь – секретарь.

У ГРАЧЕЙ УЧИТЕСЬ МУЖЕСТВУ

Весь день то снег, до дождь. Напротив моих окон грачиные гнезда. Стаи нет, но один из грачей все время сидит на самой высокой ветке. Мне из теплой комнаты смотреть на грача-сторожа жутковато: деревья еще и сильно раскачиваются под ветром.

ПЕСНЯ ЖЕНЩИНЫ НАПОМИНАЕТ ПЛАЧ

У Милоша Формана сказано: смех женщины напоминает плач. Но, оказывается, и песня женщины тоже напоминает плач. К бабуле привили ее пьющие подружки. У бабули

еще добавили, и теперь поют песни, которые напоминают крики пьяных извозчиков, отпугивающих возможных грабителей. Чуть позднее бабули уже не поют, а просто сипло выплакивают слезы. У каждой из них уже более полувека назад не сложилась или разбита войнами личная жизнь. Личная жизнь их детей, судя по детям бабули, тоже не красна.

Бабули поют, как плачут, а грач все на боевом посту. Мне кажется, заметив мое пристальное внимание, грач прихорашивается и гордо осматривается. Бабули, узнав, что я сижу в комнате, поют еще слезливее. Для чего было и выпивать, если вино не прибавило веселья.

ГРАЧИКИ

Шла по узкой улочке. На обочине два грачика клевали белый хлеб. Оба были похожи на мокрых куриц – значит, только что слетели с гнезда. Заметив меня, один из них тут же улетел восвояси – не голоден, знать. Прижимаюсь к самой кромке и двигаюсь мимо грачика не дыша и молча умоляя: «Грачик, не улетай! Не бойся!»

Грачик остался на месте, уйдя на приличное расстояние, оглянулась: грачик по-прежнему тюкал хлебушек. Голоден, или мне поверил – но на моей душе небывало празднично. Спасибо, грачик!

МНЕ ВЕСЕЛО

Из Архангельска звонят который день в начале девятого. Сколь же они просты: нажмите кнопку «старт» – мы передадим информацию на ваш модем.

Никакой кнопки с таким словом я не обнаружила. Редактора привычно в начале девятого нет. Нажимать несуществующую кнопку на технике, которая стоит несколько моих зарплат, глуповато. Редактор не сочла нужным просветить меня по части кнопки «старт», и я, как попка, каждый день докладываю ей о бойких архангельцах. Реакции никакой, мне весело.

ЛЕГКО, НО НЕВОЗМОЖНО

В числе вопросов жителей деревни О., которые просили прислать корреспондента, был и такой: можно ли в деревне установить таксофон. По словам директора ОАО «Артелеком» – установят таксофон в любой деревне через месяц после того, как получают заявление и обязательство охранять таксофон, а в случае его порчи возместить убытки, от старосты или любого ответственного человека в деревне.

Как все просто, но и столь же невозможно: кто сегодня в деревне сможет взять на себя такую ответственность. Мы не в Германии, где, говорят, бидоны с молоком стоят на крылечке, и никто туда струю не пустит.

АНКА–ПУЛЕМЕТЧИЦА

Евгения Ивановна, учительница желдоршколы, сказала: «Нас передают по городу. Начальные классы объединяют до 45 учеников, и я стану безработной. Пришла позже всех в эту школу!»

Ах, как жаль! Она очень нужна малышам. При первой нашей встрече я назвала ее Анкой–пулеметчицей, учительница меня поняла правильно и от души расхохоталась.

И вот такой веселый, светлый и боевой человек уйдет, а ее место может занять какая–нибудь нудистка, от которой ни холодно, ни жарко!

А ЗА ОКНОМ СТОИТ ВЕСНА...

... Весна по имени Татьяна. У редакционного крылечка деревце выбросило такие мохнатые вербушки, которые напоминают замерших от счастья шмелей.

Кто ЖЕ из нас страшно болен?

Вечером прошла планерка. Между редактором и секретарем что-то произошло. Секретарь уже не смотрит в рот редактору. Редактор говорит с секретарем уважительно,

но с оттенком усталой умудренности.

Планерка шла привычным комом. Мадам опять лепетала о письмах, которые никто не получает на обработку. Желание детского врача дать материал для газеты так и остается желанием. Об этом задании редактор говорила Мадам еще месяц назад. Я испугалась за Мадам:

– Давайте, я схожу к детскому врачу!

Мадам ласково улыбнулась:

– Что вы, Н. П., я сама успею!..

Прости меня, Господи, но если редактор, секретарь и Мадам здоровы, то я серьезно больна. Редактор опять упоминала письмо, которое было просто устным заявлением по «пьяному» ларьку. «По которому, – приветливый взгляд в мою сторону, – еще Н. П. работала!» Я опять хотела попросить на себя и это письмо–не письмо, но смолчала. Редактор, посчитав, что Мадам «переплюхалась» в этих письмах всю неделю, с радостным злорадством спросила:

– Вы так ничего не сделали за неделю?

– Шесть материалов и несколько информаций, – гордо отрезала Мадам.

Что сделал Паша, кроме праздничного материала?

Ни–че–го. Но стал с напористостью хорошего работника рассуждать о том, как он подаст в газете материал о встрече с «маститым» поэтом Дмитрием У. Встреча та давно успела мхом обрасти. Если бы об этом посмела «мулюкать» Мадам, то редактор бы артистично присвистнула: «Вы о чем? Этот поезд давно ушел». Потом, спросив Пашу: «Ты куда не ездил за материалом по севу? – продолжила: – Надо, надо давать сев!»

Слушать эти перепевы странно и дико: на дворе половина мая, о севе ничего нет и сегодня, только через номер сделает информацию Мадам. А Паша все с той же упорной тупостью рассуждал о материалах «из литературной гостиной», потом перешел на религиозную страницу «Откровение»...

Я с удовольствием отвернулась к окну, а когда снова глянула на Пашу, он рассуждал уже с опущенными глазами и синюшным лицом. Он тоже был серьезно болен.

ВТОРИЧНЫЙ ПАША

И смех, и грех, но Паша запланировал свои прежние планы. Завтра едут в одно из акционерных обществ агроном и зоотехник из управления. Мы с Мадам подумали об одном: надо ехать кому–то с ними. Я бы не против, но Мадам стала сверлить взглядом Пашу. Тот, сидя на месте, зримо засуетился. Редактор, на полном серьезе:

– Ты, Паша, у нас легок на подъем, но тебе надо доделать оставшиеся материалы, потом возьмешь интервью у специалистов!

И Паша остался доделывать устаревшие поденки, на которые специалисту Пашиного размаха требуется не больше пятнадцати минут. И так «уплыла» отличная возможность: побывать и поглядеть глазами специалистов на дела в хозяйстве. Эту возможность даже самый добросовестный пахарь вроде Мадам в интервью передать не в состоянии.

Гут, поощренный редактором неизвестно за что Паша удачно вспомнил: завтра какой–то церковный чин встречается с верующими в двенадцать дня. Меня это сообщение, прости меня, Господи, не тронуло. Мадам же загорелась возможностью побывать на встрече со священнослужителем, и стала униженно умолять редактора: она и на обед–то не пойдет, и все материалы согласна дома доделать... Видеть унижение работающей женщины противно моему естеству, и я не удержалась, протянула в сторону редактора:

– Ну уж...

Редактор отрезала:

– Н. П., не давайте мне советов! Я делегирую на эту встречу только Павла!..

Дошел мой черед отчитываться:

– Девять материалов и материалчиков подготовлены, десятый у машинистки. Завтра схожу на свалку, потом в леспромхоз...

Редактор:

– Материалы по деревне О.?
– Нет, из деревни осталась одна информашечка, один материальчик: вопросы–ответы и зарисовка у машинистки...

– Надо подумать, как подать материал из леспромхоза!

– Что тут думать: сделаю беседу и еще напишу о подсобном хозяйстве!..

Секретарь:

– В завтрашнем номере у Н. П. страница и еще несколько материалов...

Редактор перебила разговором о Паше, секретарь молча все проглотила, а меня вызвал монтер для проверки сигнализации компьютерного кабинета. Когда я вернулась, то в кабинете разгорелась привычная баталия: Мадам желала знать, когда ее вопросы–ответы появятся в газете, секретарь желала знать, когда Мадам принесет ей эти вопросы–ответы.

Это «кино» я досыта насмотрелась еще в кабинете «пьяного» секретаря. Зайдет, было, Мадам, и давай канючить:

– Мне надо местечко на первой странице!..

И что это у нее за блажь: непременно на первой странице! И почему она так боится, что ее материал вообще не появится в газете: мир от этого не станет ни хуже, ни лучше. Странная все–таки эта несчастная Мадам. Сколько здоровья кладет на пустом месте.

Слава богу, вскоре пришли к консенсусу: Мадам обязуется готовить материал, а секретарь выделяет им место два раза в месяц. Ну, не глупо ли: нас и всего–то три человека вместе с пристяжным Пашей, тут паши и паши на здоровье и благо родного народа, а Мадам опять умоляет о местечке в газете.

Прости меня, Господи, за то, что нет у меня веры! За то, что брезгую Пашей–лодырем! За то, что не могу смотреть спокойно, когда редактор и секретарь «терзают» Мадам! За то, что не верю и самой Мадам на сто процентов!

Прости меня, Господи!

Наша Мадам не только успокоилась, она радовалась жизни. «Делегированный» на встречу со священнослужителем Паша «не прибыли–с». Мадам имеет возможность сделать материал со встречи на страницу «Откровение». Возможно, ей и в самом деле дорого присутствие на этой странице. Возможно, она вполне искренне и по–своему тяжеловесно «пашет» свою дорогу к богу.

Вчера редактор была вынуждена «подрезать» Пашу, когда он привычно «распахался» словесами:

– Осталось две недели до Троицы! Мне надо за это время сделать страницу!

Редактор тактично перебила:

– Ну–у, Паша. Это вторичный материал, ты его собирай понемногу! И даже не вторичный...

Наверное, в эту минуту и повесил головушку на грудь наш «даже и не вторичный» Паша.

СЕКРЕТАРЬ ОПЯТЬ ПОШЛА В БОЙ

Оба материала по свалке секретарь забраковала. Репортаж – потому, что недавно был материал Мадам и внештатника Е. Путевые заметки потому, что корреспондент нескромна: перед самой свалкой ее подвез шофер мусоровозки. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день: стоило топтать пеши почти пятнадцать километров! Самое же неприятное в том, что я опять стала выяснять отношения с секретарем, расслюнилась:

– У внештатника Е. нет конкретики, а Мадам писала прошлый год!..

Замолчала, потому что вспомнила секретарские правки моих материалов: они подчас смешны. Было: «Значит, можно телефонизировать?» Стало: «Выходит, можно телефонизировать!» Пяток таких правок, и работа секретаря с текстом корреспондента видна даже издалека. Прости меня, Господи! Прости!

ВО ИЗБЕЖАНИЕ БУНТА

Вчера слегка чесалась левая ладошка. Утром машинистка выдала по сотне. Редактор поделила гонорарные остатки, а сама улетела на какой-то семинар в Волгоград. Мое ли это дело, но я невольно ахнула:

– Это же добрые полтысячи улетели!

Меня перебила более практичная Мадам:

– Это добрая тысяча улетела!

Значит, нам попросту бросили «обглоданную» кость во избежание бунта рабов. Рабы бунтуют под столом, и мы с Наташей так-то побунтуем, только бы к нам не присоединилась нечаянно Мадам – с ней даже под столом бунтовать неудобно: потом греха не оберешься, а толку не больше, чем от нашего с Наташей бунта.

Наташа еще в отпуске, а мне опять пришлось работать попугаем: из Архангельска просили принять информацию на модем... Пожалуй, с удовольствием подчеркнула: «Редактор в Волгограде!»

Знай наших.

СЕКРЕТАРЬ ЗАМЕЩАЕТ РЕДАКТОРА

И ведет себя предельно предупредительно:

– Н. П., редактор не отдавала вам письмо учителей? Его надо срочно приготовить!

– Нет!

– Обработайте вот эти письма!

– Срочно?

– Нет! Позвоните в М. библиотекарю, по поводу второго письма: что она посоветует поместить в газете!

Глянула в письмо после ухода секретаря. Это же анонимка, которую давно положили на стол редактора. Прочла: в ней сказано, что Бахтина не должна писать брехни, поскольку отчим Саши картошку выращивает с нитратами и самогон гонит... Это какая-то в огороде бузина. Об отчине Саши я и не упоминала вовсе. О самом Саше повторяются мои же слова: добрый, ласковый и трудолюбивый мальчик... Несу письмо секретарю:

– Почему я должна звонить библиотекарю, если письмо подписано «Жители М.» Как я стану называть отчима Саши самогонщиком или спекулянтом, если в глаза его не видела? Он подаст на меня в суд и будет прав!

– Я думала, что вы все-таки уточните...

Нет, с нашим секретарем на полном серьезе общаться невозможно: уйду гордая, но секретарь прибегает еще более настойчивая и тактичная до приторности:

– Н. П., уточните, как на самом деле называется новый предмет «охрана безопасности жизнедеятельности»?

– Так и называется! Еще есть телепередача...

– Но ведь – «охрана безопасности жизнедеятельности»?!

– Ну, не знаю! Ставьте, что хотите.

– А надо бы знать!

Бегу за ней в кабинет и выпаливаю ей там все, давно уж сказанное. На прощанье сильно стучу дверью ее кабинета, а в коридоре, не думая, что меня слушает вся притихшая редакция, я, в каком-то полуобморочном экстазе, повторяю:

– Вот дрянь! Вот дрянь!

Секретарь открывает дверь в наш кабинет:

– Н. П., надо владеть собой!

– Закрой дверь с той стороны!

Похоже, такого «творческого состояния» мы с ней еще не создавали.

Вскоре секретарь принесла на обработку еще два письмишка и, положив их на стол, тактичнее молвила:

– Пожалуйста! И – срочно!

ВЕЛИКИЙ ЧЕЛОВЕК

У нас второй месяц сидит на печатке дочка Андрюшки на побегушках. То ли девушка сонлива, то ли излишне проста, но ее печатка по-прежнему страшно малограмотна. Возможно, шеф Андрюшки спонсировал нашу птичку на очередной перелет над страной, а она хоть буквально, хоть фигурально с помощью дочки Андрюшки издевается над директором типографии, другом Мадам или соратником в борьбе с редактором.

В нормальной редакции печатку девчущки перебелила бы опытная машинистка, а у нас это месиво ошибок несут корреспонденту. Выправленные им абсолютно черные страницы поступают к секретарю. Она тоже добавит толику грязи, а потом угольные от правки шедевры идут в типографию...

Напрасно я посчитала директора типографии простоватым. Он великий человек, если под его руководством женщины отваживаются заглянуть в наши материалы и даже делают по ним газету.

СЛЮНЯВИНКИ

Посмотрела материал Паши о котельном хозяйстве птицефабрики и вспомнила слова редактора: «Пашка писать может, но он лодырь!» Верно, – если убрать из материала обилие «слюнявинок»: «Я понял!», «Я заметил!», «Я почувствовал!», и попросту дать анализ замеченного или понятого, то получится вполне приличный материал с приятной журналистской раскованностью, за которой кроется нечто. Но если убрать из материала все бодряческое яканье без анализа, то и сам материал превратится в ничто.

Иногда секретарю не позавидуешь. Материалы Валеры надо полностью переписывать. Заметки Мадам секретарь терзает безбожно. Материалы Наташи практически не правит и не сокращает. Неужели рассчитывает, что я когда-нибудь рассержусь за это на Наташу? Шалишь, голубушка! И продолжай в том же духе, если тебе от этого легче.

Центральное радио: «Шахтеры не получили зарплату за январь». Нам должны только за апрель. Правда, наша зарплатишка не идет в сравнение с шахтерской. Ну и что? Зарплата доярок и механизаторов тоже далека от нашей, но они вообще не видят чистых денег.

А я просто не хочу видеть только секретаря. Вчера дважды ей относила подготовленные материалы «по-английски»: не здороваясь и не прощаясь, но секретарь мне вслед медовым голосом:

- И. П., вы поедете в командировку?
- Так ведь денежек мне не дали!
- М–да! Машинистка уже ушла!
- И командировку мне тоже пока не вернули!
- Командировка и расходный ордер на командировочные у меня!

Говорят, что тактичные японцы в подобных случаях показывают кукиш п кармане. Россияне обычно громко голосят. Лично я веду с секретарем «карманный» разговор: «Так что же ты, рыба, не отдала расходный ордер машинистке, а командировку мне?» На самом деле мне весело: секретарь весь день ожидала: я приду к ней проситься в командировку! Дудки! Командировка более всего нужна редакции!

ДАЖЕ ПАУК РАСТЕРЯЛСЯ

Мадам принесла обстоятельное письмо бывшего первого секретаря райкома партии, подготовленное, которое она боится отдавать нашему секретарю: та испакостит письмо сокращениями. Чтобы поставить скорую точку в бесполезных утешениях, сказала: «Мне написала учительница, отработавшая в школе 43 года. Сегодня ее школа отмечает четверть века. Гак уж получилось, что первый выпускной класс в этой школе она вела, и юбилейный выпуск тоже». Все это, и многое другое сказанное женщиной с полным правом и от души, секретарь сократила. Хоть и вся–то заметушечка была чуть больше

двух страниц! Мадам ахнула:

- Слова о выпускных классах надо было бы выделить в газете иным шрифтом!
- Это же примерно я сказала только что по телефону мужу учительницы. А меня сокращения секретаря не колышут! У меня и «резаных» строк набирается под завязку! У вас, наверное, тоже?
- У меня в этом месяце едва ли наберется норма! Я уж сколько раз ей говорила: «Зачем режешь материал, где все-таки говорится о событиях района, а ставишь в газету тексты даже из-за пределов области!» Она отвечает: «Резала! И буду резать!»
- А я не ходила к ней, и не пойду! Много чести!
- А как быть с нашими авторами-собеседниками?
- А я говорю им прямо: секретарь у нас неразвита...
- А я вижу в ней много хороших черт! Я в каждом человеке стараюсь найти хорошее!

Мадам в своем «церковном» репертуаре: не хватало еще выслушивать, что секретарь – хорошая мать, с ней интересно в компании... Все-таки «дружеские» отношения с Мадам утомительны, тем более, что она ни на один прямой вопрос никогда не дает прямого ответа. Это раздражает. По этому поводу быстрая разумом Наташа шутит: «Она просто не успела обдумать и приготовить ответ!»

Зато уж пауки в моей комнатке всегда быстры и точны: выбегают из своих укрытий только для того, чтобы сообщить мне приятную денежную весть. И на каждую сумму реакция у них своя: для аванса паук только показался из-под стола, для приличного повода – не поленился пересечь комнату. Только сегодня бедное насекомое никак не могло сориентироваться: несколько раз показывалось и тут же пряталось в недоумении. И было отчего: мне по ошибке выписали аванс больше на полсотни.

Денежки пришлось вернуть. Смешон человек, – это я о себе. Мне было жалко относить их обратно, хотя они ничего в моей жизни не решали, только что паука смутили. Он, поди, до сих пор стесняется своей ошибки.

У ГОСУДАРСТВА ДЫРЯВЫЙ КАРМАН

Провожала в Вологду приятельницу, пытаюсь посадить на поезд без билета. Все женщины-проводницы брезгливо роняли:

- Меньше, чем за двойную цену никто не повезет! Состав переполнен!

Вся беда в том, что Евино племя просило тройную цену, отчего-то называя ее двойной!

Около одного из вагонов стоял молодой мужчина-проводник, с лицом, отчего-то совсем не запачканным временем и денежной работой. Приятельница без обиняков уронила:

- Пятидесяти хватит?
- Идет! Занимайте боковое место во втором купе!

Господи, мне стыдно, но я тут же прикинула: за одну поездку проводник заработает не меньше, чем я за месяц пахоты! А за месяц поездок? А все проводники? И все это спокойно вываливается из кармана нашего безалаберного государства. Еще и основательно портя здоровье пассажиров.

СЧАСТЬЕ – ЭТО ДВА ОКНА

Приятельница уехала, а я вернулась в свою любимую комнатку. Она у меня просто-таки отличная: просторная, теплая, хозяин мною не командует, а главное – два окна имеются. Окно на Север я поначалу забраковала. Все более грелась душой у восточного окна. С наступлением теплой погоды пришлось вернуться к забракованному. В какое бы время суток я ни выглянула теперь в свое любимое окно – там все время люди мужеска пола «поливали» ближний забор, потому что напротив работал круглосуточно тот самый «пьяный» ларек «Онега». Надо же было так испакостить такое нежнейшее

словосочетание: «О-нега»!

И откуда только взялась эта странная привычка поливать ближние окрестности чисто по-собачьи: то ли все милые россияне стали разом слабы на передок, то ли пьют, не закусывая. Не будь у меня еще одно окно, пришлось бы опять менять жилье при таком-то бедном выборе.

ПОЛЕТЯТ КЛОЧКИ ПО ЗАКОУЛОЧКАМ

На вчерашней планерке редактор опять «пролилась». Беру информацию по телефону. Влетает работающая редактор, искрящаяся на ходу:

- Где Наташа? Срочно на планерку!
- Наташа на планерке в администрации!
- Кто ее туда посылал? Сейчас позвоню главе, чтобы гнал ее оттуда!

Вернулась через секунды:

- Н. П., сколько можно ждать! Говорите по телефону пятнадцать минут!

В кабинете редактора большой сбор: сидят и работники типографии. Редактор привычно «проливается»: «Говорят часами по телефону!.. Запомните все ровно в десять, во вторник – не в пять минут, не в десять, не в пятнадцать, не без десяти десять...»

Я слушаю это пустословие второй год, потому встаю, ставлю «на попа» пейзаж, лежавший на стуле, и люблюсь им. Редактор, по-прежнему «проливаясь», отмечает мою рабскую независимость, и отчего-то начинает неистово ругать Пашу. Такой ругачки в адрес Паши-лодыря-«члена СП» мы еще не слыхивали. Не забыла и Наташу:

- Позвонила главе администрации, чтобы гнал ее с планерки!

Судя по небывалой нервозности редактора, нам предстояло кого-то вести на расстрел или самим быть расстрелянными. Все оказалось до обидного простым. Дочка Андрюшки на побегушках, получив отличную характеристику (?), отбыла куда-то в Ленинград на учебу, и типографские женщины вспомнили о своих гражданских правах:

- Такие идут оригиналы – ничего понять невозможно!

Секретарь:

- Это я виновата, надо было перепечатывать!

Надо же! И все-то разом проснулись! Кое-как уладив с работниками типографии, редактор опять показала свое пахучее «нутро»:

- Хорошо, что на планерке не было директора типографии, а эта – и вашим, и нашим!

Замещала директора типографии тактичнейшая женщина, но Мадам-воительницы на планерке не было, а все остальные тоже «тактичнейше» промолчали. Правда, и говорить смысла не было, нас только что всех развеселила редактор, ругая Пашу:

- Тебя еще вчера можно было увольнять! Ты и на работу пришел поддатый! Ну, я понимаю! Я тоже могла выпить с комиссией после выборов...

- Ну, и увольняйте!

- Ну что ты, Паша! Так уж сразу и увольнять!

После такой воспитательной беседы завела с Пашей разговор о литературной странице настолько любезно, что повеселевший Паша пообещал сделать невозможное:

- Напишу материал о завершении сева!

Редактор опять как-то умудрилась похвалить Пашу за предвыборную компанию, а секретарь прибавила:

- Н. П. тоже хорошо поработала во время предвыборной компании!

Редактор промолчала. Значит, моя премия опять отменяется. Тогда я демонстративно поклонилась секретарю:

- Спасибо на добром слове!

ОПЯТЬ ЭТА МАДАМ

Мадам впервые в жизни посчиталась с журналистами родной районки по- крупному:

ушла в отпуск, не оставив запаса. В итоге нечего ставить в газету, все идет «с колес».

Зато уж секретарь совершила не меньшую революцию с моим орфографическим сознанием: всю жизнь писала автоматически, теперь постоянно думаю о написании слов. Случись подобная ситуация лет двадцать тому назад – не миновать бы психушки. Я не желаю зла секретарю, но и под пистолетом не пожелаю ей добра и здоровья. Добра–то они с мужем, руководителем райпо, нажили, а вот здоровье секретаря под вопросом: она все время держится за левый бок.

Прочла, и с наслаждением, «Орфический реквием» Ирины Грам, но не смогла одолеть душою одну из глав с философскими выкладками. Расстроилась – сил нет. Снова глянула вступительную статью, и – какое счастье! – философские заметки писал мужчина. Не одолеть написанное женщиной – беда, написанное мужчиной и одолевать не обязательно: у них иной склад ума, за ними гнаться не пристало.

Но теперь уж не дает покоя подлая мысленка: не написал ли и весь «Реквием» тот же мужчина?

ВАЛЕРА И ПАУЧОК С КОМИССИОНКОЙ

Валера во вчерашней газете выдал «шедевры» и заголовок «Пятна мазута на фоне депо». Наташа высмеяла заголовок, но секретарь устало сказала: «Не буду больше его править – пусть пишет как пишет!»

Вот это удар по нашей «гальюнке»! Даже «пьяный» секретарь до последнего бился с Валериными шедеврами. Быстро же стопталась новый секретарь: работает всего полгода. Она знала, куда шла, знала способности родного коллектива, знала, с какими материалами ей придется «спорить». Ошибок в нашей газете по–прежнему не меньше, чем при «пьяном» секретаре. Стараюсь не смотреть родную районку даже по диагонали: глаз непременно выхватит какой-нибудь ляпсус.

Редактор летает где–то второй день. Значит, при посадке нам опять чего–нибудь отколется. А пока что в четыре пополудни на середину комнаты вышел паучок. Стала быстренько перебирать возможные вести. Видимо, все были мимо цели. Паучок исчез только тогда, когда вспомнила: в этот день, ровно 55 лет тому назад, началась Великая Отечественная. Моя мама заранее тревожилась о судьбе своей нерожденной дочери. Что–то меня – или всех нас – ожидает в понедельник.

Редактор все еще не приземлилась, но паучок танцевал передо мной не напрасно. Он хотел сказать: крепись, в понедельник ты будешь главнее главного, стержнем. Понедельников, подобных этому, в моей жизни не бывало ни до, ни после. К вечеру от перегрузки даже занул левый глаз. Такого тоже еще не бывало. Во–первых, в воскресенье ходила на встречу с экстрасенсом по заданию редактора. И поняла, что мне тяжело рядом с этой женщиной. Сегодня встречалась с нею в третий раз в жизни: ощущение тяжести прежнее.

На первой встрече в кинотеатре она показывала фильм, где участники последнего майского семинара ходили по углям, по куче битого стекла. На грудь человеку, лежащему на стекле, клали фанеру, а на нее вставал какой-нибудь взрослый семинарист... И даже бросали нож с высоты руки взрослого человека в открытый живот своего товарища...

С ножом все гениально просто: надо только расслабиться, и ножичек упадет на голый живот, как на пуховую постельку. В том фильме мне все понравилось, кроме «еложения» семинаристов друг по дружке: они сидели тесным кругом как бы на коленях друг у друга, и плавно покачивались вперед и в стороны, все время обволакивая руками и телом впереди сидящего...

Вот такой «размышлительный» заряд я получила в воскресенье. Спала мало и плохо. А в редакции, еще задолго до девяти утра, ко мне в кабинет корректор привела плачущую женщину: в субботней газете помещен материал, который оскорбил всех работников магазина и тех, «кто растит детей в нужде, покупая одежду и обувь в комиссионках».

... В анонимной заметке секретаря (она подписалась О. Тряпицына) кроме обычной

неразвитости присутствует страшная озлобленность. Строчки из секретарских «Дураки мы с тобой, дураки!»: «... Вообще-то, честно признаюсь, я никогда не рылась в помойках – ну, не люблю я этого! А тут не удержалась, пошла. Не от нужды – нет, а чисто из женского любопытства...»; «А детская одежда? Неужели это можно одеть на мое любимое чадо? Боже...» Последняя строка: «А такого-то хламья у нас дома навалом!»

С первого раза я не смогла прочесть дальше первой строчки, хотя сама я ходить в комиссионки любила. Не за покупками, потому что никогда в этом не было большой нужды. Ходила потому, что именно развалы комиссионок очень точно показывают расслоение нашего общества на бедных и богатых...

Вот и плачущая женщина развернула передо мной кучку вполне приличных вещей – если бы можно было забыть, где они куплены...

Моя посетительница едва ли вышла из редакции, а следом за Наташей в наш кабинет ворвалась другая, и с порога стала кричать:

– Пишите!

Через несколько секунд женщина «убрала» голос и я «повела» ее по листу белой бумаги. Все в ее рассказе довольно буднично для нашей действительности: дом, в котором они давно живут, не принят комиссией – нет прописки, не голосовали. Рвутся выбирать президента. Сделали заметушку.

Только что собралась слегка развеяться с Наташей после кучи неотложных для кого-то звонков, но тут пришла моя воскресная собеседница, экстрасенс. И я почувствовала себя плохо. Значит, она упорно пытается подчинить меня своей воле, а моя воля в боях на бытовом фронте слегка поослабла. Пришлось Наташе тактичнее выпроводить духовную воительницу.

На календаре уже среда. Редактор все еще летает. С утра приходила другая женщина по поводу секретарской заметки «о помойках». Раскрыла женщине карты: «Заметку писала наш секретарь. Зайдите к редактору – если даст «добро», то мы с вами напишем опровержение в любую минуту!» Вот уж озадачила человека: а кто ей скажет, где сейчас обитает наша летушка?

Сказать по правде, то я и сама бы написала аналитичку в тоне полемики с неизвестной Тряпицыной, но какой в том прок, если мои самые безобидные вступления секретарь убирает без слов. В моих материалах после заголовка как правило следует фраза секретаря: «Об этом и побеседовали с ...» Когда Наташа читает мне свои неплохие вступления, то я кричу ей: «Не сыпь мне соль на рану. Разве не видишь, что все мои «размышленки» начинаются с «Об этом и поговорили!»...»

С удовольствием написала бы и по другой причине: убери из секретарской заметушечки открытую злобность, то получилась бы неплохая «юморинка».

НАЧАЛЬНИК АВТОИНСПЕКЦИИ, НЕРАЗВИТЫЙ СЕКРЕТАРЬ И СПЛОШНЫЕ КЛЕРКИ

Пришла с обеда, а мое место и наш кабинет покидает «большой» человек. Заметив, что моя шаль все еще горяча от ягодиц большого начальника, произвольно ахнула:

– Вот же гад!

Наташа сконфуженно расхохоталась:

– Большой человек! Учить не станешь!

В пятом вечера к нам на телефон кое-как пробился еще один большой человек – наш редактор:

– Н. П., не могу дозвониться секретарю, скажите, чтобы она в обращение к архангелогородцам прибавила «и жителям районов»!

– Редактор просила добавить в обращение... Все понятно!

– Ничего не понятно!

Тут, слава богу, вклинилась корректор:

– Я так и подумала, но не стала говорить!

Редактор выдала страницу потребителей, где много замечочек трудящихся с вопросами к власти имущим. На эти вопросы теперь будут в поте лица добывать ответы клерки вроде меня и Валеры. Паше ведь такое письмо не дашь: он станет готовить ответ на него до второго пришествия. Остальные в отпусках. И все прекрасно: редактор начислила себе прекрасный гонорар, а клерки перепашут там, где она слегка и непонятно, для чего переборонила. Клерками редактор называет всех, кто не первые руководители.

Вот так-то, знай наших!

Редактор страшно важна и высокомерна: последняя «полетка» в Котлас проходила, вероятно, на каком-то очень уж высоком уровне. Подавая мне письмо, пренебрежительно роняет:

- Возьмите ответ у начальника отдела социальной защиты населения!
- Я вам говорила: она выйдет из отпуска третьего июля!
- Третьего июля выходной! Она должна выйти на работу первого июля!
- Не все же в нашей стране такие работающие!

Редактор пишет до упора третий день, а я столько же дней вспоминаю мнение моих коллег, так покоробившее меня два года тому назад: «Скорей бы редактор куда-нибудь улетела! Без нее работать спокойнее!» Отмечаюсь у редактора, чтобы уйти в администрацию. Она мгновенно строжает:

- Зачем?!
- Вы же дали мне письма! Ответ на них надо получить у главы района!
- А-а-а... Зайдите в управление социальной защиты населения!
- Заведующая в отпуске!
- Странно! Я каждый день вижу ее в администрации! Извините, что я так разнервничалась!

Я утонула в письмах трудящихся. Не в тех, которые дают норму строкажа, а в малышках на пятьдесят строк, по которым надо еще получить ответ у двух-трех руководителей, а тех руководителей еще надо застать на месте, а они еще должны быть готовы ответить на вопросы... Непонятно: то ли писательская активность наших читателей выросла, то ли раньше этот девятый вал шел через бедную Мадам, пока я «каталась» по командировкам. Теперь уж едва ли до пенсии меня еще раз выпустят из городка.

НЕБЫВАЛЫЕ КОМБИНАЦИИ БЫВАЛЫХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ

Так говорят о снах, но, сколько помню себя, столько и прыгаю во сне с высоченной стены в темно-синюю или темно-зеленую воду. Сегодня впервые повернула назад. Иду себе по удивительно красивой летней дороге. Впереди еще более красивый мостик. И вдруг этот мостик вспучивается громадным животом. «Живот» постоянно колеблется. Остановилась, озадаченная. Глянула на далекую темно-синюю воду. Глянула и вверх: старушка в платочке на облачке манит меня к себе – и повернула назад. Успела еще подумать до просыпания: на облачке моя мама.

В ЧЬИХ РУКАХ СУДЬБА РОССИИ?

Вот и еще один грех на моей душе, в котором я на первый взгляд не виновата. Редактор дала мне второго июля письмо Дранникова.

«Дорогая редакция, пишу вам письмо. Живу я с сыном и снохой. Уход за мной никакой».

Прошу вас определить меня в Дом престарелых. Я инвалид второй группы и ветеран труда. Очень прошу вас обратить на меня внимание и прошу вас обратить внимание на то, что сын мой пьет запоями, а дочери мои все живут далеко: одна – в Александровне, другая – в Ленинграде, а третья – в Моршанске.

Воспитал я четверых, а жить негде. И вроде не хуже других.

Дорогая редакция, прошу освидетельствовать. Кланяюсь вам низко в ноги».

Сегодня одиннадцатое июля. Заведующая отделом социальной защиты населения все

еще в отпуске, а Дранников... повесился.

ВСЕ ПАШУТ, КРОМЕ ПАШИ

Иногда все-таки хорошо быть редактором. Накатила писательская волна – изливайся без ущерба для здоровья: не сократят, не переинчат. Пришел столь же благодатный отлив – устраивай ругательные планерки. У нас планерок давно нет. Они и не требуются: редактор, Валера и я наперегонки пашем, даже Паша слегка подборонивает – его красивая фамилия мелькает в нескольких газетах подряд.

АРОМАТНИКИ

Июль. Жара. От некоторых молодых и хорошо одетых женщин даже по утрам пахнет, как от пьяной свинарки. Не дай бог жить в одной коммуналке с такой «ароматинкой».

Люди, ночующие в подвалах, в такую жару окутаны облаком удушающих смесей из тухлого яйца и помойки с туалетом. Завидев такое «чудо» издали, меняю направление движения, а если опаздываю, то хитренько задерживаю дыхание.

По дороге в редакцию на обочине много белого клевера. Его аромат настолько тонок, что в первую секунду поневоле теряешься: что же это такое тишайше и нежнейше перебивает гадость выхлопных газов только что проехавшей машины или важно прошествовавшего «ароматника».

СЧАСТЬЕ – ЭТО ОТПУСКНЫЕ НА РУКАХ

Иду в отпуск. У меня хватило ума подумать, что меня задержат до прихода Мадам.

Весело мне.

Отпускные я тоже получила полностью.

Весело мне.

После отпуска – на пенсию. Не скажу, что мне весело и по этому поводу, но и в этом есть своя прелесть.

ПОСЛЕДНЯЯ СЛЮНЯВИНКА

В 4-ом номере «Невы» за 1996 год Александр Ходоров: «Голстые журналы (русская литература) не могут обойтись без петербуржцев». Интересно: кого похвалил таким образом Александр Ходоров? По-моему, так русская литература не сможет обойтись даже без такого заштатного городишки, каким является наш нищий райцентр.

Нина Бахтина

Три сентября

Психологический опус

Компьютерная верстка
и оригинал–макет Т. Тайгановой
Фотоэтиюд А. Пландовской
Технический редактор Ю. Малоземов
Корректор А. Бархоленко
Лицензия ИД № 02513 от 31 июля 2000 г.
Тираж 100 экз.
Вологда, 2002 г.